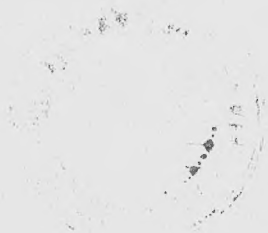
Н.В.ГАЕВСКІЙ, СПБ.

34228

II 6046
3



Г. 309

Просм. 32

СТОЛѢТІЕ

ОРГАНИЗАЦІИ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

?

„Das Theater ist eine mercantile Anstalt".
Goethe.
Das Theater ist eine moralische Stiftung".
Schiller.

Приложеніе къ XVII выпуску „Ежегодника Императорскихъ театровъ“.

В. П. Погожевъ.

СТОЛѢТІЕ

ОРГАНИЗАЦІИ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

(Опытъ историческаго обзора).

Выпускъ первый.

Книга III.

(Обзоръ съ 1826 по 1831 годъ.)

Изданіе Дирекціи Императорскихъ театровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорскихъ СПБ. Театровъ, Моховая, 40.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Выпускъ первый.

Книга III.

Историческій обзоръ (1826—1831).

Глава 6-я. Значеніе учрежденія Министерства Императорскаго Двора въ реформѣ театральной администраціи.

стр.

Административное положеніе столичныхъ театральныхъ дирекцій до учрежденія Министерства Императорскаго двора 1
Высочайшій Указъ 23 Августа 1826 г. 3
Постепенный упадокъ значенія Комитета Гл. Дирекціи. . 5
Работы по реформѣ Театральнаго Управленія 13
Положеніе объ управленіи Императорскими С.-Петербургскими Театрами 13 Ноября 1827 г. 24
Штатъ Имп. С.-Петербургскихъ театровъ 13 Ноября 1827 г. 28
Положеніе о вознагражденіи сочинителямъ 13 Ноября 1827 г. 34
Положеніе о пенсіонахъ артистамъ 13 Ноября 1827 г. . 40
Образованіе С.-Петербургскаго Театральнаго Училища 30 Апрѣля 1829 г. 43

стр.

Положеніе о пенсіяхъ придворнымъ чинамъ и служителямъ и положеніе о пенсіяхъ вдовамъ и дѣтямъ ихъ, 14 Марта 1827 г. 47
Учрежденіе Контроля Министерства Императорскаго Двора, 30 Марта 1827 г. 48
Различные законодательные акты, относящіеся до Театр. Управленія 49
Упраздненіе Комитета управлявшаго С.-Петербургскими театрами 53
Новый Штатъ Дирекціи Петербургскихъ театровъ 1 Октября 1829 г. 54
Директоръ С.-Петербургскихъ театровъ, кн. С. С. Гагаринъ 55
Директоръ С.-Петербургскихъ театровъ А. М. Гедеоновъ. 59
Положеніе о пенсіяхъ артистамъ, вдовамъ ихъ и дѣтямъ, 13 Августа 1838 г. 59
Положеніе о классѣ струнной музыки при Придворной Пѣвческой Капеллѣ 7 Января 1839 г. 63
Положеніе объ артистахъ Императорскихъ театровъ 15 Января 1839 г. 65
Правила и инструкціи, утвержденныя А. М. Гедеоновымъ . 69
Цензура театральныхъ пьесъ въ III отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи 73
Театральная пресса 96
Проектъ А. М. Гедеонова объ изданіи Дирекціей собственной Газеты 98

Глава 7-я. Обстановка администраціи и репертуарной жизни Московскихъ театровъ съ учрежденіемъ Министерства Императорскаго Двора (1826—1831 гг.).

Значеніе учрежденія Министерства Имп. Двора для Московскихъ театровъ 105
Отношенія къ Ѳ. Ѳ. Кокошкину Министра Имп. Двора. . 109
Министръ Императорскаго Двора кн. П. М. Волконскій. . 119
Отношенія между Дирекціей и Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ кн. Голицынымъ 16

стр.

Штатъ Московской Дирекціи театровъ 1 Апрѣля 1830 г. 143
Составъ артистической части Московскихъ театровъ. . 150
Московская опера 156
Драматическій репертуаръ Московскихъ театровъ 160
Концерты во время Великаго поста 162
Конкуренціи Петербургскихъ театровъ 164
Театръ въ Нескучномъ саду на Воробьевыхъгорахъ . . 174
Заботы Кокошкина о Театральной Школѣ 190

Глава 8-я. Неудачи конца Кокошкинскаго управленія Московскими театрами (1826 — 1831 гг.).

Нравы нѣкоторой части Московскихъ театраловъ . . 201
Попытка завести въ Москвѣ вновь Итальянскую оперу . 208
Первая попытка учрежденія частной французской труппы въ Москвѣ 210
Вторая попытка антрепренерши г-жи Карцовой 227
Соображенія Кокошкина о заведеніи казенной французской труппы 229
Третье выступленіе г-жи Карцовой 236
Открытіе французскихъ спектаклей г-жи Карцовой . . 238
Неудачи Карцовской антрепризы и предположеніе Дирекціи объ открытіи собственныхъ французскихъ спектаклей 240
Ликвидація дѣлъ театра Карцовой 251
Частная нѣмецкая антреприза въ Москвѣ 252
Вліяніе закрытія Московскихъ театровъ, вслѣдствіе траура. 257
Убытки театровъ отъ морозовъ зимы 1829—1830 г. . . 262
Холера въ Москвѣ въ 1830 г. 263
Возобновленіе дѣятельности Московскихъ театровъ послѣ холеры 272
Отраженіе холернаго времени на финансахъ театровъ. . 273
Сокращеніе состава артистовъ 276
Хозяйственная часть Московскихъ театровъ 282
Покупка дома для Театральнаго Училища 286
Невыясненность вопроса о наймѣ зданія Малаго театра. 293
Сравнительный масштабъ финансовыхъ пособій Петербургскимъ и Московскимъ театрамъ 297

стр.
Записка Кокошкина 1 Марта 1831 г. о финансовомъ положеніи Московскихъ театровъ 300
Оставленіе Кокошкинымъ управленія Московскими театрами 304
Паденіе курса ассигнаціоннаго рубля 305
Дѣятельность Контроля Министерства Двора, по отношенію къ Московскимъ театрамъ 308
Памяти Θ. Θ. Кокошкина 311

КНИГА III.

Глава 6-я.

Значеніе учрежденія Министерства Императорскаго Двора въ реформѣ театральной организаціи.

Учрежденіе Министерства Императорскаго Двора явилось нѣсколько запоздалымъ, но логическимъ послѣдствіемъ двухъ причинъ: съ внѣшней стороны,— введенія системы Министерствъ въ общегосударственный административный строй, а съ внутренней стороны, — необходимости объединенія разнообразныхъ учрежденій придворнаго вѣдомства.

Рядомъ съ этими учрежденіями, отчасти въ руслѣ придворной жизни, но совершенно независимо, особнякомъ, стояли двѣ Дирекціи Императорскихъ Театровъ. Обособлены они были и въ административномъ отношеніи и по финансовымъ источникамъ своего существованія. Во главѣ Петербургскаго театральнаго управленія, по положенію 1825 г., стоялъ Комитетъ Главной Дирекціи, предсѣдатель котораго, называвшійся Старшимъ Членомъ, входилъ по дѣламъ Дирекціи со всеподданнѣйшимъ докладомъ Государю. Существенные вопросы общаго характера и по преимуществу финансовые вносились Комитетомъ на обсужденіе Комитета Министровъ. Высочайшія повелѣнія

передавались въ Дирекцію либо старшимъ членомъ Комитета, либо столичнымъ Генералъ-Губернаторомъ. Въ Москвѣ главное начальство надъ театрами принадлежало Московскому Военному Генералъ-Губернатору, докладывавшему о театральныхъ дѣлахъ непосредственно Государю и посылавшему годовые отчеты о Московскихъ театрахъ на разсмотрѣніе Комитета Главной Дирекціи въ Петербургѣ и далѣе на обсужденіе Комитета Министровъ. Средства на содержаніе театровъ въ обѣихъ столицахъ составлялись изъ сборовъ со спектаклей и пополнялись ассигнованіями изъ трехъ источниковъ: Государственнаго Казначейства, Кабинета Его Величества и столичныхъ городскихъ доходовъ.

Учрежденіе 22 Августа 1826 года Министерства Императорскаго Двора кореннымъ образомъ измѣнило административное положеніе обѣихъ Дирекцій. Два внѣвѣдомственныя до того времени учрежденія, получили прочное положеніе во вновь образованномъ Министерствѣ, которое, съ подчиненіемъ ему впослѣдствіи Императорской Академіи Художествъ, до нашего времени выполняетъ, въ ряду Русскихъ государственныхъ учрежденій, до нѣкоторой степени значеніе Министерства изящныхъ искусствъ. Достойно замѣчанія, что въ § 1 Высочайшаго указа объ учрежденіи Министерства Императорскаго Двора, Дирекція Императорскихъ Театровъ обозначена въ единственномъ числѣ, безъ наименованія «Петербургской» или «Московской», изъ чего можно заключить, что Комитетъ Главной Дирекціи Петербургскихъ театровъ признавался въ то время центромъ театральнаго управленія.

Высочайшій Указъ 23 Августа 1826 г. [431]) не далъ непосредственнаго подробнаго опредѣленія будущаго отношенія органовъ театральнаго управленія въ обѣихъ столицахъ къ Министру Императорскаго Двора и не регламентировалъ порядка перехода къ нимъ. Новыя отношенія логически вытекали изъ содержанія самаго учредительнаго акта, который гласилъ такъ:

«§ 2, Министръ Императорскаго Двора имѣетъ состоять подъ Собственнымъ вѣдѣніемъ Государя Императора; слѣдственно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ отчетъ даетъ токмо Его Императорскому Величеству, равно и всѣ повелѣнія получаетъ отъ Его Величества, а другое никакое правительство никакого отчета по дѣламъ, ввѣряемымъ его распоряженію, требовать и предписаній по оному чинить права не имѣетъ. § 3. Всѣ именные указы и словесныя повелѣнія Государя Императора по придворной части [432]), Театральной Дирекціи, Департаменту Удѣловъ и Кабинету объявляетъ токмо одинъ Министръ Императорскаго Двора, мимо коего таковыхъ ни отъ кого не принимать. § 4. О всѣхъ дѣлахъ по Министерству ему ввѣренному и требующихъ Высочайшаго разрѣшенія, Министръ Императорскаго Двора входитъ съ докладомъ; прочія же, по данной ему власти, разрѣшаетъ самъ».

Пробѣлъ въ указаніи порядка реформы, или вѣрнѣе

[431]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сборникъ Выс. Пов. т. III, стр. 50.

[432]) Въ вѣдѣніе Министерства Имп. Дв., кромѣ Кабинета Е. В., Департамента Удѣловъ и обѣихъ Дирекцій въ 1826 г. поступили конторы: Придворная, Гофъ-Интендантская и Придворно-конюшенная, Экспедиція Кремлевскаго строенія, Московская Оружейная Палата и Дворцовыя Правленія: Царскосельское и Петергофское (Ibiq стр. 146).

въ указаніи участи прежде правившихъ театрами органовъ, былъ очевиденъ, но на практикѣ дѣло разрѣшилось такъ: Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ, немедленно и повидимому по собственной иниціативѣ, безмолвно, устранился отъ Главнаго начальства надъ Московскими театрами, а Комитетъ Главной Дирекціи въ С.-Петербургѣ подчинился Министру Императорскаго Двора.

Въ дѣлахъ Архива Министерства Двора не сохранилось никакихъ документовъ, указывающихъ на порядокъ перехода Московскихъ театровъ въ вѣдѣніе этого Министерства, но можно найти указаніе на то, что подчиненіе Петербургскаго Комитета Министру и форма отношеній къ нему Петербургской Дирекціи, установились постепенно и не безъ тренія. Для иллюстраціи той глухой борьбы между высокопоставленными членами Коллегіи, заправлявшей Петербургскими театрами и кн. Волконскимъ, борьбы, къ которой привела невыясненность положенія Комитета Главной Дирекціи въ Министерствѣ Императорскаго Двора, считаемъ не лишнимъ привести послѣдовательно рядъ слѣдующихъ сравнительно мелкихъ, но показательныхъ фактовъ. Еще 28 сентября 1826 г., т. е. черезъ мѣсяцъ по учрежденіи Министерства Императорскаго Двора, кн. Волконскій «*отношеніемъ*» сообщалъ Комитету Главной Дирекціи Высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи спектаклей въ 4-мъ кварталѣ траура по смерти Императора Александра I [433]). 4 октября 1826 г. Комитетъ, помимо Министра Императорскаго Двора, по требованію С.-Петербургскаго

[433]) Ibid. стр. 56.

Военнаго Генералъ-Губернатора, объявлялъ въ афишахъ предложеніе публикѣ «надѣвать шляпы не прежде, какъ по выходѣ уже изъ залы театра [434]). Далѣе, 23 октября 1826 г., Комитетъ совершенно самостоятельно, не испрашивая согласія Министра, рѣшалъ вопросъ объ устройствѣ лазарета въ практическомъ залѣ школьнаго театра, по утвержденному Комитетомъ же плану [435]). Но уже 31 октября 1826 г. Комитетъ Главной Дирекціи слушалъ *предложеніе* Министра Императорскаго Двора, съ сообщеніемъ Высочайшей Воли [436]), чтобы французскій и нѣмецкій репертуаръ въ Петербургскихъ театрахъ былъ ограниченъ представленіемъ комедій и водевилей, а 19 ноября 1826 г. князь Волконскій «предлагалъ Комитету къ исполненію» непосредственное свое распоряженіе о порядкѣ продажи театральныхъ билетовъ лишь въ день спектакля [437]).

Стараясь удержать за собою нѣкоторую самостоятельность въ распоряженіяхъ и дѣлая отъ времени до времени попытки по оставленію, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, приказаній Министра безъ исполненія, Комитетъ Главной Дирекціи, тѣмъ не менѣе, уже въ декабрѣ 1826 г. входилъ къ Министру Императорскаго Двора съ *рапортами*. Такимъ образомъ кн. Волконскій постепенно, но неуклонно, съужалъ компетенцію Комитета, пользуясь всякимъ подходящимъ случаемъ для усиленія собственнаго престижа и вліянія въ театральныхъ дѣлахъ. 19 декабря 1826 г.

---

[434]) Ibid стр. 63.
[435]) » » 66.
[436]) » » 69
[437]) » » 76.

кн. Волконскій объявилъ Комитету Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Государю Императору благоугодно было изъявить мнѣ Высочайшую Свою Волю, чтобы во всѣхъ театрахъ бывшія Директорскія ложи отнынѣ впредь принадлежали Министру Императорскаго двора» [438]). Распоряженіе это имѣло, конечно, отношеніе и къ Московскимъ театрамъ и Директоръ этихъ Театровъ Кокошкинъ на нѣкоторое время остался безъ права на ложу. Съ началомъ 1827 года составъ Комитета Главной Дирекціи былъ усиленъ назначеніемъ въ него двухъ новыхъ, сравнительно невысокаго ранга, членовъ, братьевъ графовъ Віельгорскихъ, младшему изъ которыхъ, камергеру Коллежскому Совѣтнику графу Матвѣю Юрьевичу, совмѣстно съ вездѣсущимъ Петербургскимъ театральнымъ фактотумомъ тит. сов. Казасси, дана была командировка за границу для выбора артистовъ Петербургской Итальянской труппы [439]). 28 марта 1827 г., по предложенію князя Волконскаго, «для лучшаго устройства театральнаго управленія и скорѣйшаго теченія дѣлъ», Комитетомъ сдѣлано новое распредѣленіе, между членами его, частей управленія С.-Петербургскими театрами, слѣдующимъ образомъ: на старшаго члена кн. Долгорукова возложено завѣдываніе французской труппой, маскарадами, казначействомъ и экипажами; на кн. Гагарина—балетъ, театральная школа и зданія театровъ; на въ д. гофмейстера гр. Віельгорскаго 1-го—русская драма и русская опера; на камергера гр. Віельгорскаго 2-го—Итальянская опера и оркестръ; на гр. Кутайсова—нѣмецкая труппа и

[438]) Ibid стр. 87.
[439]) » » 95.

письменныя дѣла по Комитету. Разсмотрѣніе пьесъ, возложенное годъ тому назадъ на гр. Кутайсова, распредѣлено между всѣми членами Комитета по соотвѣтственнымъ частямъ. Монтировочная часть (кромѣ декорацій), письменныя дѣла Конторы и хозяйство, какъ общее, такъ и по школѣ, оставлены на Конторѣ, а завѣдываніе декораціями и «декораціонная школа» поручены главному архитектору Императорскихъ театровъ, знаменитому художнику Гонзаго [440]). Вскорѣ же, нивеллировка театральной Дирекціи подъ уровень прочихъ установленій Министерства Императорскаго Двора завершилось учрежденіемъ 30 марта 1827 г. [441]) особаго Контроля Министерства, ревизіи котораго подчинены всѣ счеты и отчеты театральныхъ Дирекцій. До нѣкоторой степени нивеллирующее значеніе имѣло также установленіе для чиновниковъ театральной Дирекціи формы одежды по образцу, принятому для чиновъ Министерства. Послѣдовавшее по этому поводу Высочайшее повелѣніе отъ 29 сентября 1827 г. [442]) гласило такъ: «Чиновникамъ Императорской театральной Дирекціи имѣть вицъ-мундиръ изъ темнозеленаго фрака (sic!) съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и съ вызолоченными пуговицами съ вензелевымъ именемъ Его Величества, по образцу утвержденному для чиновниковъ Кабинета. При сихъ фракахъ носить панталоны или брюки темнозеленые, жилетъ бѣлый, или черный, шляпу круглую, а шпагъ не имѣть» [443]).

---

[440]) В. П. Погожевъ, Историческіе очерки III, стр. 316.

[441]) Ibid стр. 317.

[442]) Общ. Архивъ М. И. Д., Д. И. Т. Дѣло 1827 г., № 243.

[443]) Въ частности, въ Дирекціи Московскихъ театровъ, предписаніемъ Министра отъ 3 нояб. 1827 г., ношеніе вицъ-

Повидимому, принципъ коллегіальности въ театральномъ управленіи не отвѣчалъ взглядамъ кн. Волконскаго и надо думать, что судьба Комитета Главной Дирекціи была рѣшена Министромъ Императорскаго Двора задолго до 1829 года, когда послѣдовало окончательное упраздненіе коллегіальности въ высшей театральной организаціи.

Послѣдовавшій за учрежденіемъ Министерства Императорскаго Двора періодъ съ 1826 по 1829 г., богатый законодательными работами по Петербургскимъ театрамъ, подлежитъ нашему подробному разсмотрѣнію, такъ какъ работы эти, во многихъ вопросахъ, имѣли прямое отношеніе къ порядкамъ Московскаго Театральнаго Управленія.

Первымъ поводомъ къ возбужденію вопроса о реформѣ послужили неурядицы Петербургскаго театральнаго управленія и въ особенности печальное финансовое состояніе С.-Петербургскихъ театровъ, ярко обнаружившееся съ закрытіемъ спектаклей и съ прекращеніемъ сборовъ съ 27 Ноября 1825 г., по случаю траура по Императорѣ Александрѣ I.

Еще за полгода до учрежденія Министерства Императорскаго Двора, а именно 9 Марта 1826 г., по Высочайшему повелѣнію, была внесена на разсмотрѣніе Комитета Министровъ записка Комитета Главной Дирекціи, въ которой онъ, за недостаткомъ средствъ, испрашивалъ денежныхъ пособій: въ 1-хъ ежемѣсячнаго по 49.593 р. 88 к.—на возмѣщеніе сборовъ, прекратившихся по случаю траура и во 2-хъ единовре-

мундира предоставлено было лишь тѣмъ чиновникамъ, которые состояли въ ея штатѣ (Архивъ СПБ. Конторы И. Т.; Сб. В. Пов. кн. II, стр. 152).

меннаго въ 146.830 р. 85 к.—на уплату долговъ, образовавшихся вслѣдствіе внезапнаго закрытія театровъ, послѣ заготовленія монтировки большого количества новыхъ пьесъ. Затруднительное положеніе Дирекціи охарактеризовано въ запискѣ такъ: Комитетъ Главной Дирекціи, «вникнувъ въ нынѣшнее положеніе С.-Петербургскихъ театровъ, находитъ коренной недостатокъ на счетъ содержанія артистовъ, школы, необходимыхъ чиновниковъ и служителей, равно и уплаты денегъ, слѣдующихъ поставщикамъ. Весьма многіе изъ нихъ еще и за прошедшіе годы неудовлетворены по контрактамъ и условіямъ. Положеніе сіе, по закрытіи театральныхъ представленій и по прекращенію отъ того доходовъ съ оныхъ, день ото дня становится тягостнѣе къ разстройству состоянія артистовъ и къ вреду кредита сего Учрежденія»[441]). Положеніе было дѣйствительно «тягостное», но причины его лежали въ передержкахъ прежняго времени; трауръ же явился лишь предлогомъ къ ходатайству о пособіи. Комитетъ Министровъ, выслушавъ заключеніе Министра Финансовъ по этому предмету и указавъ на только что послѣдовавшую 11 Августа 1825 г. оплату Государственнымъ Казначействомъ долговъ Петербургской Дирекціи, въ суммѣ 270,000 рублей, совершенно основательно отказалъ Дирекціи въ единовременномъ пособіи и разрѣшилъ лишь ежемѣсячное, въ размѣрѣ 49.593 р. 88 к., съ 27 Ноября 1825 г. по день открытія спектаклей иностранныхъ труппъ. Это постановленіе Комитета Министровъ Высочайше утверждено 30 Марта 1826 г. Оставшись безъ пособія,

[441]) Архивъ СПБ. Конторы И. Т. Сборн. Выс. Пов. кн. II, стр. 17—28.

Комитетъ Главной Дирекціи на первое время прибѣгнулъ къ довольно жалкимъ палліативамъ и 13 Апрѣля 1826 года [445]) постановилъ: во 1-хъ закрыть выпускъ изъ Театральнаго Училища, допуская его лишь въ случаяхъ, когда «окажется особый талантъ, нужный къ пріобрѣтенію», въ 2-хъ свести расходы лишь къ «самонужнѣшимъ, оставляя улучшенія до удобнѣйшаго времени» и наконецъ въ 3-хъ—обставить производство даже мелочныхъ расходовъ журналами Конторы. Но положеніе отъ этого не улучшилось. Комитетъ, первоначально относившій финансовыя затрудненія Дирекціи къ неожиданному закрытію спектаклей, долженъ былъ наконецъ сознаться, что причины затрудненій лежали глубже, а именно: въ несовершенствѣ организаціи Петербургскаго Театральнаго управленія, въ отсутствіи достаточной экономіи въ расходахъ и въ дефектахъ хозяйственнаго порядка,

14 Іюля 1826 г. [446]) члены Комитета Гл. Дирекціи Шталмейстеръ Кн. Долгоруковъ и Сенаторъ гр. Кутайсовъ представили Императору Николаю Павловичу всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество именнымъ Указомъ, даннымъ Комитету Главной Театральной Дирекціи 23 Генваря сего года, образовавъ оный вновь, возложить изволили на него обязанности лучшаго устройства и порядка въ Театральномъ управленіи. По сей Высочайше предначертанной обязанности, имѣвъ священнѣйшимъ долгомъ вникнуть во всѣ подробности нынѣ существующаго постановленія, изданнаго для упра-

[445]) Ibid. стр. 32.

[446]) Общ. Арх. Мин. И. Дв. Канцелярія Мин-ва Дѣло 1827 г. № 183.

вленія С.-Петербургскими театрами, Комитетъ находитъ оное не сообразнымъ къ водворенію таковаго устройства и порядка и даже совершенно неудобоисполнительнымъ. Во первыхъ управленіе театрами чрезмѣрно увеличено: С.-Петербургскими театрами управляютъ: Комитетъ сей, Директоръ и Контора; каждая изъ сихъ 3-хъ инстанцій имѣетъ своего секретаря, чрезъ то происходитъ многосложная переписка, вредящая театральному производству, требующему быстраго дѣйствія. Во вторыхъ пенсіоны назначены единообразно для всѣхъ артистовъ, что весьма разорительно для казны, а положенныя награжденія авторамъ—для Дирекціи. Въ третьихъ обязанности должностныхъ чиновниковъ, артистовъ и служителей изложены не ясно, и вообще все постановленіе написано весьма сбивчиво, чрезъ что артисты и должностные чиновники находятъ всегдашнія оправданія въ своихъ неисправностяхъ.

Въ отвращеніе всѣхъ сихъ неудобствъ Комитетъ испрашиваетъ Высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества приступить къ составленію новаго проекта для образованія театральнаго управленія, съ тѣмъ, дабы для лучшаго удостовѣренія въ дѣйствительной его пользѣ руководствоваться онымъ въ теченіи года, прежде нежели удостоенъ будетъ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества конфирмаціи.

Комитетъ надѣется чрезъ оный, не токмо сберечь казну отъ излишнихъ расходовъ, но имѣть значительное вліяніе на самую нравственность просвѣщеннаго класса народа и пріобрѣсти средства къ улучшенію россійскихъ театровъ, не выходя ни мало изъ суммъ, по нынѣ на театръ Дирекціи отпускаемыхъ.

Стремясь къ сему, Комитетъ Главной Театральной Дирекціи нынѣ же осмѣливается испрашивать повелѣнія Вашего Императорскаго Величества на упраздненіе двухъ инстанцій управленія театральнаго, какъ то: Директора и теперешней Конторы. Сему же Комитету поручить главное правленіе С.-Петербургскими театрами, а для мѣстнаго надзора за приготовленіями къ театралънымъ представленіямъ и исполненій постановленій Комитета опредѣлить, съ утвержденія Вашего Императорскаго Величества, одного главнаго Инспектора и въ каждой труппѣ особаго Инспектора, коихъ опредѣленіе и увольненіе Комитетъ Главной Дирекціи всеподданнѣйше испрашиваетъ предоставить ему, также какъ и уничтоженіе нѣкоторыхъ состоящихъ нынѣ должностныхъ вакансій, съ тѣмъ однако же, чтобы отъ нихъ остающіяся суммы Комитетъ могъ употребить на другіе болѣе нужные предметы. Тѣмъ же, кои по сему распоряженію останутся безъ мѣста, Всемилостивѣйше даровать, на подобіе какъ при упраздненіи мѣстъ въ прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, единовременно въ выдачу годового жалованья, съ причисленіемъ ихъ до пріисканія службы къ Герольдіи».

Такимъ образомъ ближайшія желанія Комитета сводились по преимуществу къ упраздненію должности Директора, стоявшаго видимо въ сторонѣ отъ Комитета и являвшагося ему помѣхой. Удаленіе Директора было злобой дня, вопросъ же систематической разработки реформы отлагался Комитетомъ въ дальній ящикъ. Обращаетъ на себя вниманіе во всеподданнѣйшемъ докладѣ тотъ фактъ, что лица, непосредственно стоявшія у театральнаго дѣла, въ критикѣ его положенія, по примѣру предшественниковъ своихъ, упу-

скали самый существенный его недостатокъ, а именно несоотвѣтствіе общаго широкаго розмаха расходнаго бюджета С.-Петербургскихъ театровъ съ рамками прихода и ограничивались наивнымъ указаніемъ на роскошь расходовъ по авторскому вознагражденію.

Разсмотрѣніе всеподданнѣйшаго доклада Комитета, совпавшее съ учрежденіемъ Министерства Императорскаго Двора, очевидно потребовало заключенія вновь назначеннаго Министра, кн. Волконскаго, а потому и затянулось почти на полгода. Лишь 8 Января 1828 г. послѣдовало по этому докладу резолюція кн. Волконскаго: «Высочайше повелѣно, чтобы Театральный Комитетъ напередъ занялся составленіемъ сего новаго положенія и по изготовленіи представилъ оное на Высочайшее утвержденіе».

Постепенно знакомясь съ театральнымъ дѣломъ, кн. Волконскій самъ оцѣнилъ необходимость скорѣйшей реформы Театральной организаціи и разсчитывалъ на осуществленіе ея съ открытіемъ зимняго сезона 1827—1828 г., а потому 27 Апрѣля 1827 г. [447]) торопилъ Комитетъ представленіемъ проекта новаго положенія «непремѣнно къ 15 Мая 1827 г.» Комитетъ же, съ своей стороны, не особенно торопился. Въ работахъ его по проектированію новой организаціи Петербургскаго театральнаго управленія слѣдуетъ отмѣтить двѣ характерныя особенности: во 1-хъ—расколъ въ средѣ самаго Комитета во взглядахъ на детали организаціи театральнаго дѣлопроизводства, приведшій, какъ увидимъ далѣе, къ составленію не одного, а двухъ проектовъ общаго положенія (одного—редактированнаго

[447]) Ibid.

кн. Долгоруковымъ, а другого—гр. Кутайсовымъ, совмѣстно съ гр. Вielьгорскимъ 1-мъ); во 2-хъ—не совсѣмъ корректное въ служебномъ смыслѣ, но, по объясненнымъ выше причинамъ, вполнѣ понятное со стороны членовъ Комитета, устраненіе отъ работъ по реформѣ—лица, непосредственно приставленнаго къ Петербургской театральной машинѣ, а именно: Директора театровъ с. с. Остолопова.

Это послѣднее обстоятельство вынудило Остолопова, 6 Іюня 1827 г., [448]) представить Министру его собственное мнѣніе о желательныхъ основаніяхъ предстоящей реформы, которую онъ сводилъ лишь къ умаленію значенія Комитета и къ усиленію власти Директора, не измѣняя общей системы организаціи театральнаго управленія. Воспитанный въ теченіе своей долголѣтней службы на канцелярскихъ порядкахъ начала XIX вѣка [449]), Остолоповъ искалъ панацею

[448]) Ibid.

[449]) Для характеристики служебной карьеры Директора С.-Петербургскихъ театровъ с. с. Остолопова, кстати сказать, совершенно безцвѣтно промелькнувшаго въ исторіи Петербургскихъ театровъ, приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ послужного его списка, сохранившагося въ Архивѣ Министерства И. Двора. Н. Остолоповъ, дворянинъ Вологодской губерніи. Въ 1801 г. студентъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1802 г. переведенъ въ Департаментъ Министерства Юстиціи, въ 1804 г. титулярный Совѣтникъ, въ 1806 г. коллежскій Ассесоръ, въ 1808 г. надв. сов. и губернскій прокуроръ въ Вологдѣ. Въ 1812 г переведенъ въ департаментъ Министерства Юстиціи, въ 1813 г. уволенъ по прошенію въ оставку, а затѣмъ опредѣленъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ въ Министерство Финансовъ; въ 1814 г.—главный правитель учрежденныхъ въ Вологодской губерніи надъ питейными сборами казенныхъ надзоровъ. Въ

театральнаго нестроенія исключительно въ регулированіи канцелярскаго дѣла и въ сокращеніи переписки и, отстаивая авторитетъ Директора въ театральныхъ дѣлахъ, ставилъ идеаломъ этой должности положеніе директора министерскаго департамента. Узкость взглядовъ Остолопова и наивность ихъ изложенія въ его письмѣ кн. Волконскому заставляетъ насъ привести этотъ интересный документъ цѣликомъ.

«Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь, писалъ Остолоповъ. Узнавъ, что Вашему Сіятельству предста вляется новое преобразованіе театральной Дирекціи, въ которую, по Волѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, изъ предсѣдателя Шоссейнаго Экономическаго Комитета, перемѣщенъ я Директоромъ съ 31 Августа 1825 г., не имѣя никакого свѣдѣнія о предполагаемыхъ перемѣнахъ—осмѣливаюсь, руководимый единственно усердіемъ къ службѣ и къ пользамъ Дирекціи, представить вашему Сіятельству, на благоусмотрѣніе, краткій проектъ, чрезъ приведеніе коего въ дѣйствіе могло бы, по мнѣнію моему, принять наилучшій видъ театральное управленіе.

1814 г.—Вологодскій Вице-Губернаторъ, съ производствомъ въ коллежскіе совѣтники, въ 1819 г. причисленъ къ Герольдіи. Въ 1820 г. Инспекторъ классовъ въ училищѣ ордена Св. Екатерины, въ томъ же году причисленъ къ Министерству Просвѣщенія; въ 1821 г. произведенъ въ статскіе совѣтники съ увольненіемъ отъ должности Инспектора. Въ 1824 г.—Предсѣдатель Шоссейнаго Комитета. Въ 1825 г. Директоръ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ. 4 дек. 1827 г. оставленъ по новому штату за реформой и причисленъ къ Герольдіи. 10 дек. 1827 г. Выс. Приказомъ назначено Остолопову ежегодно по 3000 р. до опредѣленія его къ мѣсту. (Общ. Арх. М. И. Д. Канц. Мин. Дѣло 1827 г. № 183).

Не говоря ничего о нынѣшнемъ дѣлопроизводствѣ по театральной части я предполагаю токмо, что возможно сократить оное нижесказанымъ образомъ, донося предварительно, что при главномъ начальствѣ Вашего Сіятельства, можно оставить нынѣшнее раздѣленіе частей безъ всякой перемѣны, т. е. также могутъ остаться: Комитетъ Главной Дирекціи, Дирекція Театровъ, Контора Дирекціи. Дирекцію театровъ составляетъ Директоръ, предсѣдательствующій въ Конторѣ, составленной кромѣ его изъ двухъ членовъ, одного по репертуарной или искусственной, другого по хозяйственной части, коихъ обязанности удовлетворительно изложены въ Высочайше утвержденномъ постановленіи 3 мая 1825 г.

Что касается должности Директора, то несмотря на нынѣшнее положеніе дѣлъ, коимъ, повидимому, обязанность его нѣкоторымъ образомъ уменьшается, даже уничтожается—рѣшительно можно сказать, что лицо, служащее центромъ всѣхъ вообще частей, какое не получило бы оно названіе, необходимо нужно въ театральной Дирекціи, ибо ежели каждая часть будетъ имѣть особенно начальника, то не токмо въ производствѣ дѣлъ, даже въ самомъ теченіи спектаклей можетъ произойти замѣшательство и неустройство. Почти двухлѣтняя опытность моя сіе мнѣ доказываетъ.

Для сокращенія же нынѣшняго дѣлопроизводства полагаю, что Директоръ театровъ, по примѣру прочихъ Министерскихъ департаментовъ, по обсужденному въ Конторѣ Дирекціи дѣлу, представляетъ составленую изъ онаго записку, съ надлежащимъ мнѣніемъ Конторы, Господину Министру, котораго довольно одного слова «исполнить», чтобы дѣло дѣйстви-

тельно было исполнено безъ малѣйшаго промедленія времени. Само собою разумѣется, что Г. Министръ можетъ уничтожить мнѣніе Конторы; тогда, по полученіи на запискѣ письменной его резолюціи, дѣло также немедленно исполняется. Отъ Господина же Министра зависѣть будетъ передать дѣло для разсмотрѣнія въ Комитетъ Главной Дирекціи, который имѣетъ тогда право требовать отъ Конторы нужныхъ свѣдѣній, по окончаніи разсмотрѣнія доноситъ Господину Министру докладомъ и дѣло вышеизложеннымъ порядкомъ передается Директору для исполненія. Такимъ образомъ дѣлопроизводство по театральному вѣдомству сократится наиболѣе потому, что всѣ почти дѣла должны будутъ оканчиваться по одной резолюціи Г. Министра и тогда Директоръ обязанъ уже во всей силѣ отвѣтствовать за могущіе произойти безпорядки, каковую отвѣтственность приметъ конечно безъ затрудненія, будучи увѣренъ, что какъ оные, такъ равномѣрно порядокъ или усовершенствованіе какой либо части къ нему же относятся.

Комитетъ Главной Дирекціи, или составляющіе оный члены, сверхъ вышеизложеннаго разсмотрѣнія дѣлъ, могутъ, по нынѣшнему раздѣленію между собою частей театральнаго вѣдомства, дѣлать попечительныя наблюденія надъ каждою, не входя во внутреннія распоряженія; они могутъ дѣлать письменныя или словесныя замѣчанія Директору, который посредствомъ Конторы и подвѣдомственныхъ ей лицъ, дѣлаетъ по онымъ немедленно исполненіе, или докладываетъ Господину Министру и ожидаетъ отъ него разрѣшенія.

Я твердо увѣренъ, что ежели Вашему Сіятельству хотя для опыта на нѣкоторое время, благоугодно бу-

детъ утвердить излагаемый здѣсь порядокъ,—дѣло воспримет лучшее теченіе. Но дабы показать, что я не изъ какихъ либо видовъ, не именно для себя сіе представляю, а единственно изъ усердія къ пользамъ службы, осмѣливаюсь при семъ повторить прежнюю мою всепокорнѣйшую просьбу объ исходатайствованіи мнѣ опредѣленія въ Оренбургскіе Гражданскіе губернаторы, или въ какую губернію угодно будетъ назначить.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностью, имѣю счастіе именоваться Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою, Николай Остолоповъ, Директоръ С.-Петербургскихъ театровъ».

Письмо Остолопова осталось безъ отвѣта и желаніе его не осуществилось: должность Директора была упразднена, а губернаторскаго мѣста Остолоповъ не получилъ.

Не смотря на понужденія кн. Волконскаго, дѣло предварительной разработки проекта новаго положенія о Петербургскомъ театральномъ управленіи шло довольно вяло. Давно прошелъ уже назначенный Министромъ срокъ 15 Мая, а Комитетъ, интересовавшійся главнымъ образомъ упраздненіемъ должности Директора, всячески старался сократить труды по разработкѣ новаго положенія, въ которыхъ принимали участіе лишь три члена Комитета: кн. Долгоруковъ, гр. Кутайсовъ и гр. Віельгорскій 1-й. 7 Августа 1827 г. [450]) Комитетъ рапортовалъ Министру, что имъ уже составлены 4 общія положенія: «О Комитетѣ», «О Конторѣ» «О пенсіяхъ» и

[450]) Ibid.

«Объ авторскомъ вознагражденіи» и что остается лишь составленіе штатовъ, которое можетъ быть закончено лишь по утвержденіи первыхъ 4-хъ положеній. Въ томъ же рапортѣ Комитетъ, руководствуясь, какъ онъ говорилъ, «пріобрѣтенными на опытѣ свѣдѣніями о потребностяхъ Дирекціи, по внимательномъ изслѣдованіи прежнихъ положеній», представлялъ на усмотрѣніе Министра свое мнѣніе, «что одни только главныя статьи театральнаго управленія, долженствующія служить постояннымъ руководствомъ, подлежатъ Высочайшему утвержденію; прочія же, къ внутреннему управленію относящіяся, статьи, какъ не заключающія особой важности и безпрерывно измѣняющіяся, не могутъ быть внесены въ постоянное постановленіе, но должны предоставляться начальству Дирекціи, которое, при частномъ составленіи оныхъ, могло бы сообразоваться со способностями должностныхъ лицъ, въ распоряженіи его находящихся и дѣйствовать чрезъ то съ большою пользою». Такимъ образомъ Комитетъ провозгласилъ совершенно оригинальный, едва ли встрѣтившій гдѣ либо подраженіе, принципъ примѣненія законодательства и служебныхъ порядковъ къ индивидуальностямъ наличнаго состава должностныхъ лицъ, а не наоборотъ, какъ то вездѣ практикуется. Рапортъ свой Комитетъ заканчивалъ такъ: «что же касается до прочихъ, ко внутреннему управленію Дирекціи относящихся, статей, то согласно вышеприведенному мнѣнію своему, Комитетъ, находя статьи тѣ не подлежащими Высочайшему утвержденію, полагаетъ заняться впослѣдствіи постепеннымъ оныхъ составленіемъ, представляя, по окончаніи, каждую изъ нихъ, утвержденію Вашего Сіятельства, каковое составленіе при томъ не

потребуетъ продолжительнаго времени: ибо весьма много слѣдуемыхъ для нихъ положеній находятся въ постановленіяхъ Дирекціи, Высочайше въ 1809 и 1825 года утвержденныхъ и требуютъ болѣе пополненія и измѣненія, нежели отмѣны». Кн. Волконскій, спѣшившій преимущественно съ реорганизаціей центральнаго управленія театрами, положилъ на рапортѣ Комитета такую резолюцію: «Согласенъ, но представить мнѣ приготовленыя первыя четыре части».

13 Августа 1827 г. Комитетъ Гл. Дирекціи исполнилъ это приказаніе Министра и представилъ ему: 1) проектъ «Главнаго управленія Императорскими театрами» и штата его, составленный кн. Долгоруковымъ; 2) Проектъ «Новаго образованія главной Дирекціи Императорскихъ театровъ», со штатами Конторы и Канцеляріи Комитета, составленный гр. Кутайсовымъ и гр. Віельгорскимъ 1-мъ; 3) Проектъ положенія о назначеніи пенсіоновъ артистамъ и другимъ чинамъ Дирекціи и 4) проектъ положенія о награжденіи сочинителямъ и переводчикамъ драматическихъ пьесъ и музыки. Два послѣднія положенія были проектированы всѣмъ Комитетомъ, въ работахъ котораго впрочемъ не принимали участія ни кн. Гагаринъ ни гр. Віельгорскій 2-й.

Первые два проекта явились въ сущности варіантами одного и того же положенія объ организаціи высшаго театральнаго управленія. Проектъ кн. Долгорукова предполагалъ главное управленіе С.-Петербургскихъ театровъ поручить Комитету изъ 5 лицъ и сверхъ того одного члена по дѣламъ Московскихъ театровъ. Дѣла Главнаго управленія раздѣлены по проекту на «общія» и «частныя». Къ предметамъ

общаго управленія отнесены: опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ и артистовъ и заключеніе контрактовъ, разсмотрѣніе репертуара и назначеніе пьесъ къ представленію, разсмотрѣніе новыхъ пьесъ и опредѣленіе награжденія авторамъ и переводчикамъ, пріемъ дѣтей въ театральное Училище и назначеніе выпусковъ, утвержденіе расходовъ свыше 500 р. на отдѣльный предметъ и вообще всѣ вопросы, касающіеся общихъ потребностей Дирекціи. Предметы частнаго управленія составили: внутреннее управленіе труппами, «наблюденіе за строеніемъ» театровъ и зданій, опредѣленіе расходовъ ниже 500 руб., предварительное разсмотрѣніе новыхъ пьесъ и внесеніе ихъ съ мнѣніями въ Комитетъ. Письмоводство, счетоводство и наблюденіе за исполненіемъ постановленій Комитета возложено на Контору, состоящую изъ 2-хъ отдѣленій: «Распорядительнаго» и «Исполнительнаго». Во главѣ Конторы поставленъ Управляющій ею, являющійся докладчикомъ дѣлъ въ Комитетъ; ему подчинены начальники отдѣленій съ чиновниками. Въ проектѣ гр. Кутайсова во главѣ управленія также поставленъ Комитетъ и всѣ дѣла, безъ различія, какъ общаго, такъ и частнаго характера, распредѣлены между пятью членами Комитета. Для дѣлопроизводства по Комитету при немъ учреждена канцелярія, состоящая изъ секретаря, 2-хъ писцовъ и Контролера. Исполнительныя функціи, счетоводство и отчетность лежатъ на Конторѣ, состоящей изъ 2-хъ членовъ и Предсѣдателя; одинъ членъ Конторы назначается по искусственной, а другой по хозяйственной части. Контора получаетъ предписанія отъ членовъ Комитета отъ каждаго по его части. Для «наблюденія за вседневнымъ теченіемъ

спектаклей и за дѣйствіями Конторы», учреждено еженедѣльное дежурство членовъ Комитета. По тому и другому проекту членамъ Комитета содержаніе не назначается, но во всѣхъ театрахъ предоставляется для Комитета ложа и по одному креслу для каждаго члена Комитета. По проектированному кн. Долгорукомъ штату Главнаго управленія годовое содержаніе всѣхъ 22 чиновниковъ Дирекціи опредѣлилось суммой 47.000 руб., по проекту же гр. Кутайсова штатный расходъ на содержаніе Конторы (45.202 р.) и Канцеляріи (5.700 р.), всего 29 чиновниковъ, доходилъ до 50.902 руб.

Кн. Волконскій, недовольный медленностью работы Комитета Главной Дирекціи, усмотрѣвъ разногласіе въ представленныхъ проектахъ, взялъ въ свои руки согласованіе ихъ и редактированіе общаго Положенія, вслѣдствіе чего 19 Августа 1827 г. [451]) далъ Комитету слѣдующее предписаніе: «Для возможнаго соглашенія или сближенія мнѣній, для приведенія сего дѣла къ надлежащему концу и во избѣжаніе затруднительной переписки въ продолжительныхъ сношеніяхъ по сему предмету, я приказалъ состоящему при мнѣ по особымъ порученіямъ колл. сов. Даргомыжскому представить Комитету Главной Дирекціи Императорскихъ Театровъ, въ полномъ собраніи наличныхъ онаго членовъ, составленный у меня проектъ положенія объ управленіи Императорскими С.-Петербургскими театрами. Сей чиновникъ доложитъ Комитету о всѣхъ частяхъ сего проекта и представитъ доказательства, почему и на какой конецъ допущены въ ономъ всѣ

[451]) Ibid.

установленныя распоряженія и общій ходъ дѣлъ. Между тѣмъ, согласно сдѣланнымъ членами Комитета на сей предметъ замѣчаніямъ, пополненіямъ и изъятіямъ, к. с. Даргомыжскій, по предварительному докладу мнѣ, исправитъ оный и въ такомъ уже видѣ, когда всѣ члены изъявятъ общее свое согласіе на сіе положеніе, я поднесу оное къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію».

Даргомыжскій въ 6 недѣль окончилъ работу и 5 Октября 1827 г.[452]) Комитетъ, «разсмотрѣвъ представленный к. с. Даргомыжскимъ проектъ, сообразивъ его съ двумя проектами Комитета и примѣнивъ его къ настоящему теченію дѣлъ театральныхъ», представилъ этотъ проектъ, вмѣстѣ со вновь составленнымъ штатомъ Конторы С.-Петербургскихъ Театровъ, на усмотрѣніе Министра, удостовѣривъ, «что таковое преобразованіе должно послужить къ прочному устройству внутренняго порядка по театрамъ и подать способъ къ усовершенствованію по возможности спектаклей и вообще всего театральнаго управленія».

Въ представленномъ на Высочайшее усмотрѣніе проектѣ Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на § 2 положенія, относящійся до права Дирекціи разрѣшать публичныя представленія въ Петербургѣ пріѣзжимъ труппамъ и артистамъ и назначать для нихъ дни и часы и приказалъ препроводить проектъ «напередъ къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору—не имѣетъ ли какихъ замѣчаній»? Состоявшій тогда Генералъ-Губернаторомъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ протесто-

[452]) Ibid.

валъ противъ проектированной редакціи § 2 положенія, какъ отмѣняющей ст. 69 Полицейскаго устава, по которой на управу Благочинія возложено наблюдать, чтобы въ театральныхъ представленіяхъ «не было ничего противнаго закону или вреда общаго и частнаго». «А, какъ къ соблюденію сихъ предосторожностей, писалъ Голенищевъ-Кутузовъ, полиція болѣе имѣетъ способовъ, нежели Театральная Дирекція, то по мнѣнію моему сей законъ устава о Благочиніи долженъ остаться въ своей силѣ; но, для сохраненія выгодъ Театральной Дирекціи, считаю возможнымъ постановить правиломъ, чтобы Полиція, дозволяя кому либо публичныя представленія и пр., назначала для сего дни и часы не по собственному просителей и не своему усмотрѣнію, а по предварительному о томъ сношенію съ Театральною Дирекціею».

Императоръ Николай I повелѣлъ исправить § 2 проекта, согласно замѣчанію Генералъ-Губернатора и 13 Ноября 1827 г. [453]) далъ слѣдующій рескриптъ Министру Императорскаго Двора. «Князь Петръ Михайловичъ. Разсмотрѣвъ представленное мнѣ отъ васъ положеніе объ управленіи Императорскими С.-Петербургскими театрами, Я повелѣваю вамъ, согласно заключенію вашему, привести оное въ исполненіе для опыта на одинъ годъ, въ теченіи коего вы не оставите Мнѣ доложить будетъ ли сіе положеніе соотвѣтствовать успѣшному ходу дѣлъ въ полномъ порядкѣ. Пребываю къ вамъ благосклонный. Николай».

Положеніе 13 Ноября 1827 г. [454]) раздѣлено на слѣдующія 9 главъ: 1) «Составъ Комитета и обязанности

[453]) Ibid.

[454]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 317—320.

его членовъ»; 2)—«Контора и ея отдѣленія»; 3)—«Засѣданія Комитета и движеніе дѣлъ онаго»; 4)—«Свидѣтельство кассы и распоряженіе суммами»; 5)—«О дежурномъ членѣ и его обязанностяхъ»; 6)—«Составъ Конторы; ея обязанности»; 7)—«Порядокъ вступленія дѣлъ и теченіе оныхъ»; 8)—«Права и обязанности Управляющаго и начальниковъ отдѣленій» и 9)—«Составъ отдѣленій изъ столовъ; распредѣленіе занятій между ними». На основаніи вновь утвержденнаго положенія, все завѣдываніе театрами возложено на Комитетъ, который именуется «Комитетъ Управленія Императорскими С.-Петербургскими театрами». Комитетъ состоитъ изъ пяти членовъ, назначаемыхъ Высочайшею властью, по представленію Министра Императорскаго Двора. Одинъ изъ членовъ, «по чину и званію своему есть старшій»,— ему принадлежитъ главное начальство надъ письмоводствомъ и счетоводствомъ. Театральное управленіе раздѣлено на пять частей: 1) Русская труппа и Театральное Училище, 2) Балетная труппа, вольный танцовальный классъ и театральныя зданія, 3) Французская труппа, маскарады и частныя представленія на Императорскихъ театрахъ, 4) Нѣмецкая труппа и наблюденіе за декораціонной и костюмной частями и 5) Итальянская труппа, оркестры, хоры, вольные музыкальные классы и концерты. Непосредственное распоряженіе и хозяйственный надзоръ въ каждой части поручается членамъ Комитета отдѣльно, по назначенію Министра Императорскаго Двора. Предметы управленія раздѣлены на 2 категоріи: а) «общее управленіе»—всѣ вопросы, разрѣшаемые Комитетомъ въ полномъ составѣ и б) «непосредственное» управленіе членовъ. Письмоводство, бухгалтерія,

храненіе и выдача суммъ и исполненіе распоряженій Комитета возложены на «Контору Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ», подчиненную Комитету и состоящую изъ 2-хъ отдѣленій, подъ главнымъ распоряженіемъ Управляющаго Конторою. Докладчикомъ въ Комитетѣ состоитъ Управляющій Конторою. Присутствіе Комитета считается состоявшимся, при наличности трехъ членовъ. Засѣданія Комитета учреждаются «обыкновенныя»—въ назначенные дни и «чрезвычайныя»—по приглашенію старшаго члена. Дѣла въ Комитетѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ; при равенствѣ ихъ числа въ двухъ мнѣніяхъ, голосъ старшаго члена даетъ перевѣсъ. Если по рѣшенію вопроса состоялось три мнѣнія, хотя бы и съ превышеніемъ числа голосовъ по одному изъ нихъ, то вопросъ представляется на усмотрѣніе Министра Императорскаго Двора. О каждомъ засѣданіи Комитета составляется журналъ. Ежемѣсячно Комитетъ, полнымъ составомъ, ревизуетъ суммы, которыми распоряжается «хозяйственно», не выходя изъ общаго штатнаго положенія. Театральный годъ начинается и оканчивается, какъ и прежде, первымъ числомъ Марта мѣсяца. Мѣстное наблюденіе по всѣмъ частямъ управленія возлагается на дежурнаго члена Комитета, который долженъ ежедневно быть въ театрѣ на спектакляхъ и репетиціяхъ, одинъ разъ въ недѣлю посѣщать театральное Училище и, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, давать «временныя разрѣшенія», имѣя право производить расходы до 500 руб. въ день. Управляющій Конторою назначается, по представленію Комитета, Министромъ Императорскаго Двора, съ Высочайшаго утвержденія. Начальники отдѣленій Конторы утверждаются Мини-

стромъ. Управляющій Конторою, какъ предсѣдатель, а начальники отдѣленій, какъ члены, составляютъ общія присутствія Конторы, по которымъ составляются журналы. Въ Конторѣ учреждается непрерывное дежурство чиновниковъ, для пріема бумагъ. Бумаги распредѣляются по предметамъв ѣдомства членовъ Комитета, которые кладутъ на бумагахъ резолюціи, для исполненія ихъ въ Конторѣ. Для сокращенія переписки письменныя сношенія Комитета съ Конторою устранены и Контора руководствуется подлинными журналами Комитета. Контора дѣлится на 2 отдѣленія: «Исполнительное», съ двумя столами: однимъ для письмоводства, а другимъ для бухгалтеріи и «Хозяйственное», тоже съ двумя столами: экзекуторскимъ и казначейскимъ. Каждый столъ управляется столоначальникомъ. При Конторѣ состоитъ переводчикъ, онъ же секретарь для иностранной переписки и на немъ же лежитъ наблюденіе за афишами.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ въ 1827 году пятаго по счету Комитета для управленія театрами должность Директора Петербургскихъ театровъ оказалась упраздненной; с. с. Остолоповъ 4 декабря остался за штатомъ, съ причисленіемъ къ Герольдіи, но члены Комитета, по новому положенію, поставлены въ управленіи театрами ближе къ подробностямъ дѣла, чѣмъ въ прежнихъ Комитетахъ 1783 г., 1812 г., 1824 и 1825 г.

Въ общемъ, положеніе 13 ноября 1827 г. большей частью заимствовано изъ проекта кн. Долгорукова, изъ проекта же гр. Кутайсова взято положеніемъ лишь распредѣленіе предметовъ вѣдомства между членами Комитета и установленіе дежурства ихъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ положеніи совершенно отсутствуетъ связь Комитета съ управленіемъ Московскихъ театровъ и Директоръ этихъ театровъ не вошелъ въ составъ новаго Комитета.

Одновременно съ положеніемъ 13 ноября 1827 г. былъ Высочайше утвержденъ Штатъ Управленія Императорскими С.-Петербургскими театрами [455]), составленный изъ 34-хъ лицъ, въ томъ числѣ 5 членовъ Комитета, которымъ содержанія не положено. Весь расходъ по управленію опредѣленъ штатомъ въ суммѣ 50,300 р.

20 ноября 1827 г. [456]) Министръ Императорскаго Двора, препровождая въ Комитетъ Управленія Императорскими С.-Петербургскими театрами Высочайше конфирмованный Штатъ, предложилъ Комитету: «1) принявъ вновь назначенное ему названіе, немедленно приступить къ образованію внутренняго порядка теченія дѣлъ по новому положенію; 2) объявить сіе положеніе къ свѣдѣнію всѣмъ труппамъ, чиновникамъ и артистамъ; 3) изъ состоящихъ нынѣ въ штатѣ Комитета и Конторы чиновниковъ избрать достойнѣйшихъ и распредѣлить въ должности по новому штату, сообразно ихъ способностямъ, и о всѣхъ таковыхъ чиновникахъ донести мнѣ къ свѣдѣнію; 4) представить къ моему утвержденію назначенныхъ по Штату двухъ начальниковъ отдѣленій и Управляющаго Конторою, о коемъ, на основаніи § 44 положенія, я не премину испросить Высочайшее утвержде-

[455]) ibid стр., 320.

[456]) Общ. Арх. М. И. Д. Канцелярія М-ва. Дѣло 1827 г. № 183.

ніе, и 5) приложить всевозможное стараніе къ строгому соблюденію всѣми лицами предписаннаго положеніемъ общаго порядка, а равно и обязанностей, особенно на каждаго возложенныхъ, на каковой конецъ напечатать потребное число экземпляровъ онаго положенія и роздать ихъ къ непосредственному исполненію чиновникамъ, режиссерамъ труппъ и прочимъ, до коихъ оно относиться можетъ».

«Въ заключеніе,—писалъ кн. Волконскій, я остаюсь увѣреннымъ, что Комитетъ Управленія Императорскими С.-Петербургскими театрами въ полной мѣрѣ оправдаетъ вновь составленное имъ самимъ положеніе о театральномъ управленіи и, устроивъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ ввѣренную ему часть, доведетъ Императорскіе театры до возможнаго усовершенствованія».

Новый Комитетъ управленія Императорскими С.-Петербургскими театрами составился цѣликомъ изъ Комитета Главной Дирекціи и въ него вошли: гр. Кутайсовъ, кн. Гагаринъ, Гр. Віельгорскій 1, Гр. Віельгорскій 2 и старшимъ членомъ, по прежнему, кн. Долгоруковъ. При назначеніи должностныхъ лицъ по штату опять обнаружилось разногласіе между членами Комитета. Къ назначенію Управляющимъ Конторою Комитетъ намѣчалъ н. с. Гемниха, но противъ него протестовалъ гр. Кутайсовъ, предлагавшій съ своей стороны на это мѣсто совѣтника Придворной Конторы д. с. с. Сухопрудскаго. Кандидатомъ на должность одного изъ начальниковъ отдѣленій предложенъ былъ въ Комитетѣ инспекторъ русской труппы Р. Зотовъ, противъ назначенія котораго возражалъ

кн. Долгоруковъ. Кн. Волконскій разрѣшилъ разногласіе въ пользу Гемниха и Зотова [457]).

---

[457]) Недоброжелательное отношеніе кн. Долгорукова къ Зотову, очевидно встрѣтило взаимность и имѣло печальныя послѣдствія для карьеры Зотова. Въ 1836 году Зотовъ былъ уволенъ отъ службы въ Дирекціи за дерзость противъ бывшаго начальника, и есть основаніе думать, что оскорбленнымъ лицомъ явился именно кн. Долгоруковъ, стоявшій уже въ то время въ сторонѣ отъ театральнаго управленія. Намеки на это событіе даетъ и самъ Р. Зотовъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ («Театральныя воспоминанія»). Въ Архивѣ Министерства Императорскаго Двора сохранился рядъ слезныхъ писемъ и витіеватыхъ прошеній Зотова къ кн. Волконскому объ опредѣленіи его вновь на службу, повидимому, не имѣвшихъ благопріятныхъ для Зотова результатовъ. Въ первомъ собственноручномъ своемъ письмѣ, въ апрѣлѣ 1836 г., Зотовъ пишетъ такъ: «Свѣтлѣйшій князь! Милостивый Государь! И въ величайшихъ преступленіяхъ искреннее раскаяніе породило снисхожденіе милость и прощеніе! Съ живѣйшимъ чувствомъ моей вины и я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашей Свѣтлости. 25 лѣтъ служилъ я въ одномъ мѣстѣ и служилъ съ честью и похвалою. Одинъ проступокъ, порожденный не буйствомъ характера (котораго вѣрно никто во мнѣ не видалъ), но произведенный сперва необдуманностью, неумѣстною чувствительностью, а потомъ уже разстройствомъ умственныхъ способностей отъ болѣзни и постигшаго несчастія,—одинъ проступокъ—и 25 лѣтъ службы и 10 ранъ, за отечество полученныхъ, и огромное семейство, мною пропитаемое, все забыто, все погублено. Впрочемъ, Ваша Свѣтлость, какъ судія, должны были судить по дѣлу и по слѣдствію, а не по мелочнымъ причинамъ и побужденіямъ къ отчаянному поступку и я предъ Вами не ищу себѣ оправданій,—но я умоляю о милости, о прощеніи, о забвеніи. Въ 25-ть лѣтъ службы я не умѣлъ ничего себѣ нажить и теперь безъ мѣста буду терпѣть голодъ. Изъ кампаніи 1812 года я вынесъ только 10-ть ранъ, и не просилъ бы себѣ за нихъ даже

Несмотря на подтвержденіе Министра, Комитетъ продолжалъ уклоняться отъ дальнѣйшей законодательной разработки подробностей внутренняго управленія Дирекціи и 22 апрѣля 1828 г. кн. Волконскій, по представленію Комитета, согласился поручить тому

пенсіона изъ Инвалиднаго Комитета, которымъ бы теперь 20 лѣтъ пользовался. Я чувствовалъ себя въ силахъ служить и работать и не хотѣлъ брать даромъ денегъ. Теперь, когда подъ преклонныя лѣта чувствую болѣзни отъ этихъ ранъ, я вдругъ, по несчастію, лишаюсь и мѣста и пропитанія. Въ бреду отчаянія я дѣйствительно сдѣлалъ непростительную глупость: написалъ дерзкое письмо къ бывшему моему начальнику, но въ тотъ же день, съ самымъ искреннимъ раскаяніемъ, съ самыми горькими слезами умолялъ его о прощеніи и не только былъ имъ обласканъ самымъ отеческимъ образомъ и милостиво успокоенъ отъ него, что онъ вовсе на меня не сердится на мой болѣзненный порывъ сумасшествія и предаетъ все забвенію, но даже получилъ тогда отъ него обѣщаніе, что онъ будетъ ходатайствовать и предъ Вашею Свѣтлостью и даже предъ Государемъ Императоромъ о великодушномъ для меня прощеніи. Между тѣмъ, однако, я уволенъ. Чтобы найти себѣ другое мѣсто, соотвѣтственное моему чину, нужна сильная протекція, связи, знакомства. Я ничего не имѣю. Занимаясь всегда съ усердіемъ одною службою, я не имѣлъ времени искать протекцій. И теперь не вижу, не знаю другого прибѣжища, кромѣ Вашей Свѣтлости. По чувству горькаго самосознанія, по временному моему увольненію, по слезамъ и отчаянію всего моего семейства, я уже довольно наказанъ за проступокъ, который былъ безуменъ, но не безчестенъ. Смѣю умолять Вашу Свѣтлость о прощеніи и объ оставленіи на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ я всю жизнь мою провелъ. Смѣло могу увѣрить Васъ, что буду умѣть заслужить подобную милость. Если же такое прощеніе не возможно по какимъ нибудь причинамъ, то удостойте Ваша Свѣтлость дать мнѣ другое мѣсто, потому что Вы одни не потребуете протекцій и ходатайствъ для оказанія милостей». На письмѣ этомъ 17 ап-

же к. с. Даргомыжскому составленіе статей, относящихся къ внутреннему управленію Императорскихъ театровъ. Съ этою цѣлью Даргомыжскій былъ прикомандированъ къ Комитету и быстро исполнилъ

рѣля 1836 г. послѣдовала такая резолюція кн. Волконскаго: «Отвѣчать, что въ Театральной Дирекціи нельзя ему остаться, по другимъ же частямъ въ Министерствѣ мнѣ ввѣренномъ теперь нѣтъ вакансій; почему крайне сожалѣю, что и не могу доставить никакого у меня мѣста». Гораздо позднѣе уже, 19 августа 1844 г., Зотовъ, все еще остававшійся безъ мѣста и ходатайствовавшій о назначеніи его предсѣдателемъ одной изъ Казенныхъ палатъ, писалъ кн. Волконскому: «Свѣтлѣйшій Князь. М. Г.! Въ прошедшемъ Іюнѣ мѣсяцѣ я съ полнымъ усердіемъ моихъ вѣрноподданническихъ чувствъ осмѣлился представить Вашей Свѣтлости плодъ моихъ изысканій въ древнихъ книгахъ для возстановленія здравія опочившей Августѣйшей особы. Но тамъ, гдѣ воля Всевышняго изрекла, человѣческія усилія были безполезны. А какъ предложенное мною средство заключается въ медико-физіологической статьѣ. давно уже мною составленной, то отправляя оную въ Парижъ, въ тамошнюю Академію Наукъ, я почелъ первою обязанностію представить Вашей Свѣтлости экземпляръ сей статьи; удостойте обратить на нее Ваше милостивое вниманіе. Искреннѣйшее мое усердіе и преданность къ особѣ Вашей побуждаютъ меня убѣдительнѣйше просить Вашу Свѣтлость прочесть сію статью. Можетъ быть Вы и найдете въ ней что либо полезнаго. При семъ смѣю спросить: можно ли будетъ оставить примѣчаніе въ концѣ (на подлинникѣ противъ этого мѣста письма отмѣтка рукой кн. Волконскаго «нельзя»). Въ заключеніе позвольте мнѣ принять смѣлость привести въ милостивое воспоминаніе Вашей Свѣтлости мою все еще нерѣшенную участь. Вполнѣ осчастливленный неизрѣченнымъ милосердіемъ Государя Императора, удостоившаго спросить меня чрезъ Вашу Свѣтлость: «какое я себѣ избираю мѣсто служенія?» (марта 11 ч. № 805), я не престаю возсылать къ Богу усерднѣйшихъ моихъ молитвъ о здравіи Августѣйшаго виновника

данное ему порученіе [458]). 7 сентября 1828 г. [459]) Комитетъ, разсмотрѣвъ составленное к. с. Даргомыжскимъ «Начертаніе внутренняго производства дѣлъ по управленію Императорскими С.-Петербургскими театрами» и заключеніе по этому начертанію Управляющаго Конторою Гемниха, постановилъ производство это, со сдѣланными по указанію Гемниха измѣненіями, привести въ исполненіе немедленно, «до послѣдованія

всеобщаго нашего счастія. Я бы желалъ только имѣть возможность и силы, чтобы доказать Ему все безпредѣльное мое усердіе, всю вѣрноподданническую признательность и благоговѣйную преданность. Между тѣмъ, я все еще безъ мѣста. Всѣ отзываются, что Вы одни, Ваша Свѣтлость, можете меня принять—или Государь Императоръ назначить мнѣ таковое. И въ первомъ моемъ отзывѣ на Высочайше объявленную мнѣ Волю Вашей Свѣтлости я осмѣливался умолять Васъ принять меня подъ Ваше начальство (помѣтка кн. Волконскаго: «У меня нѣтъ мѣстъ свободныхъ»). Можетъ быть, Государю Императору благоугодно было, чтобы я усердною службою тамъ же загладилъ свой проступокъ, гдѣ совершилъ его. Я и въ этомъ случаѣ почелъ бы себя счастливымъ. Удостойте только Ваша Свѣтлость повергнуть мою судьбу къ стопамъ милосерднаго Монарха. Смѣю удостовѣрить Васъ, что я заслужу сію милость и ходатайство. Вы слишкомъ справедливы и милостивы, чтобы оставить безъ благодѣтельнаго послѣдствія Всемилостивѣйшій вопросъ объ избраніи мною себѣ мѣста».

На этомъ послѣднемъ изъ сохранившихся въ Архивѣ Министерства письмѣ Зотова кн. Волконскимъ положена была такая резолюція: «Отъ него зависитъ послать въ Парижъ, уничтоживъ примѣчаніе».

(Общ. Архивъ Мин-ва И. Д. Канцелярія М-ва. Дѣло 1836 г. № 77/130.

[458]) Ibid. Дѣло 1827 г. № 183.

[459]) Архивъ Спб. Конторы Имп. Т. Сборн. Выс. Пов. кн. II, стр. 235—239.

отъ Господина Министра утвержденія». На этомъ, впрочемъ, и кончилась работа Даргомыжскаго, такъ какъ впослѣдствіи сами Директора Петербургскихъ театровъ, кн. Гагаринъ и Гедеоновъ, издали рядъ инструкцій по различнымъ частямъ хозяйства и управленія.

Какъ мы уже упомянули выше, Комитетъ, вмѣстѣ съ положеніемъ о новомъ управленіи Дирекціи, представилъ также проекты положеній о пенсіяхъ и объ авторскомъ вознагражденіи. Оба эти проекта были Высочайше конфирмованы того же 13 Ноября 1827 г. Позднѣе, уже въ 1829 г. составленъ былъ Комитетомъ проектъ новаго положенія о театральномъ училищѣ, Высочайше утвержденный 30 Апрѣля 1829 г.

Положеніе «О вознагражденіи сочинителямъ и переводчикамъ драматическихъ пьесъ и оперъ, когда онѣ будутъ приняты для представленія на Императорскихъ театрахъ», Высочайше утвержденное Императоромъ Николаемъ I 13 Ноября 1828 г. (кстати сказать чрезвычайно долговѣчное, считавшееся дѣйствующимъ почти 50 лѣтъ, до 1882 года) предлагаетъ три системы пріобрѣтенія пьесъ Дирекціею: а) участіемъ автора во всю его жизнь въ сборѣ съ представленія его пьесы (§ 7), при чемъ часть, подлежащая выдачѣ автору, исчисляется не изъ полнаго сбора, а изъ двухъ третей его, въ очевидномъ предположеніи: вычетомъ $^1/_3$ сбора замѣнить установленное по положенію 1825 г. удержаніе расходовъ по спектаклю; б) единовременнымъ вознагражденіемъ автора не свыше 4000 р. (§ 13) и в) безплатно — предоставленіемъ пьесы въ бенефисъ какому либо изъ артистовъ самимъ авторомъ (§ 19).

Всѣ пьесы, оригинальныя и переводныя, въ стихахъ и прозѣ, оперная музыка и водевиль (между прочимъ впервые разсматриваемый, какъ особый родъ музыкальныхъ произведеній) по размѣру своему дѣлятся на пять классовъ. Распредѣленіе вознагражденія за пьесы, по классамъ, можетъ быть сведено въ слѣдующую таблицу.

	Участіе въ $^2/_3$ или сбора.	Единовременное вознагражденіе.
I классъ.		
1. Оригинальныя трагедіи и комедіи въ стихахъ, въ 4 или 5 дѣйствіяхъ. . . . . 2. Музыка большихъ оперъ . .	$^1/_{10}$ часть	не болѣе 4.000 р.
II классъ.		
1. Оригинальныя трагедіи и комедіи въ стихахъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ. . . . . 2. Оригинальныя трагедіи и комедіи въ прозѣ, въ 4 или 5 дѣйствіяхъ. . . . . 3. Переводы трагедій въ стихахъ въ 5 дѣйств. . . . . 4. Музыка среднихъ оперъ . .	$^1/_{15}$ часть	не болѣе 2.500 р.
III классъ.		
1. Оригинальныя комедіи въ стихахъ въ 1 и 2 д. . . . . 2. Оригинальныя трагедіи, комедіи и драмы въ прозѣ и мелодрамы, въ 3 д.	$^1/_{20}$ часть	не болѣе 2.000 р.

3. Переводы трагедій и комедій стихами въ 3 д.	1/20 часть	не болѣе 2.000 р.
4. Переводы отличныхъ иностранныхъ пьесъ прозою въ 4 и 5 д.		
5. Оригинальные водевили въ 3 дѣйств.		
6. Музыка опереттъ		
7. Оригинальное и переводное либретто (послѣднее только за единовремен. вознагражд.).		

IV классъ.

1. Оригинальныя комедіи и драмы прозою въ 1 и 2 д. . .	1/30 часть	не болѣе 1.000 р.
2. Переводы отличныхъ иностранныхъ пьесъ прозою въ 2 и 3 дѣйств.		
3. Оригинальные водевили въ 2 и 3 дѣйств.		

V классъ.

1. Переводы мелкихъ прозаическихъ пьесъ.	—	не болѣе 500 р.
2. Переводы водевиля въ 1 д. .		

Въ расцѣнкѣ произведеній положеніе послѣдовательно проводитъ пропорціональность отношеній между пьесами въ стихахъ и прозаическими, а также между пьесами оригинальными и переводными. Однако же, вдаваясь въ подробности, оно дѣлаетъ пропуски: такъ напр. не указываетъ, къ которому классу произведеній слѣдуетъ относить переводы въ стихахъ пьесы

въ 1 и 2 дѣйствіяхъ и переводы водевилей въ 2 и 3 дѣйствіяхъ; равнымъ образомъ не указываетъ способа и мѣры вознагражденія за пьесы, писанныя частью стихами, частью прозою. Вообще, сообразно взглядамъ того времени, положеніе придаетъ большое значеніе стихамъ и стихотворные переводы ставитъ на одномъ уровнѣ съ оригинальной прозой. Такое преклоненіе передъ стихомъ, въ связи съ только что упомянутой недоговоренностью Положенія о вознагражденіи пьесъ смѣшаннаго текста, поставило, между прочимъ, въ затрудненіе Дирекцію въ 1840 г. по вопросу о гонорарѣ Кукольника за его драму въ 5 дѣйствіяхъ «Князь Холмскій». Драма эта, украшенная извѣстными музыкальными номерами М. И. Глинки, написана частью стихами, а частью прозой. Тогдашнему Директору Императорскихъ театровъ Гедеонову, при постановкѣ Кн. Холмскаго» въ Петербургѣ, предстояло рѣшить вопросъ: относить ли эту пьесу, какъ стихотворную, къ 1 классу съ вознагражденіемъ въ $^1/_{10}$-ую часть изъ $^2/_3$ сбора или ко 2 классу, какъ прозаическую и награждать автора $^1/_{15}$-ою частью изъ $^2/_3$ сбора? Лично Гедеоновъ склонялся къ высшему вознагражденію, но всетаки счелъ нужнымъ представить этотъ вопросъ на усмотрѣніе Министра. Кн. Волконскій разрѣшилъ недоразумѣніе по Соломоновски. 28 Ноября 1840 г. [460]) онъ далъ такое предписаніе: Дирекціи: «Какъ представленная г. Кукольникомъ трагедія «Кн. Холмскій» въ 5 дѣйствіяхъ, написанная стихами и въ прозѣ, принадлежитъ частью къ первому и частью ко второму классу, то и вознагражденіе за

[460]) Общ. Арх. М. И. Дир. И. Т. Дѣло 1840 г. № 312.

оную автору, по мнѣнію моему, можно бы назначить поперемѣнно такимъ образомъ: за одно представленіе платить ему какъ за пьесу перваго класса, за другое — какъ за пьесу второго класса и такъ далѣе».

По Положенію 1827 г. вознагражденіе участіемъ въ сборѣ признается предпочтительнымъ, а единовременное вознагражденіе допускается лишь въ видѣ исключенія, по соглашенію сочинителей и переводчиковъ съ театральнымъ начальствомъ. Пьесы V класса и переводныя оперныя либретто III класса вознагражденію участіемъ въ сборѣ не подлежатъ. Допуская въ интересахъ авторовъ эластичность нормъ вознагражденія въ замѣнѣ отчисленія изъ сбора единовременной платой, Положеніе 1827 г. давало возможность измѣнять нормы также и въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовали матеріальные интересы Дирекціи. § 11 Положенія говоритъ: «Ежели принятая пьеса, по краткости своей, представляется вмѣстѣ съ оперою или балетомъ, въ такомъ случаѣ часть сочинителю, или переводчику назначается токмо изъ половины поступившаго сбора». Иначе говоря, Положеніе не признало числа актовъ безусловной мѣрой исчисленія вознагражденія, а считало справедливымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда интересъ спектакля поддерживался не одной главной, а двумя одинаково солидными пьесами, отчислять на покрытіе издержекъ Дирекціи по постановкѣ пьесы не $^1/_3$ сбора, какъ положено § 10, а половину его. На основаніи § 18 Положенія, всѣ пьесы, пріобрѣтенныя за единовременное вознагражденіе въ одной изъ столицъ, поступали въ собственность Императорскихъ театровъ обѣихъ столицъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на § 12 Положенія 1827 г., устанавливающій нѣкоторыя гарантіи интересовъ авторовъ, передавшихъ свои произведенія Дирекціи на условіи вознагражденія участіемъ въ сборѣ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательно и дѣлаетъ честь составителямъ Положенія, что ни предшествовавшее, ни послѣдовавшее за нимъ законодательство такихъ гарантій не предусматриваютъ. § 12 Положенія 13 Ноября 1827 г. обезпечиваетъ авторамъ пьесъ первыхъ трехъ классовъ 6 представленій въ первый годъ постановки пьесы и два представленія (причемъ одно въ лучшую часть сезона) во всѣ послѣдующіе года, покуда пьеса даетъ половину сбора въ лучшей части сезона и не менѣе $^1/_4$ сбора въ остальное время.

Съ изданіемъ положенія 1827 г. впервые признано Дирекціей самостоятельное значеніе за оперой. Въ прежнихъ Положеніяхъ, какъ мы видѣли, оперная музыка лишь пристегивалась къ поэмѣ или либретто, которое и являлось предметомъ спеціальной оцѣнки, судя по тому, представлялось ли оно въ стихахъ или въ прозѣ. Положеніе 1827 г., наоборотъ, прямо указываетъ (§ 17), что вознагражденіе за оперу и водевиль назначается сочинителю музыки, который уже самъ отъ себя удовлетворяетъ сочинителя или переводчика текста. Прежнее дѣленіе оперы, по Положенію 1825 г. на романтическую и комическую отмѣнено, а введено дѣленіе на музыку большихъ оперъ, среднихъ оперъ и музыку опереттъ.

Вдобавокъ къ вознагражденію изъ части сбора, Положеніе устанавливало вознагражденіе авторовъ срочнымъ или безсрочнымъ правомъ входа въ театръ

на русскія представленія и посвящало этому мало существенному вопросу цѣлыхъ три параграфа (§§ 14, 15 и 16), опредѣлявшіе условія пріобрѣтенія этого права. Считая лишнимъ перечислять эти условія, замѣтимъ лишь, что авторы, передававшіе пьесу за единовременную плату, считались окончательно удовлетворенными и на даровой входъ въ театръ права не имѣли.

Затрагиваемый еще постановленіемъ Императорской Театральной Дирекціи 1825 г. вопросъ о наслѣдованіи авторскихъ правъ на вознагражденіе отъ Дирекціи, въ Положеніи 1827 года обходится молчаніемъ. Позднѣе, уже черезъ 20 лѣтъ практики этого положенія, повидимому, возникалъ вопросъ о распространеніи авторскаго права на наслѣдниковъ автора и тогдашній Директоръ Императорскихъ театровъ Гедеоновъ входилъ съ представленіемъ о необходимости дополнить въ этомъ смыслѣ положеніе 1827 г. Но Министръ Императорскаго Двора кн. Волконскій въ предложеніи своемъ Директору театровъ 16 Апрѣля 1847 г. [461]) категорически отвѣтилъ, «что поелику въ Постановленіи Театральной Дирекціи, Высочайше утвержденномъ 13 Ноября 1827 г., о вознагражденіи сочинителей, ничего не сказано о правахъ наслѣдниковъ на таковое вознагражденіе, то я не нахожу нужнымъ предоставлять имъ сего права и дополнять онымъ вышеозначенное Постановленіе».

«Положеніемъ о пенсіонахъ артистамъ Императорскихъ театровъ», Высочайше утвержденнымъ 13 Ноября 1827 г. [462]) всѣ артисты, по ихъ амплуа, раздѣлены на

[461]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. II, стр. 163.
[462]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. III, стр. 321.

четыре степени. При этомъ установлена та номенклатура артистическихъ должностей, которая въ нѣкоторой мѣрѣ сохранила юридическое значеніе и до нашихъ дней. Для каждой степени артистической службы опредѣлены сроки выслуги пенсіи и высшіе оклады таковой, которые для наглядности приводимъ въ такой таблицѣ:

Степень.	Амплуа.	Срокъ выслуги.	Высшій размѣръ полнаго оклада пенсій.
1-ая	Артисты перваго амплуа, а также декораторы, машинисты, главные режиссеры и дирижеры.	18 лѣтъ.	4.000 р.
2-ая	Артисты, играющіе вторыя роли (doubles), всѣ музыканты и помощники машиниста	20 »	2.500 р.
3-ья	Артисты, занимающіе роли приличія (utilitès), суфлеры, живописцы, театрмейстеры, гардеробмейстеры и бутафоры . . .	22 »	1.500 р.
4-ая	Артисты на амплуа «вводныхъ лицъ» (accessoires), хористы, статисты, фигуранты, помощники живописцевъ и цвѣточницы	25 »	750 р.

Размѣръ пенсіи артистовъ опредѣляется окладомъ ихъ жалованья, получаемаго за послѣдніе три года общей усердной и безпорочной службы, не превышая однако вышеприведенныхъ полныхъ окладовъ. При этомъ Положеніе не проводитъ различія службы въ драмѣ и балетѣ и сравнительно высоко ставитъ значеніе оркестровыхъ музыкантовъ, назначая имъ высшую норму полнаго оклада 2-ой степени въ 2500 рублей.

Срокъ выслуги пенсіи повышается съ пониженіемъ степени артистической службы. Въ случаяхъ болѣзни, срокъ выслуги сокращается на 5 лѣтъ и пенсія назначается русскимъ подданнымъ въ размѣрѣ $^2/_3$ оклада, а иностранцамъ—въ размѣрѣ $^1/_3$ оклада. Русскимъ подданнымъ, по особому уваженію дарованій, за болѣзнью, на основаніи §§ 1 Положенія допущено назначеніе пенсій въ размѣрѣ $^1/_2$ оклада, при прослуженіи: въ 1-ой степени—10-ти лѣтъ. во 2-ой степени—12 лѣтъ, въ 3-ей степени—15 лѣтъ и въ 4-й степени—20-ти лѣтъ [463]). Положеніе 1827 г. является снисходительнымъ къ иностранцамъ и допускаетъ для нихъ пенсіи наравнѣ съ русскими подданными, черезъ 10 лѣтъ по принятіи русскаго подданства, съ зачисленіемъ срока предыдущей службы въ иностранномъ подданствѣ. Въ случаѣ перерыва въ службѣ артистовъ, Министру Императорскаго Двора предоставлено положеніемъ право зачислять прежнюю службу въ срокъ выслуги на пенсію. Вдовамъ и дѣтямъ артистовъ, умершихъ на службѣ, назначается единовременное пособіе, въ размѣрѣ годового оклада жалованья ихъ мужей или отцовъ. Допущенъ пріемъ вновь на службу артистовъ-пенсіонеровъ, съ сохраненіемъ пенсіи. Хотя положеніе 1827 года ничего не говоритъ о двухлѣтней службѣ артистовъ «въ благодарность» за пенсію, что по проекту князя Тюфякина было установлено 25 Августа 1817 г. въ «дополнительныхъ правилахъ къ положенію

[463]) Здѣсь Положеніе 1827 г., очевидно, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ, на основаніи ранѣе указанной льготы, артисты 4-й степени, за сбавкой 5 лѣтъ, т. е. по прослуженіи 20 лѣтъ, могли получать въ пенсію $^2/_3$ а не $^1/_2$ оклада.

1809 г. о пенсіяхъ артистамъ русскимъ подданнымъ» (см: кн. 1 настоящаго труда, стр. 210), тѣмъ не менѣе правило это осталось въ примѣненіи на практикѣ. Но вообще, въ противорѣчіе сѣтованію Комитета въ 1826 г. на убыточность для казны прежнихъ положеній о пенсіяхъ, разработанное тѣмъ же Комитетомъ Положеніе 1827 г. заявляетъ, сравнительно съ предыдущимъ, широкую гуманность, въ особенности установленіемъ для артистовъ права на выслугу пенсіи за 10 лѣтъ, при болѣзни. Это право поставило въ скоромъ времени Дирекцію въ затрудненіе и привело къ измѣненію закона о пенсіяхъ въ 1833 г.

Оба Высочайше утвержденныхъ 13 Ноября 1827 г. положенія «Объ авторскомъ вознагражденіи» и «О пенсіяхъ» 21 Ноября 1827 г. были препровождены Министромъ Императорскаго Двора какъ въ новый Комитетъ въ Петербургѣ, такъ и въ Контору Дирекціи Императорскаго Московскаго театра «для руководства и исполненія». [464]).

Высочайше утвержденное 30 Апрѣля 1829 г. «Образованіе С.-Петербургскаго Театральнаго Училища» кореннымъ образомъ измѣнило задачи, программу и организацію Школы, установленныя положеніемъ 1809 г. и 1825 г. Прежнее Положеніе ограничивалось заботами объ «усовершенствованіи россійскихъ спектаклей и балетовъ» и пополненіемъ оркестровъ, Положеніе же 1829 г. преимущественное вниманіе обратило на приготовленіе способныхъ, а главное «образованныхъ» драматическихъ артистовъ и «искусныхъ

---

[164]) Общ. Арх. М. И. Д. Канцелярія М-ва Дѣло 1827 г. № 183.

и знающихъ музыку пѣвцовъ и пѣвицъ», поставивъ затѣмъ уже на третьемъ мѣстѣ подготовку «отличныхъ» танцовщиковъ и отчасти музыкантовъ для оркестра

Мысль о серьозно назрѣвшей необходимости основательнаго образованія для драматическихъ артистовъ высказана было еще 11 Августа 1826 г. [465]) членомъ Комитета Главной Дирекціи графомъ Павломъ Ивановичемъ Кутайсовымъ, который предложилъ составить особый «Комитетъ артистовъ, для сочиненія проекта обученія драматургіи въ Театральной школѣ». Гр. Кутайсовъ рекомендовалъ въ проектѣ этомъ «взять въ соображеніе: 1, всѣ познанія, споспѣшествующія къ совершенству декламаціи, 2) средства къ пріобрѣтенію сихъ совершенствъ и 3) Приведеніе оныхъ въ дѣйствіе» и потому предполагалъ классы декламаціи раздѣлить на два главныя отдѣленія: на теоретическое и практическое. Проектированный гр. Кутайсовымъ Комитетъ былъ тогда же составленъ изъ 9 артистовъ: Гг. Каратыгина, Брянскаго, Боброва, Самойлова и Сосницкаго и г-жи Семеновой 1, Колосовой, Семеновой 2 и Вальберховой. Секретаремъ Комитета артистовъ былъ назначенъ Р. Зотовъ и работы предположено было закончить къ 1 Октября 1826 г. Надо думать, что результаты трудовъ Комитета легли въ основаніе Положенія о Школѣ 1829 г. [466]) По этому Положенію Театральное Училище раздѣлено на 2 разряда. Къ I разряду отнесены подготовляющіеся къ драматической и

[465]) Общ. Арх. М. И. Д. Дир. И. Т. Журналъ Комитета 1826 г. № 7/б.

[466]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сб. Выс. Пов. кн. II, стр. 249—277.

оперной части и къ музыкѣ, а ко II разряду подготовляющіеся къ балету. Каждый разрядъ воспитывающихся помѣщенъ въ Школѣ отдѣльно., съ соотвѣтствующимъ раздѣленіемъ на мужскую и женскую половины. Пріемный возрастъ въ Школу отъ 9 до 12 лѣтъ. Классы раздѣлены на высшіе и низшіе. Курсъ образованія поставленъ былъ по тому времени весьма широко. Предметы преподаванія въ высшихъ классахъ, въ 1 разрядѣ: Русская словесность, риторика, піитика, всеобщая и русская исторія, миѳологія, французская и нѣмецкая словесность, а для готовящихся къ оперѣ, кромѣ того,—итальянскій языкъ, пѣніе и музыка на разныхъ инструментахъ; во II разрядѣ: Исторія и миѳологія, русская и французская словесность. Предметы обученія въ низшихъ классахъ по обоимъ разрядамъ одинаковы, а именно: Законъ Божій, Русская грамматика, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ, ариѳметика, географія, исторія, чистописаніе, танцы, гимнастика, пѣніе и музыка (фортепьяно и скрипка) рисованіе и рукодѣліе. Въ Первомъ разрядѣ танцы ограничены бальными, гимнастика замѣнена фехтованіемъ и въ курсъ обученія введено, какъ особый предметъ—чтеніе стиховъ. Воспитываюшіеся раздѣляются на казенныхъ и своекошт ныхъ, съ платою по 500 р. въ годъ; допущены также и вольноприходящія дѣти обоего пола. Кромѣ того нѣкоторые воспитанники и воспитанницы, отличающіеся «особенными необыкновенными дарованіями, могущими при дальнѣйшемъ тщательномъ усовершенствованіи поставить ихъ на ряду первокласныхъ артистовъ», поступая въ труппу съ жалованьемъ, могутъ быть оставляемы, на 2 или на 3 года, на житьѣ въ училище, со столовымъ со-

держаніемъ, особо отъ 1 разряда, въ отдѣльныхъ комнатахъ, подъ наименованіемъ «пенсіонеровъ» и «пенсіонерокъ» Училища. Нѣкоторые изъ пенсіонеровъ, по выбору Директора театровъ, командируются за границу для окончательнаго усовершенствованія. Срокъ дѣйствительной службы выпускныхъ воспитанниковъ считается: для окончившихъ въ I разрядѣ—со дня опредѣленія въ труппу или въ оркестръ, а для II разряда, опредѣленнымъ въ балетъ,—съ 16 лѣтняго возраста, такъ какъ «искусство танцовщиковъ и танцовщицъ утомительнѣе прочихъ».

За нѣсколько дней до изданія Положенія о Школѣ состоялось Высочайшее утвержденіе «Штата С.-Петербургскаго Театральнаго Училища» [467]), опредѣлившаго комплектъ казенныхъ учениковъ въ 50 воспитанниковъ и въ 50 воспитанницъ. Весь расходъ по Школѣ исчисленъ въ 133.773 руб. 53½ к. и тогда же, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовалъ ежегодный отпускъ изъ Кабинета Е. В. на содержаніе Петербургскаго Училища 130.000 рублей [468]).

Кромѣ законодательныхъ работъ собственно по Дирекціи театровъ, учрежденіе Министерства Императорскаго Двора ознаменовалось изданіемъ, главнымъ образомъ также въ 1827 году, отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ по придворному вѣдомству вообще, относившихся также и къ театральному Управленію, какъ части того же Министерства. Изъ этихъ актовъ отмѣтимъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующіе:

---

[467]) Ibid., стр. 278.
[468]) Ibid., стр. 245.

14 Марта 1827 г. [469]) Высочайше утверждено «Положеніе для назначенія пенсіоновъ придворнымъ чинамъ и служителямъ, при увольненіи ихъ отъ службы». По положенію этому за усердную и безпорочную службу назначаются упомянутымъ лицамъ при отставкѣ пенсіоны, въ постепенности, по срокамъ службы, которую можно выразить слѣдующей таблицей:

Число лѣтъ службы.	Часть оклада жалованья.	Часть оклада прочаго содержанія.
15 лѣтъ . . .	1/3 оклада	—
20 » . . .	1/2 »	—
25 » . . .	2/3 »	—
30 » . . .	полный окладъ	—
35 » . . .	» »	и 1/3 оклада
40 » . . .	» »	и 1/2 »
45 » . . .	» »	и 2/3 »
50 » . . .	» »	и полный окладъ.

Подъ словами «прочее содержаніе» понималось: столовыя и порціонныя деньги, а также всякаго рода оклады, опредѣлявшіеся особыми Высочайшими Указами въ награду за долговременную и отличную службу.

Того же 14 Марта 1827 г. [470]) послѣдовало Высочайшее утвержденіе «Положенія для опредѣленія пенсіоновъ вдовамъ и дѣтямъ придворныхъ чиновниковъ и служителей, по смерти ихъ оставшихся въ бѣдномъ состояніи». Общимъ правиломъ по этому положенію ставится назначеніе вдовамъ 1/2 оклада пенсіона причитавшагося мужу, а дѣтямъ, при живой вдовѣ,—1/3 ча-

[469]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сборн. Выс. Пов. кн. II, стр. 103.

[470]) Ibid., стр. 98.

сти отцовскаго жалованья каждому, до достиженія 18-лѣтняго возраста. Дѣтямъ же круглымъ сиротамъ, мальчикамъ и дѣвочкамъ, назначается, до 18-ти лѣтняго возраста, пенсія, каждому, въ размѣрѣ 1/4 оклада отцовскаго жалованья. Наименьшій размѣръ пенсіи опредѣляется—вдовѣ чиновника 100 р. и вдовѣ служителя 60 р. въ годъ.

30 Марта 1827 г. учрежденъ былъ особый Контроль Министерства Императорскаго Двора [471]). До того времени отчеты различныхъ частей придворнаго вѣдомства о приходахъ, расходахъ и остаткахъ денежныхъ суммъ ревизовались особой счетной экспедиціей при Придворной Конторѣ и отъ нея посылались на окончательную ревизію въ Государственный Контроль. Съ учрежденіемъ въ Министерствѣ Двора своего Контроля, Государственный контроль уже не долженъ былъ имѣть вліянія на отчетность Придворнаго вѣдомства, а одновременно съ тѣмъ было закрыто соотвѣтствующее отдѣленіе счетной экспедиціи Придворной Конторы. Во главѣ Контроля Министерства [472]) былъ поставленъ Оберъ-Контролеръ съ контролерами, между которыми распредѣлялись предметы вѣдомства и ревизіи. Контролю Министерства предоставлено сноситься непосредственно съ Министерскими Департаментами и со всѣми присутственными мѣстами, но не дано права давать какому бы то ни было учрежденію предписаній. Главнымъ предметомъ Контроля поставлена повѣрка и ревизія счетовъ о приходахъ и расходахъ денежныхъ суммъ и капиталовъ всѣхъ придворныхъ вѣдѣній. Контроль Министерства открылъ

[471]) Ibid., стр. 108.
[472]) Ibid., стр. 110.

свои дѣйствія съ 1 Мая 1827 г. и на его ревизію поступили всѣ счета учрежденій Министерства съ 1 Января 1827 г., а 30 Декабря 1827 г. [473]) кн. Волконскій препроводилъ въ Комитетъ Управленія Императорскими С-Петербургскими театрами формы годовыхъ отчетовъ, представляемыхъ въ Контроль, и срокомъ представленія ихъ назначилъ 15 Апрѣля каждаго года.

12 Октября 1827 г., какъ мы уже сказали выше, была Высочайше установлена форма вицъ-мундировъ для чиновниковъ Министерства Императорскаго Двора, а 1 Декабря 1827 г. [474]), какъ бы въ дополненіе къ этому распоряженію, послѣдовалъ Высочайшій указъ о формѣ одежды для канцелярскихъ чиновниковъ Министерства, не имѣющихъ классныхъ чиновъ. Форма эта такова: зеленый сюртукъ съ такимъ же воротникомъ и обшлагами и съ гладкими желтыми пуговицами, на воротникѣ золотой галунъ и красная суконная петлица съ пуговицей по образцу, утвержденному для канцелярскихъ чиновниковъ Кабинета и Департамента Удѣловъ. Брюки суконные сѣрые.

Къ той же эпохѣ учрежденія Министерства Двора слѣдуетъ отнести изданіе общихъ для Имперіи законодательныхъ распоряженій, имѣвшихъ непосредственное отношеніе, въ частности, и къ театральному вѣдомству.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдовавшій 19 Августа 1827 г. [475]). Высочайшій рескриптъ на имя

---

[473]) Ibid., стр. 203.

[474]) Ibid., стр. 202.

[475]) Ibid, стр. 133—138. Рескриптъ этотъ, являющій собою цѣльную программу народнаго просвѣщенія въ царствованіе Императора Николая I, многимъ, конечно, хорошо извѣстенъ,

Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова «О допущеніи въ Университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ къ слушанію лекцій однихъ людей свободныхъ состояній, а помѣщичьихъ людей къ обученію только въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и въ заведеніяхъ особеннаго рода, для усо-

---

но онъ настолько интересенъ въ изложеніи этой программы, что мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ него выдержки. Высочайшій рескриптъ изложенъ такъ: «Александръ Семеновичъ. Вамъ извѣстно, что, почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія Державы, отъ Бога мнѣ врученной, Я желаю, чтобы для онаго были постановлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію Государства. Для сего необходимо, чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были, по возможности, соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими, понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія для него наиболѣе нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи и, не, бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ занимающійся устройствомъ учебныхъ заведеній, призналъ сію необходимость; но въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному имъ правилу.

До свѣдѣнія моего дошло, между прочимъ, что часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ

вершенствованія промышленности учрежденныхъ, и о распространеніи надзора Министерства Народнаго Просвѣщенія на всѣ безъ изъятія училища, кромѣ Военныхъ и Духовныхъ, а слѣдовательно и на оба театральныя училища въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Къ театральнымъ училищамъ имѣло также отно-

дѣтей въ сіи заведенія; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ къ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносными и отъ того они нерѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ.

Дабы предупредить такія послѣдствія, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, Я нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть:

1) чтобы въ Университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, находящихся въ вѣдомствѣ или подъ надзоромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а равно и въ гимназіяхъ и въ равныхъ съ оными по предметамъ преподаванія мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ, кои представятъ въ томъ удостовѣрительные виды, хотя бы они не были еще причислены ни къ купечеству, ни къ мѣщанству, и не имѣли никакого иного званія;

2) чтобы помѣщичьи крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ и доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и въ частныхъ заведеніяхъ, въ коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, кои преподаются въ училищахъ уѣздныхъ;

3) чтобъ оные тожде допускаемы были въ заведенія особаго рода, кои учреждены или впредь будутъ учреждаемы казною или частными людьми, для обученія сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствамъ, нужнымъ для усовершенствованія или распространенія земледѣльческой, ремесленной и всякой иной промышленности; но чтобы и въ сихъ заведеніяхъ тѣ науки, которыя не служатъ основаніемъ

шеніе Высочайше утвержденное 18 Октября 1827 г. [476]) положеніе Комитета Министровъ о распространеніи на всѣ казенныя учебныя заведенія предоставленнаго университетамъ права выписывать изъ-за границы безпошлинно разные учебные и художественные предметы. Слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить, что въ Архивѣ не встрѣтилось намъ никакихъ свѣдѣній ни о фактическомъ осуществленіи надзора Министерства Народнаго Просвѣщенія за театральной школой, ни о томъ, чтобы которое нибудь изъ Театральныхъ училищъ, Петербургское или Московское, воспользовались на практикѣ дарованнымъ имъ правомъ безпошлинной выписки книгъ или пособій.

Въ числѣ общихъ законодательныхъ актовъ, касавшихся интересовъ Театральнаго дѣла слѣдуетъ также упомянуть Высочайше утвержденный 22 Апрѣля 1828 г. [477]) новый «Уставъ о Цензурѣ». Касавшіяся театральнаго дѣла двѣ статьи этого устава гласили такъ: «Ст. 11—Драматическія сочиненія одобряются къ представленію на театрахъ 3-мъ Отдѣленіемъ

или пособіемъ для искусства и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ и въ уѣздныхъ училищахъ».

Въ концѣ рескрипта высказывается Государемъ надежда, что, «распространяя отнынѣ надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія на всѣ училища безъ исключенія, кромѣ военныхъ и духовныхъ, Комитетъ устройства учебныхъ заведеній не оставитъ съ своей стороны заняться изысканіемъ средствъ, чтобы въ уѣздныя училища ввести курсъ ученія, достаточный для воспитанія людей низшихъ состояній въ Государствѣ, стараясь въ особенности обогащать ихъ тѣми свѣдѣніями, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ истинно полезны».

[476]) Ibid, стр. 147.

[477]) Ibid, стр. 213.

Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; а къ напечатанію общею внутреннею Цензурою. Ст. 12.—Разсматриваніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій возлагается на мѣстныя полицейскія начальства, подъ главнымъ надзоромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ».

Началомъ 1829 г. закончилась дѣятельность Комитета, управлявшаго Императорскими С.-Петербургскими театрами, повидимому не оправдавшаго возложенныхъ на учрежденіе его упованій. Упраздненіе Комитета, хотя и учрежденнаго въ видѣ опыта, совершилось до нѣкоторой степени неожиданно, такъ какъ ему не предшествовали, обычныя при крупныхъ театральныхъ реформахъ, коммиссіонныя изслѣдованія и обсужденія. Еще 23 Апрѣля 1829 г. [478]) послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго Штата С.-Петербургскаго Театральнаго Училища, а новое положеніе о немъ, Высочайше утвержденное ровно черезъ недѣлю, 30 Апрѣля 1829 г. [479]), уже не застало Комитета существующимъ. 24 Апрѣля 1829 г. [480]) былъ изданъ слѣдующій именной Высочайшій Указъ Сенату: «Утвердивъ въ 13 день Ноября прошлаго 1827 г. поднесенное намъ Министромъ Императорскаго Двора положеніе объ управленіи Императорскими С.-Петербургскими театрами, Мы повелѣли: согласно его представленію, привести оное въ исполненіе, для опыта на одинъ годъ. Нынѣ, по прошествіи таковаго опытнаго года, Министръ Императорскаго Двора представляетъ Намъ, что управленіе Императорскими С.-Петербург-

[478]) Ibid стр. 245.
[479]) » » 249.
[480]) » » 246.

скими театрами посредствомъ Комитета оказывается во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ и полагаетъ за лучшее сосредоточить сіе управленіе въ лицѣ одного Директора, подъ главнымъ его, Министра, надзоромъ и распоряженіемъ. Вслѣдствіе сего Всемилостивѣйше назначаемъ Мы Директоромъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и состоящаго въ должности Гофмейстера Двора Нашего, князя Сергѣя Гагарина, повелѣвая упомянутый Театральный Комитетъ упразднить и дѣла онаго оставить въ Конторѣ Театровъ, которая, впредь до надлежащаго ея преобразованія, должна состоять подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Директора».

Такъ окончилъ существованіе послѣдній, завѣдывавшій театрами, Комитетъ, а съ нимъ окончательно завершились всѣ опыты примѣненія коллегіальности въ театральномъ управленіи, къ которой, съ самаго вступленія въ должность Министра Императорскаго Двора, очевидно, скептически относился кн. П. М. Волконскій. 1 Октября 1829 г. [481]) состоялось Высочайшее утвержденіе Штата Дирекціи Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ. Директору театровъ назначено содержаніе 8.000 р. въ годъ и на экипажъ 3.000 р.; при Директорѣ учреждены должности секретаря, начальника репертуарной части и переводчика. Въ Конторѣ упразднены должности начальниковъ отдѣленій, а учреждены два столоначальника, экзекуторъ, бухгалтеръ и контролеръ, каждый съ помощниками, а также должности казначея и журналиста, трехъ смотрителей сборовъ, трехъ смотрителей театровъ и

[481]) Ibid. стр. 289.

12 писцовъ. Вся стоимость содержанія Дирекціи, съ канцелярскими расходами и съ оплатой капельдинеровъ и инвалидовъ (15.000 р.), опредѣлилась суммой 73.600 р. Въ Штатѣ С.-Петербургскихъ театровъ 1829 г. впервые проведено дѣленіе окладовъ содержанія чиновниковъ на жалованье и столовыя деньги. Штатъ этотъ въ скоромъ времени былъ дополненъ, а именно: а) 22 Августа 1834 г. [482]),—Высочайше утвержденнымъ положеніемъ «О прибавленіи къ С.-Петербургскимъ театрамъ должностныхъ лицъ и о количествѣ опредѣленной суммы на ремонтное содержаніе Театральныхъ зданій и чистоты при оныхъ», по которому число служителей при театрахъ опредѣлено такъ: при Александринскомъ и при Большомъ по 18 ч., при Михайловскомъ—16 и при Каменноостровскомъ 4, а на ремонтъ назначено: по театрамъ 27.050 р. и прочимъ домамъ—3.200 р.; б) 3 Января 1835 г. [483])—причисленіемъ должности Директора Имп. С.-Петербургскихъ театровъ ко Вторымъ чинамъ Двора, и в) 7 Ноября 1837 г. [484])—Высочайшимъ Указомъ о назначеніи въ Конторѣ С.-Петербургскихъ театровъ, вмѣсто двухъ столоначальниковъ, одного, общаго по репертуарной и по хозяйственной частямъ. Штатъ 10 Октября 1829 г., съ послѣдовавшими въ немъ позднѣйшими измѣненіями, въ основѣ своей остался дѣйствующимъ вплоть до 1882 г.

Театральная карьера кн. Сергѣя Сергѣевича Гагарина [485]) была весьма не долговѣчна; разстроенное здо-

---

[482]) В. П. Погожевъ. Ист. очерки. III, стр. 340.

[483]) Ibid.

[484]) Ibid. стр. 341.

[485]) Вся служба кн. С. С. Гагарина протекла въ Придвор-

ровье заставило его покинуть должность Директора въ началѣ 1833 г, т. е. черезъ 4 года послѣ вступленія въ нее. На первое время кн. Гагаринъ энергично взялся за дѣло, въ особенности за хозяйственную его часть. Имъ, между прочимъ, изданы составленные управляющимъ Конторою Гемнихомъ хозяйственныя инструкціи: 7 Іюня 1829 г. [486]) «О вольнонаемныхъ портныхъ» и 6 Сентября 1829 г. [487]) «О порядкѣ найма поденщиковъ». На первое же время оказались и финансовые результаты заботливости кн. Гагарина: за 1829 г. и за 1830 г. въ балансѣ Петербургскихъ театровъ получились солидные денежные остатки, за которые кн. Гагаринъ удостоился получить выраженіе Высочайшей признательности [488]). Но далѣе дѣла пошли хуже, благодаря, главнымъ образомъ, раззорительности содержанія Дирекціей французской труппы, на которую отпускалось изъ Кабинета лишь 30.000 р. Кн. Гагаринъ, уходя оставилъ Дирекцію съ долгомъ въ 155.000 р. Съ Высочайшаго разрѣшенія долгъ этотъ 27 Іюня 1833 г. [489]) былъ покрытъ займомъ въ Госу-

---

номъ вѣдомствѣ; началъ онъ ее въ 1814 г. въ 18-лѣтнемъ возрастѣ, Кабинетскимъ регистраторомъ, въ 1815 г. пожалованъ Камеръ-юнкеромъ, съ 1820 г. состоялъ въ вѣдѣніи Оберъ-Шталмейстера, въ 1821 г. назначенъ Совѣтникомъ Придворно-Конюшенной Конторы, въ 1823 г.—Вторымъ Церемоніймейстеромъ Двора Е. И. В., въ 1826 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ 1829 г. назначенъ въ д. Гофмейстера.

[486]) Арх. СПБ. Конторы И. Т., Сборн. Выс. Пов., кн. II, стр. 281.

[487]) Ibid. стр. 286.

[488]) Общ. Арх. М. И. Д. Д. И. Т. Дѣло 1833 г. № 91.

[489]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сборн. Выс. Пов., кн. II, стр. 342.

дарственномъ Заемномъ Банкѣ, причемъ былъ тогда же увеличенъ на 100.000 р. отпускъ изъ Кабинета Е. В. на содержаніе французской труппы.

Заботившійся вообще объ упорядоченія дѣла, кн. Гагаринъ составилъ «Проектъ установленія штрафовъ для безостановочнаго хода репетицій и спектаклей, относящихся до артистовъ всѣхъ труппъ и оркестровъ», утвержденный Министромъ 30-го Сентября 1832 г. [490]). По проекту кн. Гагарина взысканія съ артистовъ установлены исключительно денежныя, вычетомъ изъ получаемаго содержанія, въ размѣрѣ: отъ полудневнаго оклада до недѣльнаго, что не исключало однако правъ Директора налагать на артистовъ, за болѣе важные проступки, другія строжайшія взысканія, по его усмотрѣнію и на основаніи постановленій Дирекціи. Кругъ проступковъ артистовъ ограниченъ спеціальнымъ обиходомъ спектаклей и репетицій и порядкомъ пользованія каретами и гардеробомъ. Инспекторамъ и режиссерамъ труппъ, за сокрытіе проступковъ артистовъ, положены двойныя противъ нихъ взысканія, но по непосредственному настоянію кн. Волконскаго, для Инспекторовъ, имѣющихъ чины, штрафы замѣнены замѣчаніями и выговорами Директора [491]). Штрафныя деньги, по проекту кн. Гагарина, направлялись на образованіе особыхъ кассъ по каждой труппѣ и оркестру.

Кн. Гагарину обязаны объ Дирекціи и Петербургская и Московская разъясненіемъ вопроса о поступающихъ на артистическую службу Дирекціи лицахъ, имѣющихъ чины. Какъ мы упомянули раньше (см. кн. 1 настоя-

[490]) Ibid, стр. 329.

[491]) Общ. Арх. М. И. Д. Д. И. Т. Дѣло 1832 г № 221.

щаго труда, стр. 364) 11 Октября 1827 г., по Высочайшему повелѣнію, было установлено правиломъ, чтобы чиновники опредѣлялись въ актеры, съ разрѣшенія Министра не иначе, какъ съ лишеніемъ чиновъ и чтобы лицамъ этой категоріи упомянутое правило было объявляемо предварительно принятія на службу, съ отобраніемъ отъ нихъ патентовъ на чины и аттестатовъ о прежней службѣ. 8 Марта 1831 г. [492]). Кн. Гагаринъ вошелъ съ представленіемъ къ Министру Императорскаго Двора, въ которомъ ссылаясь на отсутствіе въ Высочайшемъ повелѣніи 11 Октября 1827 г. указаній: «возвратятся ли чины подобнымъ лицамъ, если они чрезъ нѣкоторое время оставятъ театръ»?, испрашивалъ разрѣшенія кн. Волконскимъ участи такихъ чиновниковъ. При этомъ кн. Гагаринъ объяснялъ, «что сіе лишеніе чиновъ и безнадежность въ будущей судьбѣ удерживаетъ многихъ образованныхъ людей, могущихъ быть весьма полезными отечественному театру и драматическому искусству, вступать въ званіе артистовъ, а чрезъ сіе принуждена Дирекція отыскивать нужныя для нея амплуа *въ сословіяхъ, чуждыхъ почти образованности* и только однимъ долговременнымъ навыкомъ пріобрѣтающихъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сценическомъ искусствѣ». На представленіе кн. Гагарина послѣдовала резолюція кн. Волконскаго: «Высочайше повелѣно возвращать прежніе чины, но безъ старшинства, когда оставитъ вовсе службу въ актерскомъ званіи». 13 Марта 1831 г. приведенное Высочайшее повеленіе было сообщено кн. Волконскимъ Министру Юстиціи и

[492]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. Мин-ва Дѣло 1827 г. № 70/270.

обоимъ Директорамъ театровъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ.

13 Мая 1833 г. [493]) кн. Гагаринъ былъ уволенъ, по прошенію, отъ управленія С. Петербургскими театрами и въ должность Директора ихъ былъ назначенъ Церемоній-мейстеръ д. с. с. Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, состоявшій до того времени совѣтникомъ Московской Дворцовой Конторы. А. М. Гедеоновъ явился наиболѣе долговременнымъ изъ всѣхъ Директоровъ театровъ, онъ занималъ эту должность ровно четверть столѣтія до 15 Мая 1858 года.

Съ назначеніемъ Гедеонова продолжалось изданіе ряда положеній, регулировавшихъ гражданскія и служебныя права артистовъ и совершенствовавшихъ отдѣльныя отрасли театральнаго управленія. Всѣ эти положенія можно раздѣлить на двѣ категоріи: первую, заключающую въ себѣ законодательные акты, конфирмованные Высочайшею властью и вторую—постановленія и правила, утвержденныя непосредственно Директоромъ тетровъ, относившіяся спеціально къ Петербургскимъ театрамъ, но получившія впослѣдствіи руководящее значеніе и для Московскихъ.

Къ первой категоріи слѣдуетъ отнести въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующіе 4 акта.

1) «Положеніе о пенсіяхъ артистамъ Императорскихъ Театровъ, вдовамъ ихъ и дѣтямъ», Высочайше утвержденное 13 Августа 1833 г. [494]) и замѣнившее собою прежнія правила о пенсіи 3 Мая 1825 г. и 13 Ноября 1827 г. Гуманное, какъ мы указали, Положеніе 1827 г. оказалось на практикѣ весьма обре-

[493]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сб. Выс. Пов. кн. II. стр. 341.
[494]) В. П. Погожевъ, Историческіе очерки III, стр. 342.

менительнымъ для Кабинета Е. В. Право артистовъ, при болѣзни, получать за 10 лѣтъ службы половинную пенсію широко ими эксплоатировалось. Болѣзненное состояніе и неспособность продолжать службу съ должнымъ усердіемъ, съ медицинской стороны, легко могло быть удостовѣрено для любого артиста и открывало ему возможность, заручившись вѣрнымъ пожизненнымъ обезпеченіемъ изъ Кабинета Е. В, искать заработка на сторонѣ. Имѣя передъ собою § 11 положенія 1827 г., начальство Дирекціи лишено было возможности отказывать въ ходатайствахъ артистамъ объ этой льготѣ и на законномъ основаніи наводняло Канцелярію Министерства Двора представленіями о половинныхъ пенсіонахъ. Уже съ начала 1831 г. [495]) кн. Волконскаго безпокоило это обстоятельство и онъ поручалъ обоимъ Директорамъ театровъ (Петербургскому и Московскому) представить ихъ заключенія о желательныхъ перемѣнахъ въ пенсіонномъ уставѣ 1827 г., но вопросъ этотъ затянулся и разрѣшился лишь въ 1833 г., утвержденіемъ проекта новыхъ пенсіонныхъ правилъ, составленнаго, какъ надо полагать, при участіи тогдашняго Директора Канцеляріи Министерства Двора д. с. с. Ситникова. На основаніи положенія 1833 г. пенсіи артистамъ предоставляются: русскимъ подданнымъ за 20 лѣтнюю безпорочную и непрерывную службу, а иностранцамъ за 10 лѣтъ такой же службы. Русскимъ подданнымъ въ пенсію назначается полный окладъ жалованья, но не свыше 4.000 руб., а иностранцамъ половинный окладъ, но не свыше 2.000 р. По старости, или болѣзни, срокъ выслуги пенсіи сокращается на

---

[495]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. Мин-ва Дѣло 1831 г. № 6/122.

5 лѣтъ, съ назначеніемъ русскимъ подданнымъ—2/3 оклада жалованья, а иностранцамъ—1/3 оклада. Въ случаѣ увѣчья или потери здоровья на службѣ, пенсія, по особому ходатайству Министра Двора, назначается, независимо срока службы, въ размѣрѣ по Высочайшему усмотрѣнію. Для артистовъ, получившихъ пенсію, установлена служба «въ благодарность», въ теченіе 2-хъ лѣтъ, «не требуя болѣе того содержанія, какое получали до назначенія пенсіи». Прерванная служба въ срокъ выслуги на пенсію не зачисляется и при выслугѣ пенсіи вычитается также время отпуска свыше 2-хъ мѣсяцевъ. Пенсіонерамъ дозволено оставаться на службѣ при театрахъ, получая жалованье и пенсію, но, поступивъ на другую Государственную службу, они лишаются пенсіи. Иностранцы сохраняютъ право на пенсію, пребывая и за границей. Вдовамъ артистовъ назначается половина пенсіи мужа, а дѣтямъ, при матери,—1/3 другой половины; круглымъ же сиротамъ назначается каждому по 1/4 пенсіоннаго оклада отца или матери. Если вдова сама пенсіонерка, то дѣти изъ отцовской пенсіи части не получаютъ. Если и отецъ и мать были пенсіонерами, то дѣтямъ, круглымъ сиротамъ, пенсіонная часть назначается изъ отцовской лишь пенсіи. Дѣти, вообще, получаютъ пенсію лишь до 18-ти лѣтняго возраста, или до безплатнаго помѣщенія въ казенное учебное заведеніе. Вдовы и дѣти артистовъ, не выслужившихъ пенсіона, получаютъ единовременно годовой окладъ жалованья мужей или отцовъ. Пенсіи назначаются изъ Кабинета Его Величества, а единовременныя пособія изъ Государственнаго Казначейства.

2) Высочайшій Указъ Сенату отъ 7 Февраля

1834 г.[496]) о мѣрахъ наказанія за нетрезвую жизнь и дурное поведеніе «служителей обѣихъ театральныхъ Дирекцій и музыкантовъ, собственно онымъ принадлежащихъ». Указъ этотъ касался, слѣдовательно, крѣпостныхъ людей Дирекцій, нѣкоторый контингентъ которыхъ еще оставался тогда въ ея вѣдѣніи, а изрѣдка даже пополнялся новыми покупками[497]). Высочайшимъ Указомъ повелѣно «означенныхъ людей, буде они, за всѣми исправительными мѣрами, окажутся неблагонадежными и къ военной службѣ будутъ неспособны, отдавать въ арестанскія роты, если же и въ оныя, по негодности, не могутъ быть приняты,— то ссылать въ Сибирь на поселеніе, съ утвержденія Министра Императорскаго Двора».

3) «Положенія о классѣ инструментальной струнной музыки при Придворной Пѣвческой Капеллѣ, съ прикомандированіемъ къ оному избранныхъ изъ гвардейскихъ полковъ музыкантовъ на духовыхъ инструментахъ». Хотя Положеніе это относилось непосред-

---

[496]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сб. Выс. Пов. ч. II стр. 360.

[497]) Такъ напримѣръ, 9 Января 1830 г. съ Высочайшаго соизволенія куплены были С.-Петербургской Дирекціей отъ колл. секр. Афросимова 13 музыкантовъ за 24.000 рублей (Ibid. стр. 294) Этотъ фактъ указываетъ между прочимъ на реакцію послѣдовавшую во взглядахъ Императора Николая I на крѣпостныхъ артистовъ, такъ какъ за два года передъ тѣмъ, а именно 4 Марта 1828 г., данъ былъ имъ слѣдующій Указъ Кабинету: «Желая откупить вѣчно на волю изъ дворовыхъ людей оберъ-шенка графа Чернышева 27 человѣкъ музыкантовъ, для опредѣленія ихъ на службу къ придворнымъ театрамъ, повелѣваю отпустить на сіе изъ Кабинета въ распоряженіе Министра И. Дв. пятьдесятъ четыре тысячи рублей ассигнаціями». (Ibid. стр. 208). Такимъ образомъ цѣна крѣпостного музыканта того времени доходила до 2.000 рублей.

ственно къ постороннему для Театральной Дирекціи Учрежденію, но косвенно затрогивало интересы Императорскихъ театровъ. Еще при управленіи Придворной Пѣвческой Капеллой д. с. с. Бортнянскимъ былъ учрежденъ въ ней инструментальный классъ для малолѣтнихъ пѣвчихъ, спадающихъ съ голосовъ, остававшійся, впрочемъ, безъ правильнаго надзора только дѣтской забавой и не приносившій пользы. Позднѣе, Директоръ Капеллы т. с. Львовъ безуспѣшно возбуждалъ вопросъ объ упорядоченіи класса. Въ 1835 г. Флигель-Адъютантъ Львовъ представилъ Министру записку съ проектомъ преобразованія музыкальной школы Капеллы, но проектъ не осуществился за недостаткомъ средствъ. Вступивъ самъ въ управленіе Капеллой, Флиг.-Адъют. Львовъ, за собственный страхъ, произвелъ опытъ приглашенія въ Капеллу хорошихъ учителей инструментальной музыки и получилъ удовлетворительные результаты. Это побудило его 24 Ноября 1838 г. [498]) войти съ новымъ проектомъ учрежденія инструментальнаго класса, въ видѣ опыта на 5 лѣтъ, съ расходомъ по 10.000 р. въ годъ. Проектъ фл. а. А. Львова, представлявшій собою первую слабую попытку созданія въ Россіи музыкальной консерваторіи, былъ препровожденъ на заключеніе Директора Петербугскихъ театровъ Гедеонова, который, давъ въ общемъ благопріятный отзывъ, указалъ, впрочемъ, на преувеличенные по проекту размѣры назначаемыхъ окладовъ жалованья выпускаемымъ изъ Капеллы музыкантамъ. Тѣмъ не менѣе, проектъ положенія объ инструментальномъ классѣ 7 Января 1839 г. былъ Высочайше утвержденъ въ

[498]) Общ. Архивъ М. И. Д., Д. И. Т. Дѣло 1838 г., № 290.

представленной Львовомъ редакціи. Инструментальный классъ [499]) предположено было комплектовать изъ двухъ источниковъ: 1) изъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, по желанію, въ числѣ отъ 15 до 20 человѣкъ, для обученія на скрипкѣ, віолончели и контробассѣ и 2) изъ лучшихъ музыкантовъ гвардейскихъ полковъ, по избранію капельмейстера Гвардейскаго корпуса, для обученія игрѣ на флейтѣ, гобоѣ, кларнетѣ, волторнѣ, на трубѣ и на литаврахъ. Для обученія приглашаются Капеллой спеціальные учителя по каждому инструменту. Срокъ обученія не опредѣленъ. Окончившимъ курсъ положено выдавать аттестаты, предоставляющіе имъ права артистовъ Императорскихъ театровъ. Аттестаты установлены трехъ номеровъ, которыми опредѣляются годовые оклады содержанія выпущенныхъ музыкантовъ, при поступленіи на службу въ Дирекцію, а именно: по первому номеру—2.500 р., по второму—2.200 р. и по третьему—1.500 р. Дирекціямъ театровъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ поставлено въ обязанность: въ комплектованіи оркестровъ, при наличности двухъ кандидатовъ на одно вакантное мѣсто, «всегда предпочитать стороннему или иностранцу того, который имѣетъ аттестатъ Придворной Капеллы». Инструментальный классъ при Капеллѣ просуществовалъ всего пять лѣтъ. 16 Января 1845 г. [500]) состоялось Высочайшее повелѣніе закрыть этотъ классъ, «по неимѣнію свободныхъ суммъ на содержаніе его».

4) Положеніе объ артистахъ Императорскихъ

[499]) Архивъ СПБ. Конторы И. Т. Сборн. Выс. Пов. кн. II, стр. 521.

[500]) Ibid стр. 654.

театровъ», Высочайше утвержденное 15-го Января 1839 г. [501]) впервые, за 80 лѣтъ существованія Императорскихъ театровъ, опредѣлившее служебно - общественное положеніе артистовъ и остающееся дѣйствующимъ закономъ и до настоящаго времени. По этому положенію артисты раздѣлены на три разряда, съ распредѣленіемъ по нимъ наименованій артистическихъ должностей. Къ I разряду отнесены: артисты перваго амплуа во всѣхъ родахъ драматическаго искусства, танцовщики солисты, музыканты - солисты, управляющіе труппами, режиссеры, капельмейстеры и дирижеры оркестровъ, балетмейстеры, главные костюмеры, декораторы и машинисты. Ко II разряду—актеры на 2-я и 3-я роли, музыканты, суфлеры, гардеробмейстеры, театрмейстеры, живописцы и скульпторы. Къ III разряду— выходные артисты, хористы, фигуранты, парикмахеры, нотные писцы и пѣвчіе. Артистамъ русскимъ подданнымъ предоставлены, по оставленіи ими службы при театрахъ, слѣдующія права: артистамъ I разряда, по выслугѣ 10 лѣтъ—права канцелярскихъ служителей 3-го разряда (т. е. права на 1-й классный чинъ послѣ 6 лѣтъ гражданской службы); артистамъ II разряда, по выслугѣ 10 лѣтъ—права отставныхъ придворныхъ служителей, не достигшихъ классныхъ чиновъ (т. е. право на 1-й классный чинъ послѣ 12 лѣтъ гражданской службы въ вѣдомствѣ Министерства Двора) и артистамъ III разряда, по окончаніи театральной службы— право именоваться отставнымъ артистомъ Императорскихъ театровъ III разряда, съ причисленіемъ съ дѣтьми къ свободному состоянію. Кромѣ того, по § 10-му

[501]) Ibid., стр. 525—529.

Положенія, артистамъ I разряда предоставлено «и во время службы при театрахъ и по увольненіи отъ оной» получать почетное гражданство: личное — по безпорочномъ и усердномъ прослуженіи при театрахъ не менѣе 10 лѣтъ, а потомственное — по прослуженіи не менѣе 15-ти лѣтъ. Согласно § 12 положенія, существовавшее съ 1833 г. Положеніе о пенсіяхъ артистамъ, и съ 1827 г.—воспрещеніе сохранять актерамъ чины, во время ихъ театральной службы, оставлены въ своей силѣ.

Правило, вошедшее въ § 10 Положенія, только что нами упомянутое, обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, по тому, что оно проведено Министромъ Императорскаго Двора, по непосредственному всеподданѣйшему докладу и вопреки ранѣе состоявшемуся мнѣнію Государственнаго Совѣта. Интересныя въ историко-культурномъ отношеніи перипетіи установленія права артистовъ на почетное гражданство даетъ намъ основаніе остановиться на нихъ съ нѣкоторою подробностью. Съ представленіемъ по вопросу о почетномъ гражданствѣ для артистовъ, кн. Волконскій входилъ еще въ 1834 г., т. е. вскорѣ послѣ изданія въ 1832 г. Высочайшаго Манифеста объ учрежденіи почетнаго гражданства, но потерпѣлъ неудачу. По представленію этому состоялось, въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, мнѣніе, крайне слабое по аргументаціи, но весьма характеристическое въ смыслѣ обрисовки современнаго общественнаго взгляда на артистическую профессію. Государственный Совѣтъ, признавая, что «хотя нѣкоторые артисты Императорскихъ театровъ, какъ отличившіеся въ изящныхъ искусствахъ, могли бы, согласно

мнѣнію Министра Императорскаго Двора, пріобрѣтать право на званіе почетныхъ гражданъ, но при семъ должно принять въ уваженіе: а) что публичныя занятія подобныхъ артистовъ, во время служенія при театрахъ, часто бываютъ несообразны съ тѣми, коихъ, по коренному закону, требуется отъ почетныхъ гражданъ; б) что отъ таковой несообразности, при дарованіи служащимъ артистамъ званія почетныхъ гражданъ, неминуемо уменьшится достоинство онаго въ глазахъ тѣхъ, кои пріобрѣли, или должны пріобрѣтать оное, трудами и занятіями другого рода, въ томъ законѣ именно опредѣленными; в) что для артистовъ Императорскихъ театровъ, положеніями объ оныхъ, назначены уже разныя поощренія, а главнѣйше, за выслугу извѣстныхъ лѣтъ, значительныя пенсіи; г) что если, сверхъ того, допустить для нихъ и мѣру, нынѣ Министромъ Императорскаго Двора предполагаемую, то сіе повело бы къ новому постановленію касательно лишенія ихъ званія почетныхъ гражданъ за неповиновеніе и дурные поступки; между тѣмъ какъ по коренному закону, никто не можетъ быть лишенъ означеннаго званія иначе, какъ по судебному приговору. Измѣненіе закона въ семъ отношеніи имѣло бы также неминуемымъ послѣдствіемъ уменьшеніе достоинства званія и тѣхъ побужденій, кои существуютъ нынѣ для пріобрѣтенія онаго. По всѣмъ симъ уваженіямъ, Государственный Совѣтъ, почитая неудобнымъ присвоить артистамъ, во время служенія ихъ на публичныхъ театрахъ, званія почетныхъ гражданъ, положилъ: дозволить симъ артистамъ, по увольненіи ихъ уже отъ служенія театральнаго, пріобрѣтать почетное гражданство, личное или по-

томственное, наравнѣ съ другими, тѣми способами и на тѣхъ основаніяхъ, какія назначены въ Манифестѣ 10 Апрѣля 1832 г. для всѣхъ Россійскихъ подданныхъ». 26 Ноября 1834 г. приведенное мнѣніе Государственнаго Совѣта было Высочайше утверждено и сообщено Министру Двора предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Новосильцевымъ.

Къ чести кн. Волконскаго слѣдуетъ отнести, что онъ не удовлетворился такимъ рѣшеніемъ. Воспользовавшись представленіемъ въ 1839 году проекта положенія объ артистахъ, онъ всетаки вставилъ въ него постановленіе о правахъ артистовъ на почетное гражданство [502]) и во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому поводу 10 Января 1839 г. [503]) писалъ такъ: «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть мнѣ составить положеніе, коимъ опредѣлялось бы состояніе артистовъ Императорскихъ театровъ. Мысль о причисленіи ихъ къ какому либо состоянію давно меня занимала, и я, въ Іюнѣ 1834 г., всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшаго соизволенія на предоставленіе имъ права пріобрѣтать почетное гражданство. Докладная моя о семъ записка, по Волѣ Вашего Величества, внесена была тогда, на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, который, признавая неудобнымъ присвоять артистамъ, во время служенія ихъ

[502]) В. Михайловскій въ своей статьѣ «Актеръ В. И. Рязанцевъ» (Ежегодникъ И. Т. сезона 1899—1900 прил. II, стр. 20) указываетъ, что въ вопросѣ о предоставленіи артистамъ почетнаго гражданства сыграли большую роль хлопоты М. С. Щепкина и содѣйствіе А. М. Гедеонова, но, къ сожалѣнію, не приводитъ источниковъ этихъ свѣдѣній, ошибочно относя это событіе къ 1832 г., а не къ 1839 г.

[503]) Общ. Арх. М. И. Д. Дѣло 1839 №№ 47/114.

на театрахъ, званія почетныхъ гражданъ, положилъ: дозволить имъ, по увольненіи ихъ уже отъ служенія театральнаго, пріобрѣтать почетное гражданство, наравнѣ съ другими, каковое мнѣніе Совѣта Высочайше утверждено 26 Ноября 1834 г. Послѣ того, нѣкоторые изъ Министровъ обращались ко мнѣ съ вопросами о томъ, къ какому состоянію принадлежатъ артисты и какими правами могутъ пользоваться дѣти ихъ? На таковые вопросы я отвѣчалъ, что права какъ артистовъ, такъ и дѣтей ихъ ничѣмъ не опредѣлены. Составленный нынѣ проектъ положенія объ артистахъ, въ коемъ они раздѣляются на три разряда, имѣю счастіе представить на Высочайшее Вашего Величества благоусмотрѣніе и донести, что въ Положеніе сіе я осмѣлился ввести параграфъ о дозволеніи артистамъ I разряда пріобрѣтать почетное гражданство и во время театральнаго ихъ служенія по тому убѣжденію, что званіе сіе ни для какого состоянія не можетъ быть столь нужно и полезно, какъ для артистовъ». На докладѣ кн. Волконскаго послѣдовала резолюція. «Высочайше утверждено, копіи послать къ Министру Юстиціи и къ Директорамъ Театровъ, 15 Января 1839 г.» Положеніе съ резолюціей заслушано было въ Сенатѣ 6 Февраля 1839 г. Съ изданіемъ новаго положенія о разрядахъ артистовъ заведены были въ Петербургскихъ театрахъ формулярные списки артистовъ всѣхъ труппъ [504]).

Ко второй категоріи постановленій, т. е. къ правиламъ и инструкціямъ, утвержденнымъ непосредственно Директоромъ Петербургскихъ театровъ, относятся:

[504]) Ibid. Дир. И. Т. Дѣло 1839 г. № 94.

1) «Инструкція смотрителямъ театровъ» 12 Іюля 1834 г. [505]), въ которой подробно излагаются обязанности ихъ: по поддержанію порядка, чистоты и пожарной безопасности въ театрахъ, по наблюденію за отопленіемъ и освѣщеніемъ театровъ, по ревизіи поденныхъ рабочихъ, по наблюденію за буфетомъ, по содержанію описей театральному имуществу и проч.

2) «Инструкція смотрителямъ за сборами» 30 Іюля 1834 г. [506]), устанавливающая порядокъ продажи билетовъ, наблюденія за абонементомъ и за впускомъ публики въ мѣста, а также опредѣляющая обязанности капельдинеровъ. Этой инструкціей, между прочимъ, воспрещено принимать отъ публики обратно проданные билеты, если деньги за нихъ внесены въ шнуровую кассовую книгу.

3) «Правила о обязанностяхъ и распредѣленіи рабочихъ людей по театрамъ, мастерскимъ и декораціоннымъ заламъ», утвержденныя 9 Сентября 1834 г. [507]).

4) «Опредѣленіе состава вечеровыхъ расходовъ, относимыхъ на счетъ 400 рублей, удерживаемыхъ съ иностранныхъ бенефиціантовъ», утвержденное Директоромъ 20 Октября 1834 г. [508]). Въ эти расходы введено: обыкновенное освѣщеніе театровъ, наемъ пѣвчихъ, статистовъ, портныхъ и поденщиковъ, 31 пара экипажей, 2 объявленія въ афишахъ, платежи полицейской и пожарной командѣ, бутафорскія издержки на сценѣ, обыкновенная монтировка пьесъ и пре-

[505]) Арх. СПБ. Конт. И. Т. Сб. Выс. Пов. кн. II, стр. 371—391.

[506]) Ibid., стр. 393—407.

[507]) » » 419—422.

[508]) » » 423—426.

доставленіе оркестра. Всѣ расходы, выходящіе за предѣлы этого перечня, какъ-то: плата части сбора Опекунскому Совѣту, усиленное освѣщеніе и пр., отнесены къ особому платежу бенефиціантовъ.

5) Формы контрактовъ съ артистами, установленныя для Петербургскихъ театровъ А. М. Гедеоновымъ 27 Января 1836 г. [509]), по двумъ образцамъ: одному—для артистовъ, «состоящихъ на поспектакльномъ разсчетѣ» и другому—«для артистовъ, не имѣющихъ таковаго разсчета». Контракты установлены печатные на простой бумагѣ, но съ взысканіемъ гербоваго сбора. Относительно поспектакльной платы слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что еще ранѣе, а именно 24 Мая 1834 г. [510]) послѣдовало распоряженіе Министра Двора, воспретившее гарантію артистамъ по контрактамъ числа разовыхъ участій ихъ въ спектакляхъ и ограничившее размѣръ поспектакльной платы 125 рублями.

6) «Правила по внутреннему устройству и содержанію гардероба Императорскихъ театровъ», 6 Сентября 1837 г. [511]), излагающія порядокъ заготовленія, храненія и выдачи въ употребленіе гардероба, обязанности гардеробмейстера, костюмера и портныхъ и опредѣляющія взысканія за неисправности.

7) «Постановленія объ обязанностяхъ артистовъ Императорскихъ театровъ и штрафахъ за нарушеніе оныхъ», утвержденныя А. М. Гедеоновымъ 23 Сентября 1837 г. [512]). Эти малосистематичныя постановленія, сохранившія силу и до настоящаго времени по

---

[509]) Ibid., стр. 453.
[510]) » » 453.
[511]) » » 474.
[512]) » » 489—514.

отношенію ко всѣмъ труппамъ Петербургскихъ и Московскихъ театровъ, кромѣ Русской драматической (пользующейся теперь Положеніемъ 1882 г.), раздѣлены на слѣдующія 11 главъ: I—о роляхъ, II—о репетиціяхъ, III—о костюмахъ, IV—о спектакляхъ, V—о каретахъ, VI—о машинистахъ, VII—о болѣзняхъ артистовъ, VIII—о поведеніи, IX—объ отпускахъ, X—о штрафахъ и XI—объ оркестрахъ. Взысканія съ артистовъ за проступки установлены 3-хъ видовъ: денежный штрафъ въ размѣрѣ отъ четвертой части дневного жалованья до мѣсячнаго оклада, арестъ и исключеніе изъ службы, при чемъ, въ случаяхъ нарушенія артистами дисциплины противъ начальства, Директору предоставляется назначать, вмѣстѣ со штрафомъ, также арестъ, уничтоженіе контракта и лишеніе причитающагося содержанія. Положеніе, между прочимъ, опредѣляетъ нормальный размѣръ выучки ролей артистами—въ 25 строкъ роли въ день, нетвердость въ роляхъ наказываетъ по 3-му разу штрафомъ за 1 мѣсяцъ и воспрещаетъ артистамъ присваивать себѣ исключительное право на извѣстныя роли. По § 28 Постановленія, «сходственно постановленіямъ всѣхъ театровъ Европы, полагается за правило у всѣхъ незамужнихъ или не живущихъ съ мужьями актрисъ и танцовщицъ, кои окажутся беременными» прекращать жалованье до выздоровленія и появленія на сцену [513]). Штрафныя деньги, на основаніи § 33 По-

[513]) А. М. Гедеоновъ вообще строго оберегалъ нравственность артистовъ. Еще въ 1833 г. онъ отдалъ приказаніе Конторѣ удерживать, *до выздоровленія,* жалованье съ беременныхъ незамужнихъ артистокъ, а также «съ актеровъ, танцоровъ и музыкантовъ, кои отъ развратнаго образа

становленія, поступаютъ въ особую кассу, которою распоряжается Директоръ. Дѣйствіе постановленія 1837 г. распространялось также на высшій и низшій персоналъ монтировочной части.

Эпоха 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія ознаменовалась наибольшими столкновеніями Дирекціи съ цензурой театральныхъ пьесъ, которая, какъ мы уже упомянули, съ 22 Апрѣля 1828 г. перешла по новому Цензурному Уставу въ вѣдѣніе III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Столкновенія эти, въ которыхъ обѣимъ Дирекціямъ столичныхъ театровъ приходилось играть страдательную роль, имѣли серьезныя послѣдствія лично для Директора Петербургскихъ театровъ кн. Гагарина, возбудили противъ него неудовольствіе кн. Волконскаго и, какъ надо думать, имѣли не малое значеніе въ скоромъ прекращеніи театральной дѣятельности кн. Гагарина. Строгость новаго цензурнаго вѣдомства, а главное зоркое вниманіе, которое проявлялъ непосредственно самъ Императоръ Николай I въ оцѣнкѣ пригодности какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ пьесъ къ представленію на Императорской сценѣ, имѣли существенное вліяніе на репертуаръ и работу какъ Петербургскихъ, такъ и Московскихъ театровъ.

Для сохраненія возможной цѣльности впечатлѣнія и чтобы не возвращаться къ этому вопросу въ дальнѣйшемъ обзорѣ собственно Московскихъ театровъ, мы приводимъ здѣсь краткій очеркъ цензурнаго давленія на репертуары Императорскихъ театровъ за все время, съ учрежденія новой цензуры до возсоеди-

жизни впали бы въ любострастную болѣзнь». (Общ. Арх. М. И. Д. Дир. И. Т. Дѣло 1833 г. № 266).

ненія обѣихъ Дирекцій въ 1842 году, т. е. за ту эпоху, которая подарила русскій театръ наиболѣе крупными драматическими произведеніями: Грибоѣдовскимъ — «Горе отъ ума» и Гоголевскимъ — «Ревизоромъ.

Предварительно надо замѣтить, что цензурное вѣдомство того времени сносилось по интересующимъ его вопросамъ по преимуществу съ Петербургской Дирекціей, что и понятно, такъ какъ Московскіе театры, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, шли въ репертуарѣ за Петербургскими. Большинство авторовъ и переводчиковъ представляли свои пьесы прямо въ Петербургъ и Московскіе театры получали репертуарный матеріалъ, цензурованный помимо ихъ участія. Такимъ образомъ, Московское театральное управленіе въ значительно меньшей степени переживало остроту и неудобство непосредственныхъ столкновеній съ цензурой.

Открывъ свою цензурную дѣятельность въ Апрѣлѣ 1828 г., III отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи три первыя свои требованія заявило уже въ Іюлѣ того же года, послѣдовательно по одному, въ теченіе первыхъ трехъ недѣль этого мѣсяца. 6 Іюля 1828 г.[514]) Канцелярія просила С.-Петербургскую Контору театровъ «строго наблюдать, чтобы артисты Императорскихъ театровъ не объявляли пьесъ, прежде одобренія оныхъ цензурою, какъ, напримѣръ, въ афишахъ 1-го Іюля было объявлено, что въ непродолжительномъ времени французскими придворными актерами представлена будетъ ко-

[514]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сборн. Выс. Пов. кн. II, стр. 224.

медія «Le mariage d'argent», между тѣмъ, какъ оная еще не была возвращена цензурою». 14 Іюля 1828 г. [515]) Канцелярія просила С.-Петербургскую Дирекцію доставлять ей ежедневныя печатныя объявленія о представленіяхъ на Императорскихъ театрахъ. Вѣроятно, подобное же требованіе было предъявлено и Московской Дирекціи, но слѣдовъ его въ Архивѣ нѣтъ. 24 Іюля того же года затребовано было отъ Петербургской Дирекціи представленіе въ цензуру всѣхъ программъ новыхъ балетовъ и дивертиссментовъ, до представленія ихъ на сценѣ. Вслѣдствіе этого Контора тотчасъ же, а именно 25 Іюля 1828 г., рекомендовала балетмейстеру Дидло и инспектору балетовъ Огюсту— «по приготовленіи когда какого либо балета или дивертиссментовъ, въ бенефисъ или въ казну назначеннаго, составлять подробную программу, для отсылки отъ Конторы на разсмотрѣніе въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и, до полученія изъ оной таковой программы обратно, отнюдь не печатать въ афишахъ описаннаго въ оной новаго балета или дивертиссмента» [516]). Изъ этого можно видѣть, что цензура III Отдѣленія сразу же расширила свою компетенцію, за счетъ вообще всякихъ сценическихъ представленій, тогда какъ ст. 11 Новаго цензурнаго Устава точно ограничивала область цензуры «драматическими произведеніями». Далѣе, 14 Сентября 1828 г. [517]), III Отдѣленіе, по поводу сдѣланныхъ нѣмецкими артистами «прибавленій къ ролямъ ими занимаемымъ» въ представленіи 28 Августа

[515]) Общ. Арх. М. И. Д. Дир. И. Т. Дѣло 1828 г. № 89.
[516]) В. П. Погожевъ. Историческіе очерки. I, стр. 22.
[517]) Ibid., стр. 23.

пьесы «Die Quälgeister» просила распоряженія Дирекціи о томъ, «чтобы артисты исполняли роли свои по одобреннымъ цензурою экземплярамъ театральныхъ пьесъ». Въ силу этого, Конторою былъ предписанъ всѣмъ инспекторамъ труппъ строжайшій надзоръ, «дабы артисты, какъ нынѣ служащіе, такъ и пріѣзжающіе изъ другихъ городовъ, играли роли свои на здѣшнихъ театрахъ не иначе, какъ по подлиннымъ пьесамъ, здѣшнею цензурою разсмотрѣннымъ, безъ всякаго къ онымъ прибавленія вымаранныхъ словъ или перемѣны словъ». Отъ артистовъ были отобраны о томъ подписки и даны соотвѣтствующія приказанія суфлерамъ. Отданное Конторою распоряженіе поставило въ большое затрудненіе инспектора русской труппы Р. Зотова. Донося, «что нынѣ играются пьесы: трагедія «Гамлетъ», драма «Сынъ любви» и другія, съ перемарками въ роляхъ самими артистами и даже съ нѣкоторымъ собственнымъ ихъ сочиненіемъ», Зотовъ просилъ существовавшій еще тогда Комитетъ Управленія С.-Петербургскими театрами «въ таковыхъ обстоятельствахъ не оставить его разрѣшеніемъ». Комитетъ рѣшилъ такъ: «существующія при театрахъ пьесы играть такъ, какъ онѣ доселѣ были представляемы; поправки же въ новыхъ пьесахъ не допускать иначе, какъ по сношенію съ авторами и цензурою». Но правило это на практикѣ выполнялось не особенно тщательно, въ особенности въ иностранныхъ труппахъ, и III Отдѣленію пришлось въ 1831 г. вновь возбудить тотъ же вопросъ, что вызвало цѣлую переписку. 21 Сентября 1831 г. III Отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи, препровождая въ Петербургскую Контору одобренную къ представленію

пьесу «Pierre le couvreur», просило приказать артистамъ «впредь не дѣлать никакихъ перемѣнъ ни въ заглавіяхъ, ни въ самомъ текстѣ пьесъ, а представлять ихъ всегда въ настоящемъ видѣ». Петербургская Контора 11 Октября 1831 г. [518]) заявляла съ своей стороны, что «1) пьесы, кои предполагаются здѣсь дать французскою или нѣмецкою труппою, почти всѣ выписываются изъ чужихъ краевъ [519]). Правила и

---

[518]) Общ. Арх. М. И. Д. Дир. И. Т. Дѣло 1836 г. № 216.

[519]) Кстати здѣсь замѣтить, что въ то время и позднѣе, до 1882 г., выписка изъ за-границы иностранныхъ пьесъ производилась по преимуществу инспекторами или главными режиссерами иностранныхъ труппъ, непосредственно, или черезъ артистовъ, наиболѣе удобными, или выгодными для нихъ путями и, ускользая отъ контроля заинтересованныхъ въ сбытѣ пьесъ авторовъ и издателей, вызывала ихъ неудовольствія. Между прочимъ, въ 1832 г. возникъ такой инцидентъ. Извѣстный нѣмецкій драматическій писатель Раупахъ освѣдомился черезъ Петербургскаго декоратора Гропіуса, что многія его пьесы, какъ, напр., «Der Nasenstüber» въ 3-хъ актахъ и «Der Müller und sein Kind» въ 5-ти актахъ. играются безъ его вѣдома въ Петербургѣ на Императорскомъ нѣмецкомъ театрѣ. Въ Ноябрѣ 1832 г. Раупахъ, находясь въ Берлинѣ, написалъ на французскомъ языкѣ дерзкое письмо Инспектору Петербургской Нѣмецкой труппы тит. сов. Гельмерсену, въ которомъ, требуя уплаты по 40 р. за каждый актъ упомянутыхъ пьесъ, угрожалъ опубликованіемъ въ печати, что русскій Императорскій театръ играетъ краденыя пьесы, и высказывалъ мнѣніе, что подобныя дѣйствія «прощаются только скитающимся труппамъ». По справкамъ, оказалась неосновательность претензіи Раупаха, такъ какъ обѣ упомянутыя пьесы были пріобрѣтены тит. с. Гельмерсеномъ у актера Неймана въ Кёнигсбергѣ и оплачены 5 прусскими талерами за актъ. Дѣло было доведено до свѣдѣнія Государя и 29 Ноября 1832 г. состоялось Высочайшее повелѣніе: разъяснить г. Раупаху, письменно черезъ Гель-

средства тамъ состоящихъ театровъ во многомъ различаются со здѣшними и потому тѣ пьесы предварительно разсматриваются артистами труппъ, коими оныя предполагаются быть представленными и, по соображенію при томъ со способностями ихъ, дѣлаются въ тѣхъ пьесахъ сокращенія или перемѣны. 2) Пьесы, кои предполагаются къ представленію Русскою труппою, представляются въ Дирекцію отъ авторовъ и переводчиковъ. Сіи пьесы также предварительно сообразуются со средствами здѣшнихъ театровъ и способностями артистовъ и, смотря потому, также въ оныхъ дѣлаются сокращенія или перемѣны. 3) За сими сдѣланными сокращеніями и перемѣнами, Контора препровождаетъ оныя въ III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, дабы оному Отдѣленію для соображенія извѣстны были и тѣ предполагаемыя перемѣны, испрашивая разрѣшенія, могутъ ли въ томъ видѣ пьесы быть представлены на здѣшнихъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театрахъ». «Буде же пьесы, писала далѣе Контора, препровождать на одобреніе къ представленію, безъ вышеписанныхъ предварительныхъ перемѣнъ, а въ настоящемъ ихъ видѣ, то нужно будетъ, если по соображеніямъ окажется необходимо нужно сдѣлать какія либо перемѣны, еще послѣ того вторично о таковыхъ представлять на таковое же одобреніе. Что же касается до перемѣнъ въ заглавіяхъ, то сіе иногда дѣлается для разнооб-

---

мерсена, истинное положеніе дѣла и поставить ему на видъ неприличіе выраженій въ его письмѣ и рекомендовать обратиться съ своей претензіей къ г. Нейману. Повидимому, вопросъ былъ этимъ исчерпанъ (Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М. Дв. 1832 г. № 132/219).

разности, буде имѣются уже пьесы подъ равными заглавіями или именами, дабы публика не почла одну за другую». Объяснивъ причины предварительныхъ, до цензуры, перемѣнъ въ пьесахъ, Контора просила III отдѣленіе оставить дѣйствующимъ существующій порядокъ, но Управляющій Отдѣленіемъ А. Мордвиновъ 13 Октября 1831 г. отвѣтилъ, «что какъ пьесы доставляются на разсмотрѣніе отъ всѣхъ театровъ въ Имперіи, то Отдѣленію невозможно дозволить, чтобы отъ каждаго театра одна и та же пьеса была присылаема на разсмотрѣніе съ различными измѣненіями, а потому оно находитъ себя въ необходимости просить, чтобы пьесы были представляемы не иначе, какъ въ настоящемъ ихъ видѣ, съ означеніемъ карандашемъ перемѣнъ и выпусковъ, кои Дирекція будетъ почитать нужными».

Впрочемъ непріятности для кн. Гагарина, о которыхъ мы упомянули выше, возникли не изъ излишней строгости цензуры, а, на оборотъ, изъ за недостаточной, по мнѣнію Императора Николая I, внимательности ея, вслѣдствіе которой кн. Гагаринъ въ концѣ 1832 г. получилъ послѣдовательно два замѣчанія отъ Министра Императорскаго Двора. 22 Октября 1832 г. кн. Волконскій прислалъ кн. Гагарину афишу пьесы «Двумужница», назначенной въ бенефисъ актрисы Ежовой, съ замѣчаніемъ Его Величества «о неприличныхъ названіяхъ играемыхъ пьесъ», а 25 Октября [520]) кн. Гагаринъ получилъ отъ Министра предписаніе относительно постановки балета «Сумбека», съ объявленіемъ, «что Государь Императоръ не соизво-

[520]) Общ. Арх. М. И. Д. Канцелярія М-ва. Дѣло 1832 г. № 128/214.

ляетъ на представленіе сего балета въ томъ видѣ, какъ показано въ программѣ, находя не сообразными разныя волшебства 3-го акта съ 4-мъ актомъ, гдѣ выведенъ на сцену Россійскій царь, для чего и повелѣваетъ передѣлать оный, перенеся сцену въ другое государство и впредь поставить въ обязанность Дирекціи подробнѣе входить въ разсмотрѣніе пьесъ и балетовъ, которые ей предлагаются, дабы не дѣлать расходовъ по напрасно на обстановку ихъ». Обиженный этими замѣчаніями кн. Гагаринъ, ссылаясь на то, что обѣ пьесы и «Двумужница» и «Сумбека» прошли уже цензуру III Отдѣленія, не безъ раздраженія указывалъ на стѣснительность для Директора возлагаемой на него отвѣтственности за цензуру и довольно демонстративно просилъ Министра «снабдить его подробными инструкціями, кои на сей предметъ даны III Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи, дабы онъ, кн. Гагаринъ, могъ ими руководствоваться въ разсматриваніи пьесъ и балетовъ, поступающихъ на сцену». На эту просьбу кн. Гагаринъ получилъ 28 Октября 1832 г. [521]) такую отповѣдь отъ кн. Волконскаго: «Удивляясь таковой Вашей просьбѣ и не почитая себя въ правѣ снабжать Васъ подобными инструкціями, проистекающими единственно отъ Высочайшей власти и поставленными въ обязанность особаго Правительственнаго мѣста, я однако же полагаю, что главное, каждому извѣстное правило, отвергать все, противное религіи, Правительству, нравственности или оскорбляющее личность, могло бы и для Васъ, предварительно цензуры, служить доста-

[521]) Ibid.

точнымъ руководствомъ при разсматриваніи пьесъ: принимаемыхъ на театръ и самыхъ проектовъ афишъ. Таковая осмотрительность съ Вашей стороны, какъ хозяина ввѣренной Вамъ части, тѣмъ болѣе была бы необходима, что пренебреженіе оной можетъ вовлекать Дирекцію театровъ въ напрасныя издержки. Поелику же и сама цензура не изъята отъ отвѣтственности, то пропускъ оною сомнительной пьесы еще не налагаетъ на Васъ обязанности непремѣнно поставить оную на сцену. Вы всегда въ правѣ, въ случаѣ недоумѣнія, обращаться къ разрѣшенію Высшаго начальства. Но недавній опытъ ясно доказалъ недостатокъ сей нужной осмотрительности, возбудившій неудовольствіе Его Императорскаго Величества. Поставляя все сіе на видъ Вашему Сіятельству, я покорно прошу приказать монтируемыя пьесы и самые проекты афишъ разсматривать впредь съ большимъ вниманіемъ». Паралельно съ этимъ, кн. Волконскій совершенно основательно спрашивалъ Гагарина: «почему нынѣ не соблюдается правило, означенное въ постановленіи 1825 г., о приглашеніи извѣстныхъ литераторовъ и первоклассныхъ артистовъ къ предварительному выслушанію новыхъ пьесъ?» По этому вопросу кн. Гагаринъ оправдывался тѣмъ, что правило созыва литераторовъ касается лишь «первоклассныхъ пьесъ» и при этомъ указывалъ, что «и при рѣдкихъ случаяхъ созыванія литераторовъ къ слушанію пьесъ, никто изъ нихъ почти не ѣздилъ, ибо большею частью не находили никакого въ семъ удовольствія, а при томъ и всякій почти изъ нихъ, будучи занятъ службою, не могъ терять безполезно времени на вовсе посторонній для него предметъ».

Отговорки и возраженія кн. Гагарина дали конечно отрицательные результаты: — раздраженіе Министра росло, что видно уже изъ того, что кн. Волконскій, находясь въ то время въ Петербургѣ, гдѣ былъ и кн. Гагаринъ, предпочиталъ и въ дальнѣйшемъ не личное объясненіе, казалось бы совершенно естественное между начальникомъ и подчиненнымъ, а продолжалъ вести офиціальные письменные переговоры. Подчеркивая въ существовавшихъ правилахъ наличность указанія на разсмотрѣніе литераторами лишь «первоклассныхъ» пьесъ, кн. Волконскій, въ предписаніи своемъ 2 Ноября 1832 г. уличалъ кн. Гагарина въ непослѣдовательности, указывая на то, что трагедія «Битва при Тиверіадѣ», которая «не можетъ назваться пьесою маловажною», тѣмъ не менѣе не внесена была кн. Гагаринымъ на разсмотрѣніе собранія литераторовъ. Рекомендуя далѣе созывать эти собранія, для удобства «по вечерамъ», кн. Волконскій категорически предлагалъ донести: «какихъ литераторовъ собиралъ кн. Гагаринъ и для какихъ пьесъ?»

6 Ноября 1832 г. [522]) кн. Гагаринъ представилъ Министру рапортъ, интересный, между прочимъ, потому, что онъ рельефно характеризуетъ съ одной стороны непрактичность дарового устройства «Собранія извѣстныхъ словесниковъ», зародыша будущаго Театрально-Литературнаго Комитета, а съ другой стороны — крайне апатичное отношеніе къ вопросамъ сценическаго искусства тогдашнихъ корифеевъ русской литературы. Кн. Гагаринъ писалъ такъ: «Послѣднія литературныя собранія были мною созываемы для трагедіи «Смоляне» кн. Шаховскаго, комедіи

[522]) Ibid.

«Свѣтскій бытъ», соч. Свиньина и трагедіи «Славяне», соч. Глинки, на каковыя чтенія и были приглашены гг. Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гнѣдичъ, Гречъ, кн. Шаховской, Барковъ и первоклассные актеры: Каратыгинъ б., Брянскій, Каратыгина б. и Вальберхова; но изъ гг. литераторовъ пріѣхали только гг. Гречъ, Гнѣдичъ, кн. Шаховской и Барковъ — прочіе же не только не явились, но и не почтили меня никакимъ отзывомъ. Послѣ того, созывалъ я таковой же Комитетъ для комедіи «Осмѣянная подлость», соч. г. Сумарокова, но ни одинъ изъ упомянутыхъ литераторовъ не явился. Я отправилъ къ нимъ пьесу на домъ, но г. Гнѣдичъ возвратилъ оную не прочтя и не написалъ даже отвѣта, Гречъ отозвался, что не имѣетъ времени для прочтенія и одинъ только кн. Шаховской сдѣлалъ объ ней полуудовлетворительный отзывъ. Всѣ сіи приглашенія, разумѣется, были мною дѣлаемы всегда вечеромъ, но неудачный опытъ созыванія остановилъ меня впредь до важнѣйшаго случая. Нынѣ имѣю я въ виду одну трагедію «Митридатъ» представленную въ Дирекцію и оставилъ ее до В. поста, когда можетъ быть удастся собрать опять гг. литераторовъ».

Приведеннымъ объясненіемъ кн. Гагарина, повидимому, закончился весь инцидентъ, но добрыя отношенія Министра къ Директору театровъ были нарушены и черезъ полгода кн. Гагаринъ оставилъ службу.

Однако, полученныя кн. Гагаринымъ замѣчанія, привели его къ большей и даже, можетъ быть, къ преувеличенной осторожности въ критикѣ репертуарнаго матеріала, что, между прочимъ, отразилось на первопечатномъ текстѣ комедіи Грибоѣдова «Горе

непосредственному запрещенію Императора Николая I. Въ Архивѣ Министерства Двора сохранилась слѣдующая записка на французскомъ языкѣ, заготовленная вѣроятно для всеподданнѣйшаго доклада кн. Волконскаго: «Guillaume Tell a été permis (въ цензурѣ?) de jouer avec l'omission de tout le 5-me acte et les changements nécessaires; comme elle est maintenant, la pièce n'a absolument rien de repréhensible. Cela ferait un mauvais effet de reprendre une permission donnée». На запискѣ этой значится слѣдующая резолюція кн. Волконскаго отъ 7 Января 1830 г. [524]): «Высочайше разрѣшено дать сію трагедію для бенефиса г. Каратыгина, а послѣ впредь не играть». Такимъ образомъ, трагедія эта въ переводѣ А. Ротчева, была исполнена всего одинъ разъ въ Петербургѣ, въ Январѣ 1830 г., въ бенефисѣ Каратыгина 1-го.

Въ 1835 г., уже при Дирекціи Гедеонова, при постановкѣ въ Петербургѣ оперы Россини «Вильгельмъ Тель», опять возникъ вопросъ о возможности пропуска этой пьесы на сцену. Составленъ былъ проектъ либретто оперы подъ названіемъ «Карлъ Смѣлый». По Высочайшему повелѣнію 5 Марта 1835 г. [525]) проектъ былъ пересланъ къ Директору театровъ, «съ тѣмъ, чтобы приказалъ перемѣнить явленіе 5-е въ 3-мъ дѣйствіи, потому что оно совершенно сходно съ сюжетомъ «Вильгельмъ Тель», 23 Марта Гедеоновъ, исполнивъ порученіе, представилъ Министру программу новой оперы «Карлъ Смѣлый», со сдѣланными авторомъ либретто, Р. Зотовымъ, перемѣнами, «съ тѣмъ, что

[524]) Ibid. Дѣло 1830 г. № 64/156.

[525]) Общ. Арх. Мин. И. Д. Канц. М. И. Д. Дѣло 1835 г. № 74/130.

буде и оныя не благоугодны будутъ Вашей Свѣтлости, то можно пропустить и все сіе явленіе, которое единственно для сохраненія сего номера музыки авторъ желалъ оставить», на что послѣдовала 24 Марта 1835 г. резолюція кн. Волконскаго «Высочайше повелѣно разрѣшить, перемѣны сдѣлать, но представить въ цензуру». Опера «Карлъ Смѣлый» 6 Іюня 1835 г.[526]) была одобрена цензурою, но, судя по свѣдѣніямъ А. Вольфа[527]), первое представленіе ея состоялось лишь въ 1838 г.

Еще болѣе радикальную передѣлку испытало либретто оперы Обера «Нѣмая изъ Портичи» (La muette de Portici), при постановкѣ ея на Петербургской сценѣ. Наученный горькимъ опытомъ кн. Гагарина, Гедеоновъ, по порученію кн. Волконскаго, сдѣлалъ перемѣны въ либретто широкой рукой и 29 Іюля 1833 г.[528]), съ изрядной наивностью, такъ аттестовалъ его Министру: «Честь имѣю представить при семъ пьесу, передѣланную изъ «Нѣмой въ Портичи», съ сохраненіемъ всей музыки, декорацій, танцевъ и изверженія. Сюжетъ оной вовсе измѣненъ противу оригинала и самое имя Мазаніелло, слишкомъ извѣстное въ лѣтописяхъ возмущеній, перемѣнено. Въ новой сей пьесѣ изображена обыкновенная война между двумя народами, испанцами и неаполитанцами, изъ коихъ первые вторглись въ отечество послѣднихъ и побѣжденные неаполитанцы ищутъ возвратить прежнюю свободу своей родинѣ, въ чемъ даже рыбаки участвуютъ. Вооруженіе сіе тѣмъ болѣе ускоряется, что одинъ изъ враговъ-пришель-

[526]) Ibid. Дир. И. Т. Дѣло 1835 г. № 69.
[527]) Хроника Петербургск. театр. Вольфа. Ч. II, стр. 57.
[528]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1833 г. № 101/176.

цевъ обольстилъ дочь нѣкоего рыбака, бросилъ ее и когда она находитъ своего обольстителя въ минуту брака съ другою, то ее увлекаютъ вооруженною рукою, какъ нарушительницу семейственнаго спокойствія. Рыбаки, защищая невинную, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ нападеніе на враговъ, занявшихъ столицу ихъ отечества. Временная побѣда увѣнчиваетъ патріотическое ихъ усиліе и они спѣшатъ увѣдомить о томъ все войско (которое предполагается въ Калабріи), защищавшее остатки своего отечества,—до прибытія же регулярнаго войска, начальство надъ вооруженными рыбаками поручается отцу обольщенной, какъ первому виновнику побѣды надъ врагами отечества. Между тѣмъ возникаютъ распри, неустройства и зависть между торжествующей толпою и, прежде чѣмъ успѣваетъ подоспѣть Неаполитанское войско, испанцы снова ихъ побѣждаютъ, пользуясь всеобщимъ страхомъ при сильномъ изверженіи Везувія, чѣмъ и оканчивается пьеса. Съ моей стороны, я бы полагалъ, что передѣланный такимъ образомъ сюжетъ, а особливо въ безпрерывномъ пѣніи, коего словъ всегда и половины не слышно, не можетъ имѣть какого-либо вреднаго вліянія на нашей сценѣ, тѣмъ болѣе, что *настоящій* сюжетъ пьесы извѣстенъ весьма малому числу здѣшнихъ жителей, кои могли оную видѣть или за-границею, или въ Варшавѣ, Ригѣ и Одессѣ, гдѣ оную играютъ. А потому смѣю испрашивать милостиваго ходатайства Вашего Сіятельства о дозволеніи играть сію пьесу на Русскомъ и Нѣмецкомъ театрахъ, съ сохраненіемъ названія «Нѣмой въ Портичи», ибо единственною цѣлію ходатайства моего о семъ предъ Вашимъ Сіятельствомъ, есть желаніе доставить пуб-

ликѣ возможность слышать музыку, получившую такую европейскую извѣстность и славу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усилить сборы Дирекціи. Впрочемъ, если бы и еще угодно было сдѣлать какія либо перемѣны и исправленія, то оныя тотчасъ же будутъ выполнены».

Опера «Нѣмая въ Портичи» въ измѣненномъ видѣ была представлена для прочтенія Императору Николаю Павловичу. Однако, постановка этой оперы состоялась въ Петербургѣ позднѣе, а именно на Нѣмецкомъ оперномъ театрѣ въ сезонѣ 1834—1835 г. подъ названіемъ «Фенелла», затѣмъ въ итальянской оперѣ въ сезонѣ 1846—1847 г. и наконецъ въ Русской оперѣ въ С.-Петербургѣ — лишь въ 1857 г., причемъ въ первоначальной афишѣ названа была «Палермскіе бандиты», а затѣмъ шла подъ именемъ «Фенеллы» [529]).

Императоръ Николай Павловичъ весьма близко вникалъ въ вопросъ огражденія русской сцены отъ всего того, что онъ считалъ вреднымъ въ политическомъ, нравственномъ, а иногда и въ эстетическомъ отношеніи. Чрезъ его непосредственную цензуру проходила масса оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ, предлагавшихся на Императорскую сцену и отъ самаго Императора, по преимуществу, шла иниціатива запрещенія многихъ изъ нихъ. Мотивы запрещеній бывали самые разнообразные. Иногда Императоръ Николай I признавалъ лично извѣстный интересъ за пьесой, но тѣмъ не менѣе не допускалъ знакомства съ нею въ широкихъ слояхъ общества. Такъ, напримѣръ, 12 Іюня 1834 г. [530]) кн. Волконскій писалъ

[529]) Хроника Петербургскихъ театровъ Вольфа. Ч. II, стр. 37 и 131; ч. III, стр. 110.

[530]) Общ. Арх. М. И. Д. Дир. И. Т. Дѣло 1834 г. № 254.

Гедеонову: «Je vous envoi ce joint le vaudeville «Michel Perrin», que Sa Majesté a lue et a fait quelques corrections. L'Empereur ne permet pas de jouer cette pièce au théâtre publique; mais il a ordonné de la monter pour la jouer à la Cour, soit ici, ou à Zarsko-Selo».

Иногда запрещеніе Государя касалось не цѣлой пьесы, а лишь извѣстныхъ ея мѣстъ; такъ 16 Декабря того же 1834 г. [531]) Министръ Двора передалъ Гедеонову приказаніе: «Изъ французской пьесы «Chanoinesse» исключить тотъ куплетъ, который Его Величество изволилъ найти неприличнымъ».

Налагая на пьесы запрещенія, Государь хорошо ихъ помнилъ и слѣдилъ за ихъ соблюденіемъ, такъ, напримѣръ, въ Маѣ 1837 г., замѣтивъ въ афишѣ бенефиса актрисы Каратыгиной пьесу «Эсмеральда» и помня ранѣе послѣдовавшее запрещеніе переводной съ французскаго пьесы того же названія, Императоръ Николай I приказалъ снять ее съ репертуара, но по разъясненіи Гедеоновымъ, что это новая пьеса «Эсмеральда» — сочиненіе нѣмецкаго автора Бирхъ-Пфейфера, исполнялось уже на нѣмецкомъ театрѣ, переведено на русскій языкъ актеромъ Барловымъ и прошло цензуру,—Государь положилъ резолюцію: «Ежели такъ, то препятствій нѣтъ, ибо не та пьеса, а только имя то же» [532]).

Въ личной своей цензурѣ репертуара Императоръ Николай I не ограничивался охраненіемъ лишь Императорской сцены отъ непригодныхъ для нея, по его мнѣнію, пьесъ, но оберегалъ также память крупныхъ историческихъ дѣятелей, въ особенности царствовав-

[531]) Ibid.

[532]) Ibid. Дѣло 1837 г. № 77.

шихъ особъ, находя неприличнымъ воспроизведеніе ихъ на публичныхъ подмосткахъ. Только особенныя хлопоты Гедеонова о постановкѣ драмы Розена «Дочь Іоанна III» привели къ разрѣшенію выводить на сценѣ царственныхъ особъ, предшествовавшихъ дому Романовыхъ. Въ письмѣ Гедеонова, писанномъ имъ за границу къ кн. Волконскому 21 ноября 1837 г. [533]); читаемъ: «Je crois, que Vous vous rappellerez, mon Prince, que je Vous ai dit, que Sa Majesté l'Empereur m'avait dit, avoir ordonné au Comte Benkendorf, de prendre l'avis de M-r Ouvaroff, au sujet de drame de Rosen «Дочь Іоанна III»; je ne sais si le Comte est entré en correspondence avec M-r Ouvaroff, mais le lendemain du jour, où l'Empereur avait daigné me parler de cela, la pièce m'a été renvoyé de la censure avec permis de représenter; comme j'ai eu l'honneur de Vous le dire dans le temps, j'ai écrit moi-même à M-r Ouvaroff, qui était absent et qui m'a répondu de Moscou d'une manière assez évasive, d'après quoi je n'ai pas permis la piéce, d'autant plus, qu'il m'écrivait, qu'il se reservait de soumettre à Sa Majesté son opinion sur la représentation à la scène des personnages, qui ont régné en Russie; hier M r Ouvaroff m'a parlé de cette pièce et m'à dit, que j'avais eu tort de ne pas l'avoir fait jouer; qu'il ne s'y était pas opposé et qu'il n'y trouvait rien d'inconvenant; et que quant à la question, de représenter ou non, nos anciens souverains, il m'a dit avoir présenté son opinion S. M. l'Empereur,—cette opinion est, qu'on peut mettre eu scène tous les souverains, jusqu' à l'évènement de la famille Romanoff. Comme cette pièce devrait aller dans un mois pour le bénéfice de Briansky, j'ai fait copier

[533]) Ibid. Канц. М-ва 1837 г. № 47/109.

(après cette conversation) les rôles; mais je crois devoir vous prier, Mon Prince, de m'informer, si Sa Majesté daigne agréer l'opinion d' Ouvaroff, afin qu'au cas contraire le bénéficiaire puisse se régler en conséquence».

24 Ноября 1837 г. [534]) послѣдовало Высочайшее повелѣніе «драму Розена подъ названіемъ «Дочь Іоанна III» позволить играть на С.-Петербургскихъ театрахъ, равно и впредь принимать драмы или трагедіи, *но не оперы*, въ коихъ выводятся на сцену Россійскіе цари до царствованія Романовыхъ, исключая однакожъ святыхъ, какъ то Александра Невскаго и другихъ».

Кругъ лицъ. память которыхъ охранялъ Императоръ Николай I отъ профанаціи на сценѣ, не ограничивался царствовавшими особами, такъ 22 Октября 1839 г. [535]) кн. Волконскій сообщилъ Директору Московскихъ театровъ, «что Государю Императору не угодно было дозволить представлять ни на С.-Петербургскихъ, ни на Московскихъ театрахъ пьесу соч. Н. Полевого подъ названіемъ «Ода премудрой Царевнѣ Киргизъ-Кайсацкія Фелицѣ», поелику въ пьесѣ сей выведены извѣстныя лица, жившія въ недавнемъ времени».

Иниціатива цензурныхъ стѣсненій сценическаго репертуара исходила не только отъ Государя, или отъ III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, но и отъ совершенно постороннихъ театру сферъ. Можно указать въ разсматриваемомъ періодѣ два такихъ случая, изъ которыхъ одинъ относится къ Московскимъ театрамъ.

[534]) Арх. Спб. Конт. И. Т. Соб. Выс. Пов. кн. II, стр. 515.
[535]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1839 г. № 57/132.

21 Января 1832 г. [536]) Московскій Гражданскій губернаторъ Небольсинъ увѣдомилъ Московскую Дирекцію, что Епископъ Дмитровскій, Преосвященный Николай, «побуждаемый сокрушеніемъ» многихъ изъ благочестивыхъ жителей Москвы, проситъ остановить представленія водевиля, подъ названіемъ «На другой день послѣ преставленія свѣта или комета 1832 г.» Бывшій тогда Директоромъ Московскихъ театровъ Загоскинъ, изъ осторожности, снялъ водевиль съ репертуара, несмотря на то, что онъ былъ одобренъ цензурою и представилъ вопросъ на усмотрѣніе Министра. Кн. Волконскій довелъ дѣло до Государя, приказавшаго водевиль этотъ «препроводить къ Ген. Ад. Бенкендорфу на вторичное разсмотрѣніе въ цензурѣ, съ тѣмъ—нельзя ли уничтожить тѣ мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о преставленіи свѣта и дать другой оборотъ?» III Отдѣленіе, выкинувъ изъ пьесы все, что касается свѣтопреставленія, дало водевилю новое названіе «Астрономическія бредни или комета 1832 г.» и разрѣшило ея представленіе, продержавъ однако пьесу до 9 Сентября 1832 года.

Второй случай посторонняго вмѣшательства въ цензуру пьесъ можно указать въ Петербургѣ, въ томъ же 1832 г. По ходатайству С.-Петербургскаго Евангелическаго Консисторіальнаго засѣданія и по сношенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Министромъ Двора, послѣдній отдалъ Директеру С. Петербургскихъ театровъ 30 Ноября 1832 г. [537]) распоряженіе о томъ, «чтобы на театральную сцену не были выводимы духовныя лица протестантскаго исповѣданія, въ Высо-

[536]) Ibid. Дѣло 1832 г. № 137/226.

[537]) Ibid. Дирекція И. Т. Дѣло 1832 г. № 182.

чайше утвержденномъ для нихъ облаченіи». При этомъ кн. Волконскій препроводилъ въ Дирекцію рисунки этого облаченія. Въ бумагахъ Архива Министерства Двора не сохранилось указанія ни на поводъ къ жалобамъ въ оскорбленіи религіознаго чувства протестантовъ, ни на пьесу, которая бы подала такой поводъ.

Вообще за все время до 1841 года включительно, въ Архивѣ Министерства Двора сохранились свѣдѣнія о запрещеніи слѣдующихъ пьесъ.

Въ 1831 г. [538]), 10 Мая, драма «Неаполитанскій мавръ, или изверженіе Везувія», запрещена лично Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. При этомъ кн. Волконскій, возвращая пьесу кн. Гагарину написалъ: «Вслѣдствіе Высочайшей резолюціи, отмѣченной на сей драмѣ рукою Его Величества карандашемъ, предлагаю донести мнѣ: кто сочинилъ оную?» Въ томъ же году запрещены: 3 Декабря – французская пьеса «Louise ou la réparation»; 18 Декабря—водевиль «Русскій Гренадеръ»; 21 Декабря—пьеса «Юрій Милославскій» и 24 Декабря—французская комедія - водевиль «La perle des maris».

Въ 1832 г. [539])—По Высочайшимъ повелѣніямъ недозволено ставить пьесы: 6 Ноября—французскую драму «Clotilde» и 15 Декабря—водевиль «Avant, Pendant et Après».

Въ 1833 г. [540]), 27 Февраля, трагедія «Орлеанская Дѣва» воспрещена самимъ Государемъ, позднѣе запрещены: 2 Іюля—франц. комедія «Les malheurs d'un

[538]) Ibid. Дѣло 1831 г. № 289.
[539]) Ibid. Дѣло 1832 г. № 146.
[540]) Ibid. Дѣло 1833 г. № 294.

amant heureux, ou le nouvel homme à bonnes fortunes»; 12 Октября—франц. пьеса «Les amours de St. Megrin»; 21 Октября—переводная пьеса «Десять лѣтъ изъ жизни женщины», и переводная драма «Клотильда»; 23 Октября—драма «Гернани», запрещенная еще ранѣе на французскомъ языкѣ.

Въ 1835 г. [541]) 16 Апрѣля—комедія въ 2 д. А. И. Булгакова—«Соперники или встрѣча губернатора», 9 Апрѣля,—вторично и непосредственно Государемъ,—драма «Клотильда», на русскомъ и французскомъ языкѣ; 19 Ноября—по Высочайшему повелѣнію—драма «Чаттертонъ» [542]), на русскомъ языкѣ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ,

Въ 1836 г. [543]), 8 Мая,—пьеса «Valentine» на русскомъ языкѣ и 4 Октября, по Высочайшему повелѣнію,—драма «Раймондъ, графъ Тулузскій» [544]), какъ на Петербургскихъ, такъ и на Московскихъ театрахъ [545]).

---

[541]) Ibid. Дѣло 1835 г. № 209.

[542]) Ibid. Дѣло 1835 г. № 210.

[543]) Ibid. Дѣло 1836 г. № 184.

[544]) Ibid. Канц. Мин-ва Дѣло 1835 г. № 74, 130.

[545]) Въ томъ же 1836 г. Гедеоновъ между прочимъ представлялъ на усмотрѣніе Министра пьесу «Настоящій ревизоръ», служащую продолженіемъ Комедіи «Ревизоръ» Гоголя. На рапортѣ есть помѣтка кн. Волконскаго: «Высочайше повелѣно послать на утвержденіе въ цензуру». Ibid. Дѣло 1835 г. № 74/130. Экземпляръ этой пьесы, безъ цензурной помѣтки, хранится въ рукописи въ Центральной Библіотекѣ Имп. театровъ Пьеса крайне слабая, содержаніе наивное. Благодѣтельный и прозорливый Министръ командируетъ въ завѣдываемый Дмухановскимъ городъ настоящаго ревизора, скрывающагося подъ видомъ скромнаго акцизнаго чиновника; туда же зачѣмъ то посылаютъ Хлестакова. Ревизоръ узнаетъ всю подноготную и влюбляется въ Марью Антоновну. На

Въ 1837 г., 13 Ноября [546]),—пьеса «L'ambassadrice».

Въ 1838 г. [547]), 9 Апрѣля — пьеса «Добрыня»; 2 Іюля—пьеса «Любовь и ревность» и «Послѣдній день владычества мусульмановъ въ морѣ, или битва при Наваринѣ»; 5 Сентября—пьеса «1837 годъ подъ судомъ»; 24 Сентября—пьеса «Велѣда Славянская любовь» и 4 Ноября—пьеса «Александръ Даниловичъ Меншиковъ».

Въ 1839 г. [548])—11 Января пьеса «Агнеса или двѣ матери» [549]) и 22 Ноября—комедія «Купцы третьей гильдіи», Высочайше воспрещенная для Петербургскихъ и Московскихъ театровъ [550]).

Въ 1841 г. [551]) Высочайше воспрещены: 19 Сентября — опера «Die Welfen und Gibellinen» [552]) и

обрученіи своемъ талантливый и безукоризненный ревизоръ разоблачаетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Гоголя и каждому опредѣляетъ заслуженное наказаніе, сравнительно милостиво относясь къ будущему тестю. Всѣмъ очень стыдно, не исключая и автора, скрывшаго свое имя.

[546]) Ibid. Дирекція И. Т. Дѣло 1837 г. № 148.

[547]) Ibid. Дѣло 1838 г. № 14.

[548]) Въ томъ же 1839 г., 8 Марта, повѣренный малороссійскаго писателя Грицько Основьяненко, кол. ас. Корсаковъ, письменно заявлялъ Петербургской Конторѣ театровъ претензію на невозвращеніе его довѣрителю рукописи не разрѣшенной (?) цензурою пьесы соч. Основьяненко «Шельменко деньщикъ» (Ibid.).

[549]) Ibid.

[550]) Ibid. Канц. Мин-ва Дѣло 1839 г. № 57/132.

[551]) Ibid. Дирек. И. Т. Дѣло 1841 г. № 259.

[552]) Надо думать, что это опера Мейербера «Гугеноты», которая была поставлена въ итальянской оперѣ въ Петербургѣ въ 1850 г. подъ названіемъ «Les Guelfes et les Gibelins» (хроника Петерб. театра А. Вольфа ч. II стр. 157).

18 Ноября—какъ въ Петербургѣ, такъ въ Москвѣ трагедія Кукольника «Генералъ-Поручикъ Паткуль».

Заканчивая вопросъ о драматической цензурѣ до 1842 г., мы коснемся также спеціальной цензуры статей о театрѣ, помѣщавшихся въ повременныхъ изданіяхъ. Дѣятельность этой цензуры можно прослѣдить по архивнымъ свѣдѣніямъ Министерства Двора лишь относительно прессы, касавшейся Петербургскихъ театровъ. Съ учрежденіемъ Министерства Императорскаго Двора, періодическая печать, въ лицѣ газеты «Сѣверная пчела», была допущена къ помѣщенію отзывовъ объ Императорскихъ театрахъ, но не иначе, какъ по просмотрѣ ихъ самимъ Министромъ Двора, который, такимъ образомъ, являлся высшимъ цензоромъ театральныхъ статей. Статьи предварительно поступали въ III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи и затѣмъ уже Ген.-Адъют. Бенкендорфъ препровождалъ ихъ кн. Волконскому[553]). Первоначально, въ случаѣ отлучки изъ Петербурга кн. Волконскаго, цензура театральныхъ статей «Сѣверной пчелы» поручалась имъ какому либо другому высокопоставленному лицу, какъ напримѣръ, въ 1828 г.—Вице-президенту Кабинета Е. В., Генералъ-Лейтенанту Сельвину [554]), но затѣмъ статьи пересылались по мѣсту пребыванія Министра въ Россіи или за границей, что представляло большія неудобства для газеты. Редакторъ «Сѣверной пчелы» Гречъ, 18 Іюля 1835 г. [555]) высказывалъ свои сѣтованія по этому поводу Директору Канцеляріи Министерства Двора Панаеву и

[553]) Ibid. Канц. М-ва Дѣло 1835 г. № 86/150.
[554]) Ibid. Дѣло 1828 г. № 42/133.
[555]) Ibid. Дѣло 1835 г. № 86/150.

просилъ его ходатайствовать предъ кн. Волконскимъ о порученіи просмотра статей, за предстоящимъ отъѣздомъ князя,—«особѣ, не принадлежащей къ Театральной Дирекціи, для сохраненія безпристрастія, съ каковымъ почтеннѣйшій князь П. М. одобряетъ статьи, иногда довольно откровенныя, но всегда, со стороны редакціи, благонамѣренныя». Ходатайство Греча было удовлетворено и разсмотрѣніе статей, при отлучкахъ кн. Волконскаго изъ Петербурга, поручено было именно Панаеву. Такимъ образомъ, первымъ повременнымъ органомъ, допущеннымъ къ рецензіямъ объ Императорскихъ Петербургскихъ Театрахъ явилась «Сѣверная пчела», и этимъ она обязана была, вѣроятно, приведенному нами въ 5 главѣ ходатайству Ѳ. И. Булгарина въ 1825 г. Вторымъ журналомъ, получившимъ право театральной критики, оказался въ 1832 г. «Русскій Инвалидъ», или, вѣрнѣе, «Литературное прибавленіе къ Русскому Инвалиду.—Газета сатирическая, критическая, модъ и словесности». Въ объявленіи объ изданіи «Прибавленія» въ 1832 г. [556]) обращалось вниманіе публики на II отдѣлъ газеты подъ рубрикой «Критика и библіографія». «Здѣсь, говорило объявленіе, кромѣ оцѣнки книгъ будетъ говорено о театрѣ и игрѣ актеровъ». Непремѣннымъ редакторомъ «Прибавленія» состоялъ к. с. Воейковъ, а издателемъ являлся Комитетъ объ инвалидахъ, Высочайше учрежденный въ 1814 г. Цѣна газеты была назначена 30 рублей въ годъ, помимо платы за «Русскій Инвалидъ» по 35 рублей въ годъ. Всякій взносъ за «Прибавленія» свыше 30 рублей считался пожер-

[556]) Ibid. Дир. И. Т. Дѣло 1831 г. № 242.

твованіемъ въ Инвалидный капиталъ. «Русскій Инвалидъ», повидимому, состоялъ подъ особымъ покровительствомъ и Министра Двора и Дирекціи: объявленія о немъ раздавались по труппамъ, съ приглашеніемъ къ подпискѣ, а позднѣе, въ 1837 г. издателю «Литературнаго прибавленія» г. Плюшару, состоявшему также содержателемъ Типографіи Императорскихъ театровъ, было предоставлено безплатно кресло во всѣхъ театрахъ [557]).

Надо полагать, что въ Москвѣ періодическая пресса была много свободнѣе въ критикѣ театровъ; такъ напримѣръ неосновательная и явно недоброжелательная по отношенію къ Директору Московскихъ театровъ Кокошкину, статья № 11 «Московскаго телеграфа» за 1830 г., по поводу открытія Дирекціей лѣтняго театра въ Нескучномъ (о чемъ будетъ подробно сказано въ своемъ мѣстѣ), не только не вызвала репрессій со стороны кн. Волконскаго, но даже не безъ ироніи рекомендована имъ къ прочтенію самому Кокошкину [558]).

Съ теченіемъ времени, театральная критика стала доступной для всѣхъ періодическихъ изданій, что впослѣдствіи заставило А. М. Гедеонова возбудить вопросъ объ изданіи Дирекціей собственной газеты. 8 Марта 1837 г. [559]) онъ представилъ Министру Двора такой докладъ по этому поводу: «Высокое вниманіе и покровительство Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи, оказываемое С.-Петербургскимъ театрамъ, въ короткое время возвело ихъ извѣстность

[557]) Ibid. Дѣло 1837 г. № 67.
[558]) Ibid. Канц. М-ва Дѣло 1830 г. № 98/221.
[559]) Ibid. Дѣло 1837 г. № 40/83.

и достоинство на степень первыхъ Европейскихъ театровъ. Внимательно изслѣдывая общее мнѣніе и потребность времени, равно какъ и всѣ способы къ улучшенію сценическаго искусства, я признаю теперь полезнымъ и необходимымъ существованіе театральной газеты. До сихъ поръ разборы о театрахъ помѣщаются отдѣльно во всѣхъ журналахъ, но эти статьи, по недостатку свѣдѣній, направленія и, наконецъ, по небрежности и ограниченному взгляду на сей предметъ, вмѣсто пользы вредятъ театрамъ ложными, пристрастными и неосновательными сужденіями. Кромѣ того явная вражда, которая существуетъ почти между всѣми нашими журналами, заставляетъ многихъ изъ нихъ предаваться критикѣ пристрастной и безсмысленной потому только, что противный журналистъ изложилъ противное мнѣніе. Это именно убѣждаетъ меня въ пользѣ и даже необходимости театральной газеты, которая бы издавалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ и покровительствомъ Дирекціи. При первомъ моемъ докладѣ объ семъ предметѣ Ваша Свѣтлость изволили обнаружить нѣкоторыя опасенія, на счетъ соблюденія въ точности полезныхъ обѣщаній редакторовъ предполагаемой газеты, но за нихъ я принимаю самъ часть отвѣтственности и будучи твердо увѣренъ, что изданіе театральной газеты, коей программу при семъ честь имѣю приложить, принесетъ не малую пользу ввѣренному мнѣ Управленію, я осмѣливаюсь снова и убѣдительнѣйше просить Вашу Свѣтлость исходатайствовать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на изданіе сего журнала. Польза подобнаго періодическаго изданія несомнѣнна и обширна; ибо не только въ столицахъ, но и во всей Имперіи,

оно будетъ распространять вкусъ и точныя понятія объ драматическомъ искусствѣ. Наконецъ, я въ обязанности замѣтить, что самое достоинство Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ требуетъ, чтобы имъ исключительно была посвящена газета, по примѣру театровъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ, Берлинскихъ и всѣхъ другихъ столицъ Европы».

Предполагаемымъ редакторомъ-издателемъ этой газеты явился Михаилъ Гедеоновъ. Въ прошеніи своемъ о разрѣшеніи изданія М. Гедеоновъ писалъ такъ: «Посвящая уже нѣсколько лѣтъ сряду мое свободное отъ службы время литературнымъ занятіямъ, я желаю теперь обратить ихъ исключительно на искусство и литературу драматическую, потому и пріемлю смѣлость испрашивать у Вашей Свѣтлости разрѣшенія на изданіе мною Театральной газеты. Искренняя склонность къ театрамъ заставляетъ меня желать возможныхъ успѣховъ нашимъ зрѣлищамъ. Я твердо убѣжденъ, что изданіе театральной газеты, въ томъ видѣ, и съ тѣмъ намѣреніемъ, которое я осмѣлился изложить въ прилагаемой здѣсь программѣ будетъ истинно полезно театральному искусству въ нашемъ отечествѣ. Я почту себя счастливымъ, если своими слабыми средствами, но постоянными трудами, принесу хотя малѣйшую услугу этой отрасли отечественныхъ искусствъ. По крайней мѣрѣ смѣю увѣрить Вашу Свѣтлость, что это желаніе будетъ главною цѣлью и постояннымъ руководствомъ при изданіи предполагаемой мной газеты». Къ прошенію была приложена слѣдующая программа изданія газеты: [560]).

[560]) Ibid.

1) Театральная газета предпринимается съ исключительнымъ намѣреніемъ способствовать успѣхамъ и усовершенствованію нашихъ театровъ.

2) Цѣль ея—ознакомить публику съ нашими зрѣлищами, указывая на все хорошее и достопримѣчательное, стараясь такимъ образомъ направлять въ пользу театровъ мнѣнія той огромной части публики, которая привыкла судить готовыми печатными сужденіями.

3) Наши театры достигли такой степени улучшенія, что можно справедливо находить въ нихъ многое изящное и указывать на него. А потому, съ другой стороны, справедливыя и не обидныя замѣчанія, на счетъ игры артистовъ, содержанія и достоинства пьесъ, не могутъ принести вредъ театрамъ.

4) Кромѣ того, редакція предполагаемой газеты обязуется представлять свои статьи не только на разсмотрѣніе Господина Министра Императорскаго Двора, но и самой Дирекціи Императорскихъ театровъ, которая, безъ сомнѣнія, не воспротивится замѣчаніямъ критики справедливой и не обидной.

5) Театральная газета будетъ издаваться для публики, а не для актеровъ, а потому никогда не унизится до личности.

6) Чтобы еще усилить склонность публики къ зрѣлищамъ и болѣе ознакомить ее съ нашими театрами, театральная газета прилагаетъ къ своимъ №№ литографіи, изображающія потреты въ костюмахъ любимыхъ артистовъ, или замѣчательныя декораціи, что окажетъ не маловажную услугу и иногороднымъ театрамъ.

7) Любимые музыкальные №№ понравившися оперъ будутъ также сообщаемы при театральной газетѣ.

8) Театральная газета будетъ выходить разъ въ недѣлю и къ концу года составитъ 52 №№. При 13 №№, въ теченіи годоваго изданія, приложены будутъ 13 литографій, при другихъ — 13 музыкальныхъ №№. Такимъ образомъ, при каждыхъ двухъ №№ будетъ выходить либо музыка, либо литографія, кромѣ того, буде возможно, программы балетовъ и оперъ.

9) Театральная газета не будетъ заниматься исключительно С.-Петербургскими театрами. Она будетъ сообщать публикѣ свѣдѣнія объ иноземныхъ и въ случаѣ возможности объ Московскихъ и губернскихъ театрахъ [561]).

10) Въ составъ ея входятъ біографія и некрологія извѣстныхъ артистовъ русскихъ и иноземныхъ, словомъ всѣ достойныя вниманія событія въ драматическомъ мірѣ.

11) И наконецъ, театральная газета обязывается сообщать всякаго рода объясненія и свѣдѣнія, которыя бы Дирекція Императорскихъ театровъ признала полезными распространить въ публикѣ».

Предположеніе Гедеоновыхъ не осуществилось: 8 Марта 1731 г. кн. Волконскій извѣстилъ Дирекцію, что на изданіе театральной газеты Высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

Очертивъ вкратцѣ процессъ развитія организаціонныхъ и законодательныхъ рамокъ театральной жизни

---

[561]) Очевидно, въ тѣ времена полученіе и помѣщеніе заграничныхъ свѣдѣній о театрахъ было доступнѣе Московскихъ и провинціальныхъ, что и понятно при слабомъ развитіи русской періодической печати вообще.

обѣихъ Дирекцій до 1842 г., мы возвращаемся къ болѣе подробному обзору теченія этой жизни въ Московскомъ театральномъ управленіи и непосредственно послѣдующее изложеніе посвящаемъ эпохѣ постепеннаго упадка Московскаго театральнаго дѣла съ 1826 г. по 1841 г., до присоединенія Московской Дирекціи къ Петербургской.

Глава 7-я.

Обстановка администраціи и репертуарной жизни Московскихъ театровъ съ учрежденіемъ Министерства Императорскаго Двора (1826—1831 г.).

Неожиданно, какъ громовой ударъ, разразившійся надъ Московскимъ театральнымъ управленіемъ, явилось учрежденіе Министерства Императорскаго Двора, а съ нимъ вмѣстѣ переходъ театровъ въ высшее завѣдываніе кн. П. М. Волконскаго. Надо очень близко войти въ положеніе, интересы и психологію тогдашней Московской театральной администраціи, чтобы въ полнотѣ и правильно оцѣнить значеніе совершившагося переворота. Двадцать лѣтъ, постепенно, налаживалась громадная Московская театральная машина. Трудами десятковъ лицъ съ недюжиннымъ административнымъ и художественнымъ дарованіемъ, шагъ за шагомъ, завоевывалъ Московскій театръ свою репутацію и престижъ и наконецъ, за послѣдніе три года, обезпечивъ себѣ нѣкоторое благосостояніе, мирно строилъ планы дальнѣйшаго упорядоченія и усовершенствованія. И вдругъ, однимъ почеркомъ пера, центръ административнаго тяготѣнія былъ перемѣщенъ изъ Москвы въ Петербургъ.

Въ живомъ и капризномъ театральномъ дѣлѣ, успѣхъ котораго строится, съ одной стороны, на своевременномъ улавливаніи эстетическихъ теченій и настроенія публики, а съ другой, на быстромъ согласованіи аппетитовъ и нервнаго самолюбія артистическаго состава съ хозяйственными соображеніями, каждый пропущенный часъ отражается невозвратными потерями. Даже въ настоящее время, при наличности желѣзныхъ путей, телеграфа и телефона, шестисотверстное разстояніе исполнительныхъ органовъ отъ главнаго распорядителя серьезно тормозитъ правильное теченіе театральнаго дѣла. Каково же было значеніе этого тормаза въ 1826 г., при несовершенствѣ тогдашнихъ путей сообщенія Москвы съ Петербургомъ! Съ удаленіемъ отъ управленія театрами истиннаго москвича, Московскаго Генералъ-Губернатора кн. Голицына, матка слетѣла съ улья и осиротѣвшему рою Московскихъ театральныхъ пчелъ, волей-неволей пришлось учиться служить новымъ, «чужимъ—не московскимъ» богамъ.

Новая переверстка устоевъ административной жизни Московскихъ театровъ ближе всего и, конечно, всей тяжестью отразилась на положеніи Ѳ. Ѳ. Кокошкина. При самостоятельномъ положеніи Московскаго театра, до 1826 г., Кокошкинъ имѣлъ дѣло лишь съ княземъ Д. В. Голицынымъ, какъ съ главнымъ своимъ начальникомъ, являвшимся въ то же время любителемъ театра, представителемъ и даже руководителемъ эстетическаго вкуса высшаго Московскаго общества. Искренно преданный театральному дѣлу и несомнѣнно шире смотрѣвшій на его задачи, чѣмъ кн. Голицынъ, Кокошкинъ, путемъ постоянныхъ и непосредственныхъ

сношеній съ Генералъ-Губернаторомъ, какъ его ставленникъ и довѣренное лицо, всегда могъ добиться проведенія желаемыхъ мѣръ и въ то же время найти въ кн. Голицынѣ опору своимъ начинаніямъ и дѣятельности и заступника передъ всѣми слоями Московской публики. За три года Кокошкинскаго управленія Московское театральное дѣло шло мирно, семейно, «Фамусовскимъ обычаемъ», по Московски. 22 Августа 1826 г. миръ этотъ былъ нарушенъ, дѣло вынесено изъ Москвы въ Европу и все положеніе вещей радикально измѣнилось. Существеннымъ элементомъ дѣятельности Кокошкина явилось уже не усовершенствованіе дѣла, какъ онъ его понималъ, а поддержаніе его statu quo и личнаго служебнаго положенія самого Кокошкина, путемъ непривычной ему административной эквилибристики, затруднительной при прямолинейности его характера. Недаромъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, въ которомъ знаніе дѣла и искренняя любовь къ нему, не смотря на указанную нами прямолинейность, облекали всетаки скелетъ Фамусова, явился однимъ изъ первыхъ и ярыхъ порицателей комедіи «Горя отъ ума», существовавшей тогда еще въ наброскахъ, случайно добытыхъ графомъ М. Ю. Віельгорскимъ. Недаромъ коренной москвичъ, Кокошкинъ, докладывалъ [562]) Московскому Генералъ-Губернатору, что новая Грибоѣдовская комедія «есть ничто иное, какъ злой пасквиль на Москву, который нужно во что бы то ни стало воспретить». Послѣ Указа 1826 г., въ дальнѣйшемъ, для Кокошкина, какъ Директора театра, могъ

[562]) В. Ѳ. Боцяновскій. Статья—«Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ». Ежегодникъ Имп. Театровъ сезонъ 1893—1894 г. Приложеніе 3, стр. 23.

существовать только «вооруженный» миръ. И вооружаться Кокошкину пришлось сразу на четыре фронта. Первый фронтъ былъ обращенъ къ Министру Двора кн. Волконскому, который не зналъ Кокошкина и котораго Кокошкинъ не зналъ. Противъ втораго фронта стоялъ Московскій Генералъ-Губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, внезапно очутившійся, по отношенію къ театрамъ, въ положеніи «стараго кота на покоѣ» и не безъ злорадства критиковавшій все то, что дѣлалось въ учрежденіи, вчера бывшемъ его дѣтищемъ, а сегодня ставшимъ обидно «отрѣзаннымъ ломтемъ». Съ третьей стороны, Кокошкину приходилось считаться съ Московской публикой и съ различными въ ней теченіями, не объединенными уже, какъ прежде, авторитетомъ кн. Голицына и прорывавшимися подъ часъ въ совершенно несправедливыхъ нападкахъ, анонимныхъ письмахъ въ Петербургъ и въ вылазкахъ прессы, примѣромъ которыхъ можетъ служить упомянутая уже статья въ № 11 «Московскаго Телеграфа» за 1830 г. На четвертомъ фронтѣ угрожали Кокошкину результаты естественнаго ущерба его собственнаго престижа въ глазахъ подчиненныхъ ему чиновниковъ и артистовъ. Указъ 1826 г. открылъ для болѣзненнаго и мелкаго самолюбія многихъ изъ нихъ новое поле происковъ и интригъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ свитѣ Московскаго Генералъ-Губернатора. И вотъ (продолжаемъ говорить военнымъ языкомъ) въ серединѣ этого каре, совершенно одинокимъ, стоялъ съ 1826 г. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, поддерживаемый лишь ограниченнымъ кружкомъ оставшихся ему вѣрными Московскихъ пріятелей, да прибывшими какъ разъ къ этому

времени на жительство въ Москву С. Т. Аксаковымъ, а также обиженнымъ и забытымъ уже въ Петербургѣ, извѣстнымъ театральнымъ дѣятелемъ, кн. Шаховскимъ. Кн. Шаховской дѣятельно помогалъ, между прочимъ, Кокошкину въ разучиваніи и постановкѣ пьесъ [563]).

При благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, въ концѣ концовъ, и одолѣлъ бы затрудненія со всѣхъ сторонъ, но, на его несчастье, невзгоды пришли еще и извнѣ. Съ одной стороны,— холера 1830—1831 г., а съ другой стороны—«второе нашествіе французовъ», какъ называлъ впослѣдствіи М. Н. Загоскинъ вторженіе въ Московскую театральную жизнь французской антрепризы, настойчиво поддерживаемой кн. Голицынымъ, въ поблажку ограниченному кружку московскихъ любителей иностраннаго репертуара. Обѣ эти внѣшнія причины губительно отразились на финансахъ Московскаго театра, первую брешь въ которыхъ пробилъ дефицитъ въ 54.000 р., предсказанный еще балансомъ 1825 г. Кокошкинъ продержался, однако, во главѣ Московскихъ театровъ еще около пяти лѣтъ и наконецъ изнемогъ въ этой борьбѣ, перипетіи которой составляютъ содержаніе настоящей главы.

Съ наступленіемъ новаго режима Кокошкинъ сразу очутился какъ бы въ пустомъ пространствѣ, безъ точки опоры въ начальствѣ и безъ опредѣленныхъ законоположеній, регулирующихъ административную и хозяйственную жизнь Московскихъ театровъ. Князь Д. В. Голицынъ, непосредственно послѣ Указа 22 Авгу-

[563]) Н. Ѳ. Финдейзенъ. Статья—«Алексѣй Николаевичъ Верстовскій». Ежегодникъ Имп. Театровъ. Сезонъ 1896—1897 г. Приложеніе 2, стр. 97.

ста 1826 г. всталъ въ сторонѣ отъ театральнаго дѣла, а съ нимъ вмѣстѣ остались праздными и его широкія полномочія, а также утратили значеніе тѣ руководящія правила, которыя онъ установилъ своею властью, въ ожиданіи законной санкціи проектированныхъ имъ положеній. Цѣлыхъ два мѣсяца, Сентябрь и Октябрь, 1826 г. Кокошкинъ находился въ неопредѣленномъ положеніи. Министръ Двора кн. Волконскій, занятый вопросами организаціи новаго Министерства, конечно, не имѣлъ ни времени, ни возможности, непосредственно вникать въ дѣла театра, находившагося къ тому же почти въ 700 верстахъ отъ Петербурга. Кокошкину приходилось дѣйствовать за свой страхъ и, вступая въ самую горячую пору зимняго сезона, при новой служебной обстановкѣ, готовиться къ финансовому отчету за 1826 г., т. е. къ первому своему административному экзамену передъ новымъ и невѣдомымъ еще начальствомъ. Административная безпочвенность Кокошкина прежде всего прекрасно оцѣнивалась подчиненнымъ ему персоналомъ и, конечно, отражалась на дисциплинѣ всего театра, державшейся до того времени не на писаныхъ регламентахъ, которые еще только проектировались, а исключительно на авторитетѣ самого Директора театровъ, поддерживаемомъ Генералъ-Губернаторомъ Москвы. Ясно сознавая опасность такого положенія, Кокошкинъ, въ поискахъ за новой точкой опоры, рѣшился на первый опытъ эквилибристики и 5 Ноября 1826 г. [564]) отправилъ Кн. Волконскому слѣдующее письмо:

«М. Г. Князь Петръ Михайловичъ! Почитая себя

---

[564]) Общ. Арх. М. И. Д. Канцел. М-ва. Дѣло 1826 г. № 22.

безспорно счастливымъ служить подъ благодѣтельнымъ начальствомъ Вашего Сіятельства, я осмѣливаюсь ласкать себя милостивымъ покровительствомъ Вашимъ. Честь и безпредѣльное усердіе къ службѣ всегда были и будутъ моими руководителями. Московскій театръ, принятый мною въ ничтожномъ по всѣмъ частямъ состояніи, да будетъ предъ Вами свидѣтельствомъ о ревностныхъ трудахъ моихъ! Если въ столь короткое время, и по недостатку средствъ, оный не достигъ еще во всемъ надлежащей степени совершенства, то нынѣ, подъ начальствомъ Вашимъ, я питаю несомнѣнную надежду на дальнѣйшіе успѣхи. Одушевленный готовностью выполнить съ должнымъ рвеніемъ предначертанія Вашего Сіятельства, я смѣю испрашивать необходимаго на сей разъ милостиваго содѣйствія Вашего. Доселѣ дѣйствуя, какъ подчиненный Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, во всѣхъ отступленіяхъ кого либо изъ артистовъ отъ ихъ обязанностей, я относился къ близкому здѣсь начальству, и безпорядокъ скоро прекращался. Нынѣ, не имѣя на сей предметъ особой инструкціи, я наиболѣе могу быть подверженъ подобнымъ случаямъ; почему, дабы я могъ содержать всю труппу театра въ должномъ порядкѣ, я смѣю испрашивать особеннаго мнѣ начальническаго Вашего предписанія, которое, бывъ сообщено по всѣмъ частямъ Дирекціи, поставило бы каждаго въ непремѣнное во всякой службѣ повиновеніе, и тѣмъ болѣе необходимое въ сей, ибо на ономъ основаны не только должный порядокъ, но и самые доходы театра, по безпрерывному теченію спектаклей. Строгое предписаніе высшаго начальства тѣмъ болѣе необходимо при театрѣ, что нигдѣ, какъ

въ средѣ такъ называемыхъ свободныхъ искусствъ, гдѣ конечно не совмѣстна строгая дисциплина, безъ умѣренной взыскательности, нерѣдко возникаетъ вредное своеволіе. Я осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Сіятельство благоволите испрашиваемымъ мною предписаніемъ дать новую силу управленію Московскаго театра, а тѣмъ подать и мнѣ способъ къ удобнѣйшему исполненію возложенной на меня обязанности».

Очевидно, Кокошкинъ имѣлъ надежду, что въ отвѣтъ на это письмо кн. Волконскій снабдитъ его широкими общими полномочіями въ области театральной дисциплины, исключающими необходимость интерпретаціи по каждому частному случаю. Но кн. Волконскій, не отвѣчая въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ на приведенное письмо, счелъ нужнымъ, однако, тотчасъ выяснить Кокошкину свой взглядъ на его полномочія и, такъ сказать, поставить его на желательное для Министра мѣсто. 17 Ноября 1826 г. [565]) онъ далъ Московскому Директору слѣдующее предписаніе: «До свѣдѣнія моего дошло, что Дирекція дѣлаетъ вновь прибавки жалованья нѣкоторымъ танцовщикамъ, а какъ о прибавкѣ таковой я не получилъ отъ Вашего Превосходительства представленія, то и желаю знать: справедливы ли сіи слухи; вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю Вамъ никакихъ прибавокъ въ издержкахъ и жалованьяхъ никому не дѣлать безъ моего на то согласія и утвержденія».

Въ свою очередь, озабоченный матеріальнымъ обезпеченіемъ какъ своимъ лично, такъ и ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, а главнымъ образомъ, опредѣ-

[565]) Арх. С. П. Б. Контора И. Т. Сборн. В. Пов. Кн. II, стр. 75.

леніемъ формъ тревожившаго его финансоваго дѣлопроизводства Конторы, Кокошкинъ, вошелъ офиціально съ рапортомъ къ Министру, подписаннымъ полнымъ составомъ Дирекціи, т. е. самимъ Кокошкинымъ и двумя членами конторы Арсеньевымъ и Загоскинымъ. Въ рапортѣ этомъ отъ того же 5 Ноября 1826 г. [566]) все положеніе дѣла изложено весьма обстоятельно: «Контора Дирекціи Императорскаго Московскаго театра до сего времени руководствовалась въ управленіи онаго: 1) правилами и постановленіями, Высочайше конфирмованными 28 Декабря 1809 г.; 2) дополнительными правилами о пенсіонахъ артистовъ и 3) правилами и постановленіями, состоявшимися въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1822 г, при отдѣленіи Московскаго театра отъ Дирекціи Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, которыми Высочайше повелѣно быть главнымъ начальникомъ Императорскаго Московскаго театра Господину Московскому Военному Генералъ-Губернатору, коему, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, предоставлено право, въ 12-мъ пунктѣ Высочайше конфирмованнаго отдѣленія: опредѣлять по собственному его усмотрѣнію приличное содержаніе чиновникамъ Дирекціи и артистамъ, свыше штатнаго положенія, опредѣлять одного помощника члену по репертуарной части, а буде нужно, то и двухъ; принимать на Императорскій Московскій театръ иностранныя труппы (не присвояя однако имъ права на пенсіоны), словомъ распоряжаться суммами театра, на пользу онаго, не испрашивая дальнѣйшихъ разрѣшеній, но имѣя токмо въ

[566]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1826 г. № 22.

предметѣ общее правило, въ предъидущей статьѣ объясненное (т. е. не входить въ долги)». Наконецъ въ нынѣ текущемъ году составлены: новый балансъ раздѣленія суммъ и постановленіе для управленія Императорскимъ Московскимъ театромъ, сообразно съ Высочайше утвержденнымъ уже въ 3 день Мая прошлаго 1825 г. Постановленіемъ для Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, съ нѣкоторыми только отмѣнами и приспособленіемъ къ мѣстному управленію отдѣльнаго Московскаго театра. Балансъ сей, Штатъ конторы, а равно и постановленія, въ началѣ Апрѣля мѣсяца, отправлены Его Сіятельствомъ г. Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ въ Комитетъ Главной Дирекціи Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ. А между тѣмъ, раздѣленіе Всемилостивѣйше пожалованныхъ на содержаніе театра, въ прибавокъ къ прежде полученнымъ 140.000 р. на усиленіе окладовъ жалованья и прочія статьи расходовъ 200.000 р., по предписаніямъ г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, на основаніи Высочайше присвоенной ему власти, приведено въ дѣйствіе и уже большая часть служащихъ при Дирекціи разнаго званія людей получаютъ оклады по новому раздѣленію суммъ. Директоръ же и оба члена остаются еще доселѣ на окладахъ прежняго штата [567]). Пред-

[567]) Это обстоятельство, къ слову сказать, весьма рѣдкое въ нашей служебной практикѣ, является хорошимъ аттестатомъ безкорыстія и корректности Кокошкина, который, стоя у самого источника, пропустилъ впередъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, а самъ съ помощниками остался за флагомъ, конечно, не пріобрѣтя тѣмъ друзей ни въ Арсеньевѣ, ни въ Загоскинѣ, что впослѣдствіи и выяснилось.

стоящій отчетъ за нынѣ текущій годъ, въ отношеніи издержекъ по разнымъ предметамъ приходовъ и расходовъ Дирекціи, долженъ бы быть составленъ непремѣнно по новому раздѣленію штатныхъ суммъ, но Контора Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, не имѣя еще для управленія своего новаго Высочайше утвержденнаго постановленія и баланса о раздѣленіи суммъ, затрудняется въ формѣ составленія отчета, и хотя г. Директоръ Московскаго театра въ предупрежденіе дальнѣйшихъ недоумѣній, еще 25 Января сего года, отношеніемъ своимъ къ Его Сіятельству князю Василію Васильевичу Долгорукову, члену Комитета главной Дирекціи, испрашивалъ о доставленіи формъ, сдѣланныхъ по новому постановленію для внутренняго порядка въ теченіи дѣлъ по Конторѣ Дирекціи С.-Петербургскихъ театровъ и для составленія отчетовъ обѣихъ Дирекцій по одинаковой уже формѣ, — а впослѣдствіи еще давалъ порученіе бывшему въ С.-Петербургѣ чиновнику здѣшняго театра кол. сов. Семенову просить его Сіятельство приказать доставить Конторѣ сіи формы, но оныхъ однако же и до сего Контора не имѣетъ, почему теперь, до Высочайшаго утвержденія Постановленія и Штатовъ Московскаго театра, долгомъ считаетъ испрашивать начальническаго предписанія Вашего Сіятельства, для неизмѣннаго руководства Конторы во всѣхъ случаяхъ, относящихся къ управленію Московскаго театра, ибо до сего времени всѣ недоумѣнія, или дѣла, требующія скораго исполненія, разрѣшались Его Сіятельствомъ Г. Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, какъ главнымъ ея начальникомъ, всегда находившимся въ Москвѣ».

Князю Волконскому, очевидно, было не до Кокошкина и онъ передалъ рапортъ Московской Конторы въ Комитетъ Главной Дирекціи. И вотъ тутъ обнаружилась крайняя небрежность веденія дѣлъ Комитетомъ. Формы отчетовъ, приложенныя къ положенію 1825 г., о которыхъ говорилъ рапортъ Кокошкина, въ дѣйствительности при подлинникѣ этого положенія приложенными не оказались. Комитетъ, предполагая, при проектированіи новаго положенія, выработать и новыя формы отчетности, полтора года молчалъ и не извѣщалъ о томъ Московскую Дирекцію и, наконецъ, лишь 28 Ноября 1826 г., по запросу Министра, столь же развязно, сколь и неосновательно, отвѣчалъ, что «за неимѣніемъ таковыхъ формъ С.-Петербургская Контора Дирекціи ведетъ свои счеты подъ надзоромъ Комитета, основываясь на существѣ самой надобности Театральнаго производства, что самое если исполнитъ Московская Контора Дирекціи, то отчеты ея не иначе могутъ быть какъ единообразны съ С.-Петербургскими». Во избѣжаніе же дальнѣйшихъ недоразумѣній со стороны Московской Конторы, Комитетъ предписалъ С.-Петербургской Конторѣ сообщить Московской Дирекціи «тѣ формы, какими она руководствуется въ своемъ счетоводствѣ». Князь Волконскій съ своей стороны, 20 Января 1827 г., на приведенное нами письмо Кокошкина отвѣтилъ слѣдующимъ офиціальнымъ предписаніемъ: «Ваше Превосходительство въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 5-го прошедшаго Ноября испрашивали предписанія моего: какъ должны Вы дѣйствовать въ управленіи Московскими театрами. На сіе я не могу теперь предписать Вамъ другихъ правилъ, кромѣ изданныхъ въ 1809 г.

при образованіи Императорскихъ театровъ, коими и должны Вы руководствоваться во всѣхъ Вашихъ дѣйствіяхъ, но ежели Вамъ нужно имѣть на какіе-либо предметы особое отъ меня разрѣшеніе, то представьте мнѣ объ оныхъ записку съ Вашимъ мнѣніемъ».

Такимъ образомъ, существенные для Кокошкина вопросы утвержденія положенія о театрахъ, штата, распредѣленія суммъ и, въ частности, матеріальнаго вознагражденія администраціи Московскихъ театровъ остались по прежнему не выясненными. Здѣсь опять таки сказалась полная небрежность Комитета Главной Дирекціи по отношенію къ Московскимъ театрамъ и невниманіе къ трудамъ князя Д. В. Голицына и Московской администраціи. 31 Марта 1826 г. кн. Д. В. Голицынъ препроводилъ въ Комитетъ вновь составленное Кокошкинымъ Постановленіе Московской театральной Дирекціи, Штатъ Московской Конторы, балансъ распредѣленія суммъ и собственныя свои замѣчанія къ проекту Постановленія. Комитетъ продержалъ всѣ эти документы въ теченіе полутора года безъ всякаго движенія и наконецъ 28 Ноября 1827 г. [568]), т. е. послѣ утвержденія уже новаго положенія 13 Ноября 1827 г., по просьбѣ к. с. Даргомыжскаго, препроводилъ ему въ подлинникѣ всѣ московскіе проекты, которые затѣмъ, страннымъ образомъ, исчезли безъ всякихъ послѣдствій и безъ какого-либо слѣда въ Архивѣ Министерства Двора. Вопросъ объ увеличеніи содержанія высшей московской театральной администраціи по проектированному въ 1825 г. штату возобновлялся въ Іюнѣ 1828 г. и опять безрезультатно,

[568]) Общ. Арх. М. И. Д., Дир. И. Т. Журналъ Комитета 1827 г., № 11/в.

при чемъ этотъ штатъ въ Канцеляріи Министерства Двора именовался «Штатомъ, утвержденнымъ Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ въ 1825 г. [569]). Наконецъ, 2 Ноября 1828 г. кн. Волконскій, отказывая Кокошкину въ назначеніи тт. сов. Тито на должность переводчика, значившуюся по этому штату, категорически призналъ его не дѣйствительнымъ, ибо штатъ 1825 г. «не утвержденъ Государемъ Императоромъ» [570]).

Первыя попытки Кокошкина къ письменнымъ сношеніямъ съ Министромъ Императорскаго Двора, какъ мы видѣли, къ благопріятнымъ результатамъ не привели. Какъ членъ Комитета Гл. Дирекціи, Кокошкинъ, воспользовавшись своимъ правомъ засѣданія въ Комитетѣ, въ Мартѣ 1827 г., пріѣхалъ въ Петербургъ съ отчетомъ за 1826 г. и, какъ надо думать, имѣлъ первое свиданіе съ Кн. Волконскимъ. Каковы были результаты и обстановка пріема Кокошкина Министромъ остается неизвѣстнымъ, но Комитетъ Главной Дирекціи, какъ мы уже указали въ V главѣ, отнесся къ Кокошкину и къ дѣятельности Московскихъ театровъ довольно отрицательно, что, конечно, не осталось безъ вліянія на Министра. Тѣмъ не менѣе, Кокошкину удалось найти нить для установленія систематическихъ сношеній съ Министромъ Двора. Нить эта оказалась въ лицѣ Директора Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора д. с. с. И. Ситникова, на котораго были возложены Министромъ докладъ и веденіе всей переписки по Московскимъ театральнымъ дѣламъ. Канцелярія Министерства Двора сохраняла

[569]) Ibid. Канцел. М-ва. Дѣло 1828 г. № 65/159.
[570]) Ibid.

значеніе посредствующей инстанціи для Московской Дирекціи вплоть до объединенія послѣдней въ 1842 г. съ Петербургской, и какъ Кокошкину, такъ впослѣдствіи и преемнику его Загоскину, приходилось вести оживленную переписку и до нѣкоторой степени заискивать въ Директорахъ Канцеляріи, сперва д. с. с. Ситниковѣ, а позднѣе,—д. с. с. Панаевѣ. Послѣ 30 Марта 1827 г., съ учрежденіемъ Контроля Министерства Двора, ту же политику пришлось вести Московской театральной администраціи, по вопросамъ финансовъ, хозяйства и отчетности, съ д. с. с. Борщовымъ, какъ лицомъ, стоявшимъ во главѣ Контроля.

Увеличенія своего содержанія Кокошкину удалось добиться лишь съ изданіемъ въ 1830 г. новаго штата Московской Дирекціи, а до того времени Кокошкинъ получалъ всего 2.200 р. въ годъ. Тогда же возстановлено было и право Кокошкина на ложу въ театрѣ, которой онъ лишился на основаніи приведеннаго нами выше Высочайшаго Повелѣнія 19 Декабря 1826 г. о предоставленіи въ распоряженіе Министра Двора бывшихъ Директорскихъ ложъ въ театрахъ. 12 Марта 1830 г. [571]) послѣдовало такое предписаніе Министра на имя Кокошкина: «По представленію Вашего Превосходительства отъ 8 сего Марта за № 3, я дозволяю Вамъ занять въ Московскомъ театрѣ бенуаръ подъ моею ложею, а членамъ Конторы дать, обоимъ вмѣстѣ, одинъ бенуаръ».

Для полноты освѣщенія какъ разсматриваемой эпохи Московскихъ театровъ, такъ и вообще положенія всѣхъ Императорскихъ театровъ въ царство-

---

[571]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сб. Выс. Пов. кн. II., стр. 296.

ваніе Императора Николая I, слѣдуетъ остановиться на крупной фигурѣ главнаго ихъ начальника, перваго въ Россіи Министра Императорскаго Двора, Князя Волконскаго [572]). Persona grata, довѣренное лицо Императора онъ является однимъ изъ видныхъ дѣятелей Николаевскаго времени. Ему обязано Министерство Двора своей первой организаціей, въ которой Кн. Волконскій объединилъ цѣлый рядъ придворныхъ учрежденій, построенныхъ на несимпатичномъ для него лично коллегіальномъ началѣ, проявивъ, съ одной стороны много выдержки, здраваго смысла и настойчивости, а съ другой—большое самолюбіе, властолюбіе и тонкую чувствительность ко всему, что могло затрагивать престижъ его высокаго положенія. Семеновскій офицеръ Павловской и Александровской эпохи, съ широкимъ военнымъ образованіемъ, усовершенствованнымъ во Франціи, хотя плохограмотный по русски, благодаря обычному тогда воспитанію на французскій образецъ, Кн. Волконскій обладалъ необходимымъ для придворной жизни тактомъ и явился типичнымъ представителемъ высшаго Петербургскаго общества начала XIX вѣка. Случайно увидѣвъ себя

---

[572]) Генералъ-Фельдмаршалъ Свѣтлѣйшій Кн. Петръ Михайловичъ Волконскій (род. 1776 г. † 1852 г.). На службѣ съ 1793 г. прапорщикомъ Л.-Гв. Семеновскаго полка. Въ 1797 г. Адъютантъ В. Кн. Александра Павловича. Въ 1801 г. Генералъ-Адъютантъ, одинъ изъ героевъ Аустерлица Послѣ Тильзитскаго мира былъ командированъ во Францію для изученія тамошняго Генеральнаго Штаба. Въ 1810 г. основалъ училище Колонно-вожатыхъ—зерно Никол. академіи Ген. Штаба. Въ 1815 г. начальникъ главн. Штаба. Въ 1834 г. получилъ титулъ Свѣтлѣйшаго, а въ 1850 г. произведенъ въ Генералъ-Фельдмаршалы.

во главѣ театральнаго вѣдомства, Кн. Волконскій не возвысился въ своихъ отношеніяхъ къ театру надъ рамками міросозерцанія своего круга, для котораго высшимъ образцомъ театра и въ смыслѣ содержанія, и въ смыслѣ порядковъ и внѣшняго блеска зрѣлищъ, являлись театры Парижа. Въ этомъ направленіи Кн. Волконскій четверть столѣтія дирижировалъ русскимъ театральнымъ дѣломъ. Однако, онъ чутко и неуклонно прислушивался къ камертону, который твердо держалъ въ своихъ рукахъ Императоръ Николай Павловичъ, широко и убѣжденно смотрѣвшій на сцену, какъ на общественную школу нравовъ.

Въ административномъ отношеніи, какъ Министръ Двора, какъ распорядитель Государева хозяйства, Кн. Волконскій, преимущественно, проводилъ идею бережливости и формальнаго хозяйственнаго порядка, нивеллируя театры съ прочими придворными учрежденіями подъ новосозданнымъ имъ общимъ Контролемъ Министерства. Наибольшее вниманіе удѣлялъ онъ, конечно, Петербургскимъ театрамъ, придворнымъ по преимуществу. Заглазный же Московскій театръ привлекалъ особыя его заботы, лишь въ рѣдкія эпохи посѣщенія Москвы Государемъ и Высочайшими Особами. Въ этомъ, между прочимъ, лежала причина того, что Московскій театръ въ теченіе цѣлого полустолѣтія, до министерства Графа Воронцова-Дашкова, оставался обдѣленнымъ и во вниманіи и въ матеріальныхъ пособіяхъ сравнительно съ Петербургскимъ.

Личныя симпатіи кн. Волконскаго въ репертуарѣ склонялись главнымъ образомъ къ иностраннымъ труппамъ и къ балету. Особенныя заботы прилагалъ онъ къ заведенію въ Петербургѣ Итальянской оперы

и широко пользовался своими связями и вліяніемъ для установленія агентуры по изученію иностраннаго артистическаго рынка и по ангажементу въ Петербургъ лучшихъ пѣвцовъ того времени [573]).

[573]) Въ архивѣ Министерства Двора сохранилось, между прочимъ, слѣдующее интересное письмо г. Шредера Кн. Волконскому, отъ 9 Апрѣля 1830 г. о современномъ положеніи Дрезденской Итальянской оперы: «Письмо Вашего Сіятельства отъ 13/25 Января я имѣлъ честь получить въ послѣднихъ числахъ Февраля мѣсяца. Я бы ранѣе на оное отвѣчалъ, но отсутствіе мое изъ Дрездена и желаніе быть на многихъ представленіяхъ въ Итальянской оперѣ, дабы самъ могъ судить о ней, мнѣ въ томъ препятствовали. Итальянская опера нынѣ уже болѣе не то, что была въ прежнія времена. По причинѣ экономіи пѣвчіе и пѣвицы нѣмецкаго театра занимаютъ тамъ многія роли, отчего въ труппѣ и не можетъ быть соблюденъ надлежащій порядокъ. При томъ же Итальянцы, которые тамъ находятся, суть посредственные артисты, кои остаются тамъ потому только, что по таланту ихъ они не бываютъ призываемы на другіе театры. Нынѣ пріѣхала новая пѣвица, дѣвица Палаццери, которая обучалась въ Дрезденѣ и потомъ въ Ломбардіи. Она по возвращеніи своемъ еще не дебютировала. Наружность ея не говоритъ въ ея пользу; сказываютъ также, что она дурная актриса; но по всеобщему мнѣнію, имѣетъ отличный контръальтъ, но не имѣетъ никакого понятія о музыкѣ, а также не умѣетъ читать ноты. Капельмейстеръ научаетъ ее ея роли, она ее ныучиваетъ наизусть, ибо имѣетъ хорошій слухъ. Примадонна здѣсь есть дѣвица Сіазетти, поетъ сопрано и имѣетъ голосъ, по правдѣ сказать, хотя и не весьма обширный, но имѣетъ отличную методу. Она хорошая актриса и играла бы роли ея гораздо лучше, ежели бы не имѣла маленькую погрѣшность въ ростѣ. Манеры ея свѣтскія, отъ роду имѣетъ она отъ 30—32 лѣтъ и желаетъ оставить Дрезденъ, гдѣ контракту ея, по которому получаетъ ежегодно 4.000 талеровъ жалованья, въ будущемъ Іюлѣ мѣсяцѣ минетъ срокъ. Здѣшняго Итальянскаго театра только одну и

Особенно заботился Кн. Волконскій объ исторической правдѣ въ постановкахъ и о блескѣ балетныхъ и оперныхъ спектаклей, не стѣсняясь въ данномъ случаѣ издержками. Такъ напримѣръ, его отнюдь не испугалъ расходъ въ 89.241 р. 50 к. на постановку въ 1835 г. въ Петербургѣ оперы «Олимпія», показавшійся бы преувеличеннымъ и въ настоящее время. Сумма эта по смѣтѣ распредѣлялась такъ: «по части гардеробной—35.400 р., обувной 2.700 р., парикмахерской — 7.798 р., цвѣтовъ и головныхъ уборовъ — 2.473 р. 50 к., бутафорской—8.070 р., декораціонной—30.800 р., за переводъ оперы—2.000 р.» [574]).

Что касается исторической правды въ костюмахъ и декораціяхъ, то кн. Волконской самъ дѣлалъ доступныя ему указанія Дирекціи театровъ. Почти въ первый же годъ своего начальства надъ театрами, а именно 9 Ноября 1827 г. онъ далъ Комитету Главной Дирекціи такое предписаніе: [575]). «Во многихъ пьесахъ, представляемыхъ на здѣшнихъ театрахъ, я замѣтилъ, что декораціи и костюмы не соотвѣтствуютъ тому времени, къ которому относится дѣйствіе: какъ, напримѣръ, въ драмѣ «Крѣпость Магдебургъ» сол-

можно рекомендовать дѣвицу Сіазетти. О г-нѣ Сеззи я упомяну только мимоходомъ: онъ красивый мужщина, средняго роста, но не привыкъ къ сценѣ, поетъ по слуху и при томъ не прежде можетъ оставить Дрезденъ, какъ по прошествіи 2-хъ лѣтъ. Вотъ единственныя свѣдѣнія, которыя я могу дать Вашему Сіятельству о здѣшней труппѣ. Она не походитъ на ту, которую Вы изволили нѣкогда здѣсь видѣть». (Общ. Арх. Мин. И. Д. Канцел. М-ва. Дѣло 1830 г. № 96/216).

[574]) Общ. Арх. Мин. И. Д. Канцел. М-ва. Дѣло 1835 г. № 74/130.

[575]) Ibid. Дир. И. Т. Дѣло 1827 г. № 212.

даты одѣты были въ бѣлыхъ мундирахъ, тогда какъ прусская армія, кромѣ синихъ мундировъ, никакихъ другихъ не имѣла, также и въ данномъ вчера французскомъ водевилѣ прусскіе костюмы и мундиры совсѣмъ не сходствовали со временемъ дѣйствія, а потому предлагаю сему Комитету: впредь, при поставленіи новыхъ пьесъ на сцену, обращать болѣе вниманія какъ на декораціи, которыя должны соотвѣтствовать времени и мѣстамъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ, такъ и на костюмы, съ наблюденіемъ самой строжайшей точности въ оныхъ. А какъ для исправленія воинскихъ костюмовъ можно образцы заимствовать изъ собственныхъ арсеналовъ Государя Императора и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича и даже изъ артиллерійскаго, гдѣ всѣ старинные мундиры сохраняются, то для назначенной нынѣ пьесы «Le Hussard de Folheim» къ представленію въ Эрмитаажномъ театрѣ, приказать передѣлать нужныя костюмы и немедля представить ко мнѣ на утвержденіе». Въ тоже время кн. Волконскій строго слѣдилъ за педантичностью въ соблюденіи утвержденныхъ монтировокъ пьесъ. Будучи въ Москвѣ въ 1839 г. онъ сдѣлалъ замѣчаніе Московскому Директору Загоскину и 9 Апрѣля этого года, между прочимъ, писалъ ему: [576]) «Замѣтилъ вчера въ балетѣ, что танцовщица Воронина-Иванова 1 имѣла собственный костюмъ, не отвѣчающій назначеннымъ характеромъ для прочихъ. Предписываю Вашему Превосходительству впредь никакъ не позволять никому изъ артистовъ отступать отъ настоящаго

[576]) Ibid. Канцел. Мин-ва Дѣло. 1839 г. № 60/138.

костюма, опредѣленнаго по характеру или времени пьесы. Если же кто осмѣлится дѣлать иначе, съ тѣхъ взыскивать изъ жалованья по цѣнности костюма».

Въ стремленіи къ блестящимъ постановкамъ, въ особенности въ движеніи балетныхъ сценическихъ массъ, кн. Волконскій прилагалъ иногда собственное посильное ему творчество. Для приготовленія къ постановкѣ въ Петербургѣ балета «Revolte au Serail» онъ самъ составилъ 9 Ноября 1835 г. [577]) проектъ эволюцій для кордебалета и отослалъ его къ исполненію Гедеонову. Проектъ этотъ, собственноручно писанный кн. Волконскимъ и сохранившійся въ подлинникѣ въ Архивѣ Министерства Двора, изложенъ въ такомъ видѣ [578]):

«Эволюціи въ балетѣ («Revolte au Serail») «Возстаніе въ Серали».

№ 1. Фронтъ въ концѣ сцены спиною къ зрителямъ.

№ 2. Заходятъ направо, лѣвое плечо впередъ идутъ мимо лѣвыхъ кулисовъ до авансцены, гдѣ сдѣлавъ лѣвое плечо впередъ идутъ до конца сцены, останавливаются и дѣлаютъ во фронтъ.

№ 3. Строютъ фронтъ облически налѣво.

№ 4. Дѣлаютъ на караулъ, на плечо и къ ногѣ, отдыхаютъ потомъ на плечо.

№ 5. Заходятъ повзводно на право, проходятъ мимо зрителей кругомъ сцены.

№ 6. Строятся въ колонну по первому взводу на серединѣ сцены и идутъ колонною впередъ.

---

[577]) Ibid. Дѣло 1835 г. № 74/130.

[578]) Сохраняемъ орѳографію подлинника.

№ 7. На авансценѣ дѣплоируютъ направо и налѣво по 3-му взводу.

№ 8. Отступаютъ фронтомъ на середину сцены.

№ 9. Строютъ полу взводную колонну изъ середины и идутъ впередъ на штыки.

№ 10. Строютъ каре, начальникъ входитъ въ середину и стрѣляютъ, передняя шеренга становится на колѣни.

№ 11. Изъ каре деплояда, фронтомъ впередъ къ авансценѣ.

№ 12. Дѣлаютъ на караулъ».

Вообще внѣшность въ театрѣ и, конечно небезосновательно, имѣла въ глазахъ кн. Волконскаго преобладающее значеніе. Разрѣшая въ 1827 г. Кокошкину новый пріемъ воспитанниковъ въ театральную школу, на рапортѣ его по этому поводу, кн. Волконскій положилъ 2 Іюня 1827 г. [579]) слѣдующую резолюцію: «Исполнить, но при наборѣ наблюдать, чтобы были пріятныхъ лицъ и стройные».

По фактическимъ даннымъ и по слѣдамъ официальной переписки, сохранившейся въ архивѣ Министерства Двора, надо признать полную служебную корректность въ отношеніяхъ кн. Волконскаго къ Кокошкину, но въ нихъ нельзя найти дѣйствительнаго участія какъ къ нему, такъ и къ его дѣятельности и достаточно справедливой оцѣнки его способностей и трудовъ. Отношенія эти не выходили изъ границъ официальности. Искренняго доброжелательства не было, а изрѣдка проглядывало даже желаніе кн. Волконскаго такъ или иначе уколоть самолюбіе Кокошкина. Это

[579]) Ibid. Дѣло 1827 г. № 68/262.

можно замѣтить и въ предписаніи кн. Волконскаго 3 Марта 1827 г. [580]). рекомендующемъ Московской конторѣ избѣгать лишней переписки и рапортовать Министру лишь о какихъ-либо происшествіяхъ, а не «о благополучномъ состояніи театровъ», а также и въ иронической рекомендаціи кн. Волконскимъ въ 1830 г. Кокошкину прочесть статью «Московскаго Телеграфа», порицающую затѣянный тогда Кокошкинымъ загородный театръ въ Нескучномъ саду. Безъ всякаго сомнѣнія Кокошкинъ находилъ многихъ доброжелателей, которые прикладывали старанія очернить передъ Министромъ дѣятельность Московскаго Директора. Какъ примѣръ такого доброжелательства, можно привести анонимную записку полученную кн. Волконскимъ 8 Февраля 1828 г. [581]).

«О неудовольствіи публики на театральную Дирекцію». Записка гласила такъ: «У насъ въ Москвѣ по обыкновенію бываютъ на масленицѣ по два театра въ день, т. е. по утру и вечеру. 1 Февраля по утру, когда собралось уже довольно публики, объявлено отъ Дирекціи, что назначенный спектакль за болѣзнію актера Мочалова отмѣняется, а вмѣсто онаго никакой другой пьесы представлено не было, а предложено взятые билеты оставить для вечерняго представленія, или до другаго дня, почему публика, просидѣвъ около 2 часовъ, съ неудовольствіемъ должна были разъѣхаться». Кн. Волконскій приказалъ: «Спросить у Кокошкина, отъ чего сіе случилось и почему

[580]) Арх. СПБ. Конторы И. Т., Сборн. Выс. Пов., кн. II, стр. 98.

[581]) Общ. Арх. М. И. Д. Канцел. Мин-ва Дѣло 1828 г. № 67/162.

другого спектакля не было дано, впредь всегда имѣть въ готовности другой на случай болѣзни актера». 15 Февраля 1827 г. Кокошкинъ прислалъ свое объясненіе, подробнымъ рапортомъ. «Честь имѣю донести, писалъ онъ, что утренній спектакль, назначенный 31 Января, а не 1 Февраля, какъ Вамъ донесено, въ 1 часъ съ половиной по полудни, а именно: драматическое представленіе, «15 лѣтъ въ Парижѣ, или не всѣ друзья одинаковы», отмѣненъ предъ самымъ уже началомъ онаго, когда часть публики съѣхалась, ибо публика не начинаетъ съѣзжаться въ спектакль иначе какъ за $^1/_4$ часа до начала онаго, по той причинѣ, что у актера Мочалова, занимавшаго 1-ую роль всей пьесы, внезапно сдѣлались жестокіе спазмы въ груди и лишили его почти употребленія языка. Замѣнить же отмѣненный спектакль другимъ иначе было не возможно, какъ чрезъ часъ; поелику необходимо было свести новыхъ дѣйствующихъ лицъ, кои должны были сверхъ того одѣваться, слѣдовательно Дирекція полагала за лучшее отмѣнить оный совершенно. Что же касается до того, будто бы предложено было промѣнять билеты отмѣненнаго спектакля на вечерній того дня, или на утренній спектакль другого дня, то сего не только не было, но и быть не могло, ибо билеты на вечерній спектакль того дня были уже продаваемы по утру съ 8 часовъ, а на утренній спектакль другого дня, въ тотъ же самый день, съ 12 часовъ по полудни, а предложены были въ возвратъ деньги, но нѣкоторые изъ зрителей можетъ быть и сами пожелали взять мѣста, непроданныя на вечерній сего дня спектакль, ибо оные не всѣ были на тотъ разъ проданы. Перемѣна спек-

такля тѣмъ еще болѣе была неудобна, что утренній и вечерній спектакли назначены были на Большомъ театрѣ и если бы перемѣнный спектакль начался уже въ 2 часа съ половиною, то не могъ бы кончиться прежде 6½ часовъ, поелику таковой спектакль, каковъ былъ отмѣненный, въ отвращеніе справедливаго негодованія публики, не могъ замѣненъ быть иначе, какъ равносильнымъ спектаклемъ, и сіе послѣдовало бы уже въ такое время, въ которое часть другой публики начала бы пріѣздъ на спектакль вечерній, и сдѣлала разъѣздъ совершенно затруднительнымъ, тѣмъ паче, что сборъ вечерняго спектакля также былъ немаловаженъ, ибо давался большой балетъ «Рауль де Креки» и предъ онымъ комедія, и опоздать началомъ сего спектакля было точно также невозможно безъ того, чтобы оный не продолжился за полночь. Сверхъ того, долгомъ почитаю донести Вашему Сіятельству, что Дирекція всегда имѣетъ запасные на случай болѣзни артистовъ спектакли, и если бы болѣзнь актера Мочалова приключилась ранѣе, то спектакль былъ бы навѣрное замѣненъ другимъ. Неутомимость моя къ долгу службы моей и къ сохраненію пользы ввѣреннаго распоряженію моему Императорскаго Московскаго театра да послужитъ ручательствомъ предъ Вашимъ Сіятельствомъ, что я не пропустилъ бы никакого случая вознаградить отмѣну сего спектакля, если бы на то была только возможность».

Объясненіе было весьма основательное: причиной отмѣны явился несчастный случай, обнаружившійся слишкомъ поздно для назначенія другаго спектакля, въ особенности на масленицѣ. Кромѣ того, для кн.

Волконскаго не могло не выясниться въ полученномъ имъ анонимномъ письмѣ грубое извращеніе факта, относительно удержанія кассой платы за билеты. Тѣмъ не менѣе, Министръ положилъ на рапортѣ Кокошкина такую резолюцію: [582]) «Отвѣчать, что въ Парижѣ, въ подобныхъ случаяхъ, дабы не остановить объявленнаго спектакля, испрашивается у публики позволеніе играть актеру, заступающему больного, *по книжкѣ*, буде другаго актера не приготовлено, а спектакль никогда не останавливается, что, полагаю, можно бы и у насъ дѣлать».

Легко можно себѣ представить эффектъ въ Московской публикѣ такой замѣны любимца ея Мочалова какимъ то чтецомъ съ книжкой, а также и ту массу, не анонимныхъ уже, а явныхъ, жалобъ своеобычныхъ москвичей на Ѳ. Ѳ. Кокошкина, если бы онъ сталъ примѣнять рекомендованную кн. Волконскимъ парижскую мѣру.

Хотя Кокошкинъ и получалъ отъ времени до времени нѣкоторое поощреніе, какъ, напримѣръ, 9 Апрѣля 1829 г. [583]), ему объявлено было кн. Волконскимъ Высочайшее благоволеніе за отчетъ удачнаго въ финансовомъ отношеніи 1828 г., тѣмъ не менѣе ему такъ и не удалось пріобрѣсти довѣріе и расположеніе Министра Двора. Въ этой неудачѣ, косвенно, не малую роль сиграли столкновенія и несогласія Кокошкина съ бывшимъ его начальствомъ, Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ кн. Д. В. Голицынымъ.

По справедливости надо признать, что Московскій Генералъ-Губернаторъ кн. Голицынъ много сдѣлалъ

[582]) Ibid.

[583]) Ibid. Дѣло 1829 г. № 80/222.

для Московскаго театра въ теченіе своего трехлѣтняго управленія ими. Переходомъ отъ скудной обстановки Майковской эпохи къ сравнительно роскошному положенію въ 1826 г., съ двумя зданіями театровъ, съ увеличенной на 200.000 р. годовой субсидіей, Московскіе театры обязаны, конечно, хлопотамъ и вліянію кн. Голицына. Мы легко можемъ себѣ представить психологическое состояніе и настроеніе кн. Голицына, насильственно оторваннаго отъ искренно любимаго имъ дѣла въ тотъ самый моментъ, когда предъ нимъ развертывалась широкая перспектива дальнѣйшаго усовершенствованія театральнаго дѣла въ Москвѣ, съ новымъ законодательствомъ и штатомъ и съ возможностью расширенія репертуара ангажементомъ иностранныхъ труппъ, составлявшимъ предметъ давнишнихъ желаній высшаго Московскаго общества и прежде всего самого Генералъ-Губернатора. Несомнѣнно, что удаленіе кн. Голицына отъ театральнаго дѣла было жестокимъ ударомъ его самолюбію и даже престижу, какъ лица, доселе объединявшаго подъ своей рукой всю административную жизнь первопрестольной столицы. Съ учрежденіемъ Министерства Двора театръ сталъ чужимъ для Москвы, ибо главный его хозяинъ всталъ въ сторонѣ отъ театральнаго дѣла. Само собой разумѣется, что такое положеніе вещей отразилось на отношеніи къ Императорскому театру какъ высшаго общества Москвы, такъ и всего административнаго ея міра. Все, что прежде, прислушиваясь къ мнѣнію хозяина столицы, шло на встрѣчу интересамъ Московской Дирекціи, теперь, волей-неволей, повернуло къ ней спину. Это отражалось, конечно, на всѣхъ мелочахъ теа-

тральной жизни, которыя принеи, збѣжныхъ столкновеніяхъ самолюбій, выростали въ крупныя недоразумѣнія.

Московское общество въ отношеніяхъ своихъ къ Императорскому театру раздѣлилось на кружки и партіи. Таже партійность обнаружилась и внутри театра—въ средѣ артистовъ и чиновниковъ. Во главѣ Московской театральной администраціи стояли три лица: Кокошкинъ и два его помощника: Арсеньевъ по репертуарной и Загоскинъ по хозяйственной части. Всѣ трое были ставленники кн. Голицына и каждый изъ нихъ явился представителемъ различнаго отношенія къ совершившемуся перевороту. Кокошкинъ, болѣе прямолинейный, стоялъ исключительно на стражѣ интересовъ Дирекціи, убѣжденно держалъ сторону новаго начальства и не стѣснялся давать отпоръ прежнему тамъ, гдѣ поступки кн. Голицына противорѣчили пользѣ театра. Арсеньевъ оставался вѣрнымъ старому начальству; продолжая служить въ Конторѣ онъ являлся непріятнымъ для Кокошкина клевретомъ кн. Голицына, а потому при первой же перемѣнѣ штата Московской Дирекціи въ 1830 г. остался не у дѣлъ. Болѣе ловкій и гибкій Загоскинъ удачно балансировалъ между двумя теченіями и сдѣлалъ карьеру: черезъ нѣсколько лѣтъ замѣстилъ Кокошкина въ должности Директора Московскихъ театровъ.

Разницу отношеній представителей Московской театральной администраціи къ Генералъ-Губернатору можно до нѣкоторой степени прослѣдить въ Араповскомъ описаніи празднованія въ селѣ Рожественѣ дня рожденія кн. Голицына, упомянутомъ уже нами въ 5-й главѣ настоящаго труда. Празднованіе это,

сопровождавшееся любительскимъ спектаклемъ, происходило 29 Октября 1827 г., т. е. черезъ годъ и два мѣсяца послѣ удаленія Московскаго Генералъ-Губернатора отъ театральныхъ дѣлъ. Пьесу для спектакля написалъ М. Н. Загоскинъ и первый далъ мысль, чтобы каждый изъ участвующихъ въ водевилѣ назывался своимъ именемъ. Объ Арсеньевѣ Араповъ пишетъ такъ: [584]) «Между прочимъ, осталась памятною черта характера покойнаго Александра Васильевича Арсеньева, служившаго въ то время членомъ репертуарной части при Московскомъ театрѣ; онъ твердо сохранилъ обычай нигдѣ не бывать въ гостяхъ, даже у самыхъ короткихъ знакомыхъ, чуждаясь всякаго угощенія; ѣздилъ только каждый день въ театръ по должности. Знавши эту оригинальную странность Арсеньева, впрочемъ, умнаго и любезнаго человѣка, никому изъ его знакомыхъ не пришло на мысль пригласить его въ день сюрприза въ Рожествено; но какъ онъ имѣлъ обыкновеніе каждый разъ подавать князю аффишу, когда князь Дмитрій Владиміровичъ пріѣзжалъ въ театръ, въ свою ложу, то Арсеньевъ, желая быть и въ этотъ разъ аккуратнымъ, въ ту минуту, когда зрители заняли мѣста, явился въ залѣ спектакля въ камергерскомъ вице-мундирѣ и почтительно поднесъ аффишу князю. Князь Дмитрій Владиміровичъ едва успѣлъ сказать ему два слова, какъ предусмотрительный Арсеньевъ, исполнивъ свой пріятный, какъ онъ говорилъ, долгъ, сѣлъ въ коляску и ускакалъ обратно, на почтовыхъ, домой».

[584]) «Репетиція на станціи, или доброму служить—сердце лежитъ». Аналогическій водевиль. Репертуаръ и Пантеонъ 1845 г. № 10. Смѣсь стр. 254.

Относительно Кокошкина Араповъ ограничивается замѣчаніемъ: «обстоятельства не позволили тогда просвѣщенному любителю отечественнаго театра Ѳ. Ѳ. Кокошкину лично участвовать въ сюрпризѣ, но стихи его, для этого случая сочиненные, были прочитаны А. А. Б.». Подъ обстоятельствами, помѣшавшими Кокошкину пріѣхать 29 Октября 1829 г. въ Рожествено, надо предполагать не благопріятные для кн. Голицына результаты хлопотъ его объ устройствѣ въ Москвѣ частнаго французскаго театра г-жи Карцовой, оказавшіеся, благодаря Кокошкину, какъ разъ къ началу Ноября 1827 г.

Вопросъ о заведеніи въ Москвѣ Французскаго театра, о которомъ подробно будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, явился роковымъ для Кокошкина. На немъ впервые столкнулись самолюбія кн. Голицына и кн. Волконскаго и впервые же опредѣлилась оппозиція Кокошкина старому начальству. Личное расположеніе кн. Голицына къ иностранному, въ особенности къ французскому, репертуару подкрѣплялось постоянными сѣтованіями высшаго Московскаго общества на отсутствіе въ столицѣ Французскаго театра. Съ другой стороны, желаніе кн. Голицына имѣть по прежнему «свой» театръ побуждало его къ настойчивому ходатайству предъ Государемъ о разрѣшеніи частной французской антрепризы, съ пособіями и льготами, явно противорѣчившими интересамъ Императорскихъ Московскихъ театровъ. На этихъ то льготахъ кн. Голицынъ и получилъ еще въ Апрѣлѣ 1827 г. первый отпоръ Кокошкина, энергично поддержанный кн. Волконскимъ [585]). Кокошкинъ убѣди-

[585]) Общ. Арх. Мин. И. Д. Канцел. М-ва. Дѣло 1827 г. № 63/234.

тельно доказалъ Министру всю несообразность требованій назойливой антрепренерши Московской французской труппы г-жи Карцовой, покровительствуемой Генералъ-Губернаторомъ. 4 Ноября 1827 г. [586]) дѣло казалось оконченнымъ: отъ г-жи Карцовой отобрана подписка о томъ, «чтобы она впредь не осмѣливалась утруждать никого просьбами объ учрежденіи въ Москвѣ французскаго театра». Но въ Январѣ 1828 г. вопросъ объ ангажементѣ французской труппы опять возобновился, при чемъ кн. Голицынъ настаивалъ на полномъ устраненіи отъ этого дѣла Кокошкина и на порученіи его с. с. Арсеньеву, «имѣющему къ сему отличныя свѣдѣнія и способности». Въ дальнѣйшихъ переговорахъ, встрѣчая основательныя возраженія Кокошкина, кн. Голицынъ не стѣснялся даже инсинуаціями противъ него и 10 Іюня 1830 г. [587]) писалъ кн. Волконскому: «Ne vous laissez pas induire en erreur par les jérémiades de Directeur du théatre Impériale de Moscou». И бѣдному Кокошкину приходилось оправдываться. «Съ сокрушеніемъ сердца видѣлъ я,—писалъ онъ 7 Августа 1830 г. кн. Волконскому,—несправедливую на меня досаду Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, какъ будто бы я защищаю собственную мою пользу. Если я представленъ скорбящимъ и плачущимъ, то не обижаюсь тѣмъ, ибо скорблю о части мнѣ ввѣренной, которую по долгу присяги и чести обязанъ охранять отъ всего того, что можетъ быть оной вредно, и не жертвовать казенною пользою постороннимъ прихотямъ и выгодамъ. Прежнія мои Вамъ донесенія, когда дѣло шло о вы-

[586]) Ibid. Дѣло 1828 г. № 83/186.
[587]) Ibid. Дѣло 1830 г. № 101/227.

пискѣ французской труппы въ 1827 г. свидѣтельствуютъ, сколько я желалъ, чтобы въ Москвѣ былъ Французскій спектакль. Не имѣя послѣ уже къ тому никакого способа я сдѣлалъ соглашеніе съ Нѣмецкою труппою, которая нынѣ, не обременяя ничѣмъ Дирекцію, не престаетъ помогать сборамъ Московскаго театра, слѣдовательно я не ненавистникъ иностранныхъ спектаклей, какъ извѣстно мнѣ, враги мои меня представляютъ. Я даже всегда утверждалъ и утверждаю, что для русскаго театра нужны образцы изящнаго и благороднаго театральнаго искусства и предпочтительно методы французской. Но всѣ сіи неправедныя на меня нареканія никогда не ослабятъ моего рвенія и усердія къ службѣ моей, подъ защитою благодѣтельнаго и правосуднаго начальства Вашего». А позднѣе, 22 Ноября 1830 г. [588]), указывая на вѣроятность дефицита, благодаря эксплуатаціи самой уже Дирекціей французской труппы, при недостаточномъ сборѣ по абонементу, Кокошкинъ опять повторялъ Министру: «Съ 1827 г. желая присоединенія къ Московскому театру французской труппы, я не долженъ опасаться, чтобы сіи замѣчанія мои были причтены мнѣ въ нежеланіе имѣть французскіе спектакли, какъ то часть Московской публики заключила. Я не могъ, конечно, желать частнаго французскаго спектакля, какъ совершенно раззорительнаго подрыва Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, но свидѣтельствую передъ Вашимъ Сіятельствомъ, что всегда почиталъ и почитаю первымъ средствомъ къ поддержанію Московскаго театра имѣть при ономъ прилич-

[588]) Ibid.

ную столицѣ, хорошо собранную французскую труппу, какъ для усиленія сборовъ онаго, такъ и для того, чтобы имѣть достойныхъ образцовъ еще въ Россіи младенствующаго театральнаго искусства».

Разъ хорошія отношенія Московскаго Генералъ-Губернатора къ Дирекціи были нарушены, почва для столкновеній была всегда на лицо. Съ своей стороны, кн. Голицынъ всегда находилъ поводы для вмѣшательства въ театральныя дѣла и въ большинствѣ случаевъ не въ пользу Дирекціи, примѣры чему можно, какъ мы сейчасъ укажемъ, прослѣдить изъ году въ годъ.

7 Января 1828 г. [589]) кн. Голицынъ писалъ Министру Двора: «Находящаяся въ Москвѣ для показыванія публикѣ искусства вольтижировки иностранка Стефани жалуется мнѣ, что Дирекція тамошняго театра не иначе дозволяетъ ей дѣлать свои представленія, какъ въ три и въ четыре часа пополудни, а какъ въ таковое время бываетъ время обѣда, то къ ея представленіямъ и не могутъ многіе пріѣзжать, чрезъ что самое терпитъ она убытки. Таковую просьбу Стефани я нахожу справедливою, тѣмъ болѣе, что здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) вольтижеру Турніеру дозволено дѣлать свои представленія въ одно время съ дающимися спектаклями на Императорскихъ театрахъ. По сему, прежде, нежели я приступлю къ распоряженію, желаю имѣть согласіе Вашего Сіятельства на дозволеніе Стефани дѣлать ея представленія въ Москвѣ въ 6 часовъ пополудни, по примѣру того, какъ сіе дозволено здѣсь, а потому прошу покор-

---

[589]) Ibid. Дѣло 1828 г. № 62/156.

нѣйше Васъ, Милостивый Государь Мой, увѣдомить меня о семъ, съ тѣмъ, что ежели Вы изволите согласиться на оное, то не угодно ли будетъ предписать о томъ Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, тѣмъ болѣе, что когда оная была подъ моимъ вѣдѣніемъ, то таковыя дозволенія я всегда дѣлалъ. NB. Надѣюсь на немедленный Вашего Сіятельства по сему предмету благосклонный отзывъ». На это кн. Волконскій отвѣтилъ, что вольтижеры Турніеръ и Кіарини даютъ въ Петербургѣ свои представленія одновременно съ казенными, на условіи уступки въ пользу Дирекціи Турніеромъ $^1/_3$ сбора, а Кіарини половины сбора. Давъ такой отвѣтъ кн. Голицыну, Министръ Двора въ то же время предписалъ Московской Конторѣ дозволить г-жѣ Стефани представленія въ 6 часовъ пополудни, если она согласится уступить Дирекціи часть своихъ сборовъ.

8 Января 1829 г. [590]) бенефисъ актрисы Сабуровой по запискѣ, присланной послѣ 5 часовъ пополудни, изъ канцеляріи Московскаго Коменданта, былъ отмѣненъ вслѣдствіе мороза, который, по показанію Кокошкина, въ 4 часа пополудни доходилъ лишь до $16\frac{1}{2}^0$. Бенефисъ былъ перенесенъ на 9 Января и Дирекція потеряла сборъ одного спектакля. Кокошкинъ, конечно, донесъ объ этомъ Министру. Кн. Волконскій, справившись съ Петербургскими порядками, по которымъ спектакли отмѣнялись лишь при морозѣ свыше 18^0 (въ 4 часа пополудни) и не иначе, какъ распоряженіемъ самой Дирекціи, просилъ кн. Голицына предоставить отмѣну спектаклей и въ Москвѣ

[590]) Ibid. Дѣло 1829 г. № 73/214.

самой Дирекціи, безъ вмѣшательства ордонансъ гауза. Но онъ встрѣтилъ въ данномъ случаѣ категорическій отпоръ кн. Голицына, который 14 Февраля 1829 г. отвѣтилъ кн. Волконскому, «что въ Москвѣ давно заведенъ и существуетъ порядокъ такой, что ежели въ 4 часа пополудни стужа превышаетъ 18^0, то Московскій Комендантъ посылаетъ въ Контору театра сказать, что за таковою стужею спектакль отмѣняется и съ тѣмъ вмѣстѣ наряженная команда роспускается. Измѣнить сей порядокъ и принять вмѣсто онаго порядокъ, существующій въ С.-Петербургѣ, съ предоставленіемъ самой Театральной Дирекціи отмѣнять спектакли за стужею, кажется, будетъ не удобно, ибо въ С.-Петербургѣ находится все главное начальство и самъ Государь Императоръ, а потому всегда имѣется ближайшій надзоръ за исполненіемъ постановленныхъ правилъ. Въ Москвѣ же во всемъ, относящемся до полицейской части, должно отвѣчать главное мѣстное начальство, а не театральное; и слѣдовательно, всего приличнѣе Коменданту имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы военныя и полицейскія команды не были напрасно требуемы тогда, когда стужа превышаетъ 18 градусовъ».

Въ особенное затрудненіе ставилъ кн. Голицынъ Московскую Дирекцію во время холеры 1830 г., какъ бы завѣдомо и систематически игнорируя интересы театра. На цѣлый рядъ запросовъ Московской Конторы о закрытіи спектаклей по случаю эпидеміи онъ либо отмалчивался, либо давалъ уклончивые отвѣты, не соглашаясь ни на исполненіе спектаклей, ни на объявленіе о ихъ закрытіи. Можно предполагать, что въ данномъ случаѣ кн. Волконскій руководствовался по-

литикой, необходимой при тревожномъ состояніи столицы во время холеры, но онъ могъ конечно проводить эту политику, развязавъ руки Дирекціи и не принуждая ее къ завѣдомо напрасной репертуарной работѣ.

Послѣднее столкновеніе кн. Голицына съ кн. Волконскимъ, въ которомъ косвенно былъ заинтересованъ и Кокошкинъ произошло уже въ 1831 г., за нѣсколько дней до отставки Кокошкина. Въ этомъ столкновеніи кн. Голицынъ, прикрывая свое личное самолюбіе благочестіемъ и религіознымъ чувствомъ Москвы, проявилъ особенную настойчивость и энергію, рискуя даже протестовать противъ одобреннаго самимъ Государемъ распоряженія Дирекціи. 23 Февраля 1831 г., по докладу Министра Двора, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на исполненіе въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли В. Поста двухъ нѣмецкихъ спектаклей. Кн. Голицынъ запретилъ эти спектакли (изъ которыхъ одинъ былъ бенефисный, въ пользу нѣмецкихъ артистовъ) и тѣмъ ввелъ Дирекцію въ убытокъ. Кокошкинъ донесъ о распоряженіи кн. Голицына кн. Волконскому. По докладу Государю этого обстоятельства, Императоръ Николай Павловичъ 13 Марта 1831 г. повелѣлъ спросить кн. Голицына: «На чемъ основано запрещеніе имъ нѣмецкихъ спектаклей для иностранцевъ въ дни ихъ масленницы, тогда какъ Дирекція имѣла на то Высочайшее разрѣшеніе по примѣру прошлаго года и сообразно съ Петербургскими театрами, на коихъ таковые спектакли даются ежегодно и тогда, какъ самъ кн. Голицынъ дозволилъ дать во вторникъ маскарадъ въ Московскомъ нѣмецкомъ клубѣ, о чемъ было публично объявлено?» Въ

отвѣтъ на такой запросъ кн. Голицынъ 19 Марта 1831 г. [591]) прислалъ кн. Волконскому слѣдующее письмо:

«Имѣю честь сообщить Вамъ М. Г. для доклада Его Императорскому Величеству, что въ Москвѣ, съ начала существованія оной (?!), никогда не было въ Великій постъ подобныхъ театральныхъ зрѣлищъ въ публичныхъ казенныхъ мѣстахъ, хотя и находились здѣсь французская и другія иностранныя труппы до 1830 г. Въ семъ же году на 1-ой недѣлѣ поста были нѣмецкія представленія, но во время пребыванія моего въ С.-Петербургѣ, гдѣ, не знавъ о семъ распоряженіи, не имѣлъ я возможности и ходатайствовать объ отмѣнѣ таковыхъ спектаклей, породившихъ и тогда разные толки въ здѣшнихъ жителяхъ, которымъ въ семъ отношеніи ни какъ не могутъ служить примѣромъ даваемые въ С.-Петербургѣ спектакли, гдѣ, по большому стеченію иностранцевъ, общій духъ характера весьма много отличается отъ здѣшнихъ. Сіе доказано опытомъ и въ настоящее время, когда при видимомъ прекращеніи эпидемической болѣзни холеры, для ободренія жителей и поддержанія Московскихъ театровъ, я дозволилъ по представленію г. д. с. с. Кокошкина начать спектакли предъ масленицей въ дни, издавна въ увеселеніи проходившіе, и тогда несмотря на значительное стеченіе въ театрѣ, весьма многіе почитали несовмѣстнымъ открытіе представленій, прежде совершеннаго искорененія болѣзни и принесенія въ томъ благодарственнаго молебствія. Хотя таковыя сужденія по ежедневному явному уменьшенію болѣзни не могли имѣть никакихъ по-

[591]) Ibid. Дѣло 1831 г. № 50/123.

слѣдствій, но тѣмъ не менѣе обнаруживали господствующій характеръ въ Москвѣ.

Если бы убытки нѣмецкихъ актеровъ, которые, по словамъ Вашимъ, обязывали Васъ войти о нихъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, представлены были Государю Императору въ общемъ объемѣ съ положеніемъ столицы, то уповательно не послѣдовало бы Высочайшаго соизволенія на нѣмецкіе спектакли, котораго притомъ по порядку и объявлено мнѣ не было, а при сихъ обстоятельствахъ я считалъ обязанностью моею остановить представленіями, по неимѣнію времени на предварительное о семъ сношеніе съ Вашимъ Сіятельствомъ и въ твердой увѣренности, что Государю Императору болѣе благоугодно будетъ въ несчастномъ положеніи столицы обратить Монаршее свое вниманіе на религіозный духъ жителей, нежели на одни убытки нѣмецкой труппы, особенно, когда во время свирѣпствованія въ Москвѣ холеры почти всѣ граждане оной понесли болѣе или менѣе значительныя потери.

Что же касается до маскарада въ нѣмецкомъ клубѣ даннаго, то оный дозволенъ былъ по существовавшему уже съ давнихъ временъ порядку, который для жителей не казался новымъ и не могъ быть для нихъ соблазнителенъ въ такой мѣрѣ, какъ публичное театральное зрѣлище, тѣмъ болѣе, что маскарадъ былъ въ частномъ домѣ. Хотя же о семъ маскарадѣ и сдѣлано было припечатаніе въ газетахъ, но безъ моего предварительнаго одобренія, о чемъ кому слѣдуетъ тогда же отъ меня замѣчено.

Въ заключеніе обязываюсь присовокупить, что по мнѣнію моему въ древней столицѣ, на которую какъ

на сердце Россіи всегда обращено вниманіе соотечественниковъ нашихъ, никогда не должно бы было дозволять ни спектаклей, во время В. Поста, служащихъ сильнымъ поводомъ къ соблазну русскихъ, ни даже самого маскарада. Если же, не взирая на все сіе Его Императорскому Величеству уже угодно дозволить въ сіи дни нѣмецкій театръ и маскарадъ, то я, для зависящаго по сему предмету распоряженія на будущее время, буду ожидать Высочайшаго разрѣшенія».

На подлинникѣ письма кн. Голицына сохранилась слѣдующая помѣтка кн. Волконскаго: «Хранить въ Канцеляріи до прибытія сюда на дняхъ Московскаго Военнаго Губернатора. 27 Марта 1831 г.» Было ли по этому поводу объясненіе двухъ вельможъ и къ чему оно привело,—остается неизвѣстнымъ, но нѣтъ сомнѣнія, что несвоевременное и неосторожное ходатайство Кокошкина, подарившее кн. Волконскаго непріятною для него отповѣдью Московскаго Генералъ Губернатора, оставило въ Министрѣ досадное чувство и явилось можетъ быть послѣднимъ толчкомъ къ прекращенію театральной карьеры Ѳ. Ѳ. Кокошкина. 13 Апрѣля 1831 г. состоялось назначеніе на должность Директора Московскихъ театровъ М. Н. Загоскина.

Очертивъ внѣшнюю обстановку, въ которой Ѳ. Ѳ. Кокошкину приходилось управлять театрами въ послѣднія пять лѣтъ его службы, мы переходимъ къ обзору организаціи Московской Дирекціи и дѣятельности ея въ этотъ періодъ, съ 1826 г. по 1831 г.

Самымъ существеннымъ вопросомъ для Московской Дирекціи, при переходѣ ея въ вѣдѣніе Министерства Двора, явился вопросъ о Штатѣ. На первое время, за отказомъ кн. Волконскаго признать значе-

ніе Голицынскаго Штата 1825 г., дѣйствующимъ Штатомъ явился Штатъ 1809 г., принаровленный къ подчиненію Московскихъ театровъ общей Дирекціи въ Петербургѣ, а слѣдовательно несоотвѣтствовавшій положенію ихъ ни въ 1822 г., подъ главнымъ начальствомъ Московскаго Генералъ-Губернатора, ни въ 1826 г., когда Московская Дирекція явилась отдѣльнымъ учрежденіемъ Министерства Двора. Кн. Волконскій, колебавшійся въ установленіи организаціи Петербургскихъ театровъ, издавшій для нихъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ два Штата, 1827 и 1829 г., тѣмъ менѣе могъ принять быстрое рѣшеніе относительно Штата Московскаго, вопреки усиленнымъ стараніямъ Кокошкина ускорить выясненіе этого вопроса.

Въ продолженіе 3½ лѣтъ Московская Дирекція оставалась въ неопредѣленномъ положеніи и наконецъ 1 Апрѣля 1830 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго ея Штата, составленнаго по образцу Петербургскаго Штата 1 Октября 1829 г. Оба эти штата составлены, какъ надо думать, непосредственно въ Канцеляріи Министерства Двора, при участіи Директора ея д. с. с. И. Ситникова, но по сношенію съ Директорами театровъ: кн. Гагаринымъ въ Петербургѣ и Кокошкинымъ въ Москвѣ. Оба штата, за сдѣланными впослѣдствіи частными перемѣнами, оставались, какъ это ни странно, дѣйствующими въ теченіе слишкомъ полустолѣтія, вплоть до реформы театровъ обѣихъ столицъ съ началомъ царствованія Императора Александра III.

Для выясненія сравнительнаго масштаба разверстки денежнаго отпуска на содержаніе театральнаго управленія обѣихъ столицъ, мы приводимъ здѣсь паралельно оба штата: Петербургскій и Московскій.

ДОЛЖНОСТИ.	Петербургъ (Штатъ 10-го октября 1829 г.). Классъ.	Число лицъ.	Годовые оклады. Жалов. Руб.	Столов. Руб.	Итого въ годъ. Одному. Руб.	Всѣмъ. Руб.	Москва (Штатъ 1-го апрѣля 1830 г.). Классъ.	Число лицъ.	Годовые оклады. Жалов. Руб.	Столов. Руб.	Итого въ годъ. Одному. Руб.	Всѣмъ. Руб.
Директоръ театровъ	3	1	4000	4000	8000	8000	4	1	3000	3000	6000	6000
Ему на экипажъ	—	—	—	—	—	3000	—	—	—	—	—	1800
При немъ секретарь	9	1	1200	800	2000	2000	—	—	—	—	—	—
Начальникъ репертуарной части	7	1	1800	1200	3000	3000	—	—	—	—	—	—
Въ Москвѣ—Инспекторъ по репертуарной части	—	—	—	—	—	—	7	1	1500	1000	2500	2500
Въ Москвѣ—Его помощникъ, онъ же секретарь при Директорѣ	—	—	—	—	—	—	9	1	900	600	1500	1500
Переводчикъ иностранныхъ языковъ	9	1	1200	800	2000	2000	9	1	900	600	1500	1500
По конторѣ.												
Управляющій конторою	5	1	3000	2000	5000	5000	6	1	1800	1200	3000	3000
Столоначальниковъ	10	2	900	600	1500	3000	10	2	600	400	1000	2000
Экзекуторъ	9	1	1200	800	2000	2000	—	—	—	—	—	—
Его помощникъ	12	1	750	450	1200	1200	—	—	—	—	—	—
Бухгалтеръ	9	1	1500	1000	2500	2500	9	1	900	600	1500	1500
Его помощникъ	10	1	900	600	1500	1500	10	1	600	400	1000	1000
Контролеръ	9	1	1500	1000	2500	2500	—	—	—	—	—	—
Его помощникъ	10	1	900	600	1500	1500	—	—	—	—	—	—
Казначей	9	1	1200	800	2000	2000	9	1	900	600	1500	1500
Журналистъ, онъ же и архиваріусъ	10	1	900	600	1500	1500	10	1	600	400	1000	1000
Писцовъ старшихъ	—	6	450	300	750	4500	—	3	360	240	600	1800
Писцовъ младшихъ	—	6	300	200	500	3000	—	3	250	150	400	1200
Смотрителей за сборами	—	3	600	400	1000	3000	—	2	600	400	1000	2000
Смотрителей за театрами	—	3	600	400	1000	3000	—	2	600	400	1000	2000
Курьеровъ	—	2	300	—	300	600	—	—	—	—	—	—
На капельдинеровъ и инвалидовъ	—	—	—	—	—	15000	—	—	—	—	—	12000
На канцелярскіе расходы	—	—	—	—	—	3800	—	—	—	—	—	1500
Въ Москвѣ.—На жалованье разносчикамъ афишъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	600
Въ Москвѣ.—На наемъ трубочистовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
ИТОГО	—	35	—	—	—	73600	—	21	—	—	—	44800

Примѣчаніе. «Чиновникамъ, которые не будутъ помѣщаться въ нанимаемыхъ Дирекціею домахъ, производить квартирныя деньги съ утвержденія Министра Императорскаго Двора и тѣмъ изъ нихъ, кои по своей обязанности должны быть въ одинъ день на разныхъ театрахъ, давать экипажи отъ Театральной Дирекціи». Послѣдняя часть примѣчанія объ экипажахъ относилась только къ Петербургской Дирекціи.

Въ приведенныхъ штатахъ [592]) обращаетъ на себя вниманіе значительное превышеніи окладовъ жалованья и столовыхъ по Петербургскому штату противъ окладовъ чиновникамъ тѣхъ же классовъ по Московскому. Эта разница оправдывается до нѣкоторой степени существовавшимъ тогда въ Петербургѣ, но едва ли справедливымъ фактически, мнѣніемъ, что Московская жизнь дешевле Петербургской. Но, съ принятіемъ этого оправданія, слѣдуетъ признать непослѣдовательность Московскаго Штата 1830 г., такъ какъ совершенно необъясненнымъ является назначеніе въ обѣихъ столицахъ одинаковыхъ окладовъ содержанія по должностямъ смотрителей за сборами и смотрителей за театрами. Расходъ на содержаніе театральнаго управленія въ Москвѣ съ новымъ штатомъ повысился на 30%, такъ какъ до 1830 г. оно обходилось фактически всего около 33.000 р. [593]), не смотря на то, что по Кокошкинскому балансу 1826 г. опредѣлялось суммой 49.000 р.

При утвержденіи Московскаго Штата, Министръ

---

[592]) Арх. СПБ. Конторы. И. Т. Сб. Выс. Пов. кн. II, стр. 289—297.

[593]) Общ. Арх. Мин. И. Д. Контроль М-ва Дѣло 1828 г. № 760/80.

Императорскаго Двора очевидно былъ поставленъ въ курсъ важнѣйшихъ перемѣнъ личнаго состава Московской Дирекціи, которыя намѣчались Кокошкинымъ, съ упраздненіемъ должностей двухъ членовъ конторы и съ учрежденіемъ должности инспектора репертуарной части. Этимъ объясняется слѣдующій текстъ даннаго кн. Волконскимъ 2 Апрѣля 1830 г. [594]) предписанія Кокошкину: «При семъ препровождаю къ Вашему Превосходительству для надлежащаго исполненія Высочайше конфирмованный въ 1-ый день сего Апрѣля Штатъ Дирекціи Императорскихъ Московскихъ театровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю Вамъ:

1-ое, изъ состоящихъ нынѣ въ Московской театральной Дирекціи чиновниковъ избрать достойнѣйшихъ и распредѣлить въ должности по новому Штату сообразно ихъ способностямъ и представить мнѣ о нихъ списокъ на утвержденіе;

2-ое, для опредѣленія въ должность Инспектора по репертуарной части пріискать способнаго къ сему чиновника и кто будетъ Вами избранъ мнѣ донести;

3-ье, какъ члены бывшей Московской театральной Дирекціи остаются теперь за Штатомъ, то изъ нихъ Статскому Совѣтнику Арсеньеву объявить, чтобъ онъ избралъ себѣ другое мѣсто для службы,—въ противномъ же случаѣ будетъ причисленъ къ Герольдіи, а о надворномъ совѣтникѣ Загоскинѣ представить мнѣ, не желаетъ ли онъ занять должность Управляющаго Конторой Московскихъ театровъ и согласны ли Вы на сіе»?

Высочайшимъ указомъ 20 Апрѣля 1830 г. н. с. Загоскинъ былъ назначенъ управляющимъ Конторою, а

---

[594]) Ibid. Канцелярія М-ва Дѣло 1830 г. № 99/225.

с. с. Арсеньевъ причисленъ къ Герольдіи. Такимъ образомъ Кокошкинъ избавился отъ неудобнаго для него подчиненнаго, но конечно пріобрѣлъ въ немъ явнаго недоброжелателя, тѣмъ болѣе опаснаго, что Московскій Генералъ-Губернаторъ вскорѣ же назначилъ Арсеньева состоящимъ при себѣ по особымъ порученіямъ и какъ увидимъ далѣе, всячески выдвигалъ его, какъ соперника Кокошкину въ завѣдываніи излюбленнымъ кн. Волконскимъ французскимъ театромъ.

Образъ дѣйствія Кокошкина при введеніи въ жизнь новаго Штата навлекъ на него справедливое неудовольствіе Министра Двора. Избалованный прежнимъ «фамусовскимъ» режимомъ нѣкотораго произвола и непотизма, подъ которымъ велось театральное дѣло при высшемъ начальствѣ кн. Голицына, не стѣсняемомъ рамками твердыхъ и точныхъ постановленій, Кокошкинъ и въ примѣненіи новаго Штата надѣялся провести свои личныя симпатіи и протекцію. Представляя списокъ чиновниковъ, назначаемыхъ по новому штату, Кокошкинъ пытался устроить совмѣщеніе должностей и окладовъ содержанія для двухъ титулярныхъ совѣтниковъ: Верстовскаго и Величкина. По поводу Верстовскаго Кокошкинъ отмѣчалъ въ спискѣ такъ: «Инспекторъ по репертуарной части титулярный совѣтникъ и кавалеръ Верстовскій. Нынѣ занимаетъ должность Инспектора музыки съ жалованьемъ 2.000 р. и по обязанности репетитора оперы 1.000 р. изъ суммы, опредѣленной для оркестра. По отличному его знанію музыки, а равно и по достаточной способности къ части репертуарной, что весьма рѣдко находится совокупно,—я испрашиваю начальническаго Вашего утвержденія г. Верстовскаго

въ званіи инспектора по части репертуарной и—по неразрывной связи оной съ частью музыки, вмѣстѣ и инспектора музыки, съ тѣмъ, чтобъ по первой должности получалъ онъ жалованье по вновь утвержденному Штату конторы 2.500 р., а по обязанности инспектора музыки, изъ суммы на оркестръ опредѣленный только 1.500 р. Изъ остающейся отъ прежняго оклада суммы—соглашенъ также весьма знающій свое дѣло отставной прапорщикъ Есауловъ, въ должность репетитора оперы, съ жалованьемъ изъ суммы оркестрной по 1.000 р. въ годъ. Симъ соединеніемъ двухъ непосредственно связанныхъ частей репертуарное дѣло неминуемо пойдетъ гораздо успѣшнѣе. Репетиторъ будетъ заниматься единственно своею, весьма важною частью, а симъ способомъ сохраняется въ суммѣ, на оркестръ назначенной,—500 р.». Въ данномъ случаѣ комбинація Кокошкина находила серьезное оправданіе въ дѣйствительной пользѣ службы, но этотъ элементъ былъ значительно слабѣе въ ходатайствѣ Московскаго Директора о совмѣщеніи въ лицѣ тт. с. Величкина должностей смотрителя Малаго театра и смотрителя за сборами. По поводу назначенія Величкина на послѣднюю должность Кокошкинъ отмѣчалъ въ спискѣ: «Титулярный совѣтникъ Величкинъ, нынѣ находящійся Смотрителемъ Малаго театра. По отличному усердію и испытанной честности сего чиновника, я всепокорнѣйше прошу утвердить онаго въ обоихъ сихъ званіяхъ. Ему же нынѣ поручается дѣлать и всѣ закупки по гардеробу». Кн. Волконскій 15 Мая 1830 г. [595]) заставилъ Кокошкина передѣлать

[595]) Ibid.

списокъ, высказавъ замѣчаніе: «Штатъ Дирекціи Московскихъ театровъ только что утвержденъ и сдѣланъ по согласію Директора, теперь, при самомъ началѣ, дѣлаетъ онъ уже отступленіе соединеніемъ двухъ мѣстъ, дабы давать болѣе содержанія и отступаетъ отъ Высочайше утвержденнаго штата, на что я не могу согласиться». Въ передѣланномъ Кокошкинымъ и утвержденномъ 26 Іюня 1830 г. спискѣ, противъ имени Верстовскаго было отмѣчено: «При Директорѣ: Инспекторъ по репертуарной части, титулярный совѣтникъ Верстовскій,—оный, до пріисканія на то способнаго человѣка, будетъ занимать безъ жалованья должность инспектора музыки, почему, по данному на то позволенію, осмѣливаюсь испрашивать о назначеніи къ получаемому имъ по штату жалованью 1.500 руб. и столовыхъ 1.000 р.—квартирныхъ 500 р.». Смотрителемъ за сборами назначенъ былъ тт. с. Величкинъ, а Смотрителемъ Малаго театра—отставной Штабъ-Ротмистръ Никитинъ.

Кокошкину не удалось дождаться установленія штатовъ артистической части, которое послѣдовало лишь въ 1831 г. при управленіи театрами Загоскинымъ.

Составъ артистической части Московскихъ театровъ, въ эпоху перехода ихъ въ Министерство Двора, не достигалъ еще, даже въ первокласныхъ амплуа, тѣхъ размѣровъ, какіе намѣчались прежнимъ управленіемъ и расходы на содержаніе артистовъ, фактически были значительно ниже, опредѣленныхъ Кокошкинскимъ балансомъ 1826 г., который въ свою очередь соображенъ былъ съ приведеннымъ въ 5 главѣ настоящаго труда Голицинскимъ штатомъ 1825 г., Кокошкинъ, представляя отчетъ за 1827 годъ [596]) (т. е. за

---

[596]) Ibid. Контроль Мин-ва Дѣло 1828 г. № 760/60.

время съ 1 Марта 1827 г. по 1 Марта 1828 г.) указывалъ на полученныя по нѣкоторымъ частямъ сбереженія «противъ штата», которыя, были довольно значительны, такъ напримѣръ: по Россійской труппѣ—23.839 р. 50 к., по балету—22.326 р. 98 к. и по оркестру—7.522 р. 12 коп.

Численность артистовъ драматической труппы въ 1827 г., 62 человѣка, была ниже опредѣленной Голицинскимъ штатомъ въ 73 человѣка, въ балетѣ же и въ оркестрѣ число артистовъ нѣсколько превышало штатное, а именно: въ балетѣ на 10 человѣкъ, а въ оркестрѣ на 3 человѣка. Драматическая труппа, послѣ 1826 г. обогатилась ангажементомъ талантливыхъ артистовъ: актрисы Надежды Рѣпиной и Софьи Кураевой, комика Казанцева и въ 1828 г.—артистовъ пѣвцовъ—Булахова и Бантышева. Балетъ же пріобрѣлъ талантливаго танцовшика и сочинителя балетовъ Фортуната Бернарделли.

Большинство артистовъ и въ труппахъ и въ оркестрахъ служило безъ контрактовъ. Кн. Волконскій выступилъ настойчивымъ противникомъ заключенія контрактовъ съ артистами русскими подданными. Эта настойчивость особенно рѣзко проявилась въ вопросѣ о возобновленіи ангажемента актера Александра Сабурова. Въ концѣ 1828 г. Кокошкинъ испрашивалъ разрѣшенія Министра на заключеніе контракта съ актеромъ Сабуровымъ, съ 1 Января 1829 г. на 3 года, съ жалованьемъ по 3.500 руб., на гардеробъ по 500 р. въ годъ и съ дачею ему одного бенефиса, причемъ объяснялъ, «что Сабуровъ занимаетъ весь амплуа, находящагося въ С.-Петербургѣ актера Сосницкаго, играетъ въ комедіяхъ, водевиляхъ и даже большихъ

операхъ, занимаетъ роли молодыхъ любовниковъ и вертопраховъ, играетъ комическія и демикарактерныя роли и сверхъ того употребляется въ танцахъ. Онъ изъ числа воспитанниковъ Императорской Театральной школы, отслужилъ положенный законами 10-ти лѣтній срокъ и по выслугѣ онаго получилъ право контрактоваться съ Дирекціей, какъ вольный уже артистъ. Такъ какъ актеръ сей, любимый публикой, одинъ держитъ различныя амплуа, то Дирекція находитъ его необходимымъ для театра Онъ получаетъ въ годъ жалованья 1500 р., на гардеробъ 500 р., на квартиру 300 р., дровъ 7 саж. и бенефисъ». Несмотря на рядъ такихъ основательныхъ доводовъ Кокошкина, ходатайство его не было удовлетворено. Директоръ Канцеляріи Министерства Двора И. А. Ситниковъ 29 Марта 1829 г. [597]) сообщилъ Кокошкину, что онъ нѣсколько разъ докладывалъ Министру о дѣлѣ Сабурова, «но Его Сіятельство не рѣшается утвердить представленіе конторы Дирекціи Императорскаго Московскаго театра о заключеніи контракта съ актеромъ Сабуровымъ, доколѣ не будутъ составлены новые штаты театрамъ. Сверхъ того Его Сіятельство полагаетъ, что съ артистами русскими подданными и не должно заключать никакихъ контрактовъ». Вопросъ былъ вновь возбужденъ лѣтомъ 1829 г., но кн. Волконскій 5 Августа 1829 г. отвѣтилъ: «Контрактъ съ Сабуровымъ не заключать, бенефиса не давать, а можно удвоить его нынѣшнее жалованье, давъ 3000 р. въ годъ и 500 р. на гардеробъ».

Однако, когда тотъ же вопросъ коснулся пользы

---

[597]) Ibid. Канц. Мин-ва Дѣло 1828 г. № 34/187.

оперы, получившей тогда преобладающее значеніе въ Московскомъ репертуарѣ, кн. Волконскій поступился своимъ убѣжденіемъ:—онъ разрѣшилъ заключить трехлѣтній контрактъ съ актеромъ-пѣвцомъ Бантышевымъ, положивъ резолюцію «Исполнить» на рапортѣ Московской Конторы отъ 19 Августа 1829 г. [598]) Въ рапортѣ этомъ, интересномъ, между прочимъ, для біографіи Бантышева и для характеристики тогдашнихъ взглядовъ на бенефисы, дѣло было изложено такъ: «опредѣленный въ число актеровъ Императорскаго Московскаго театра, по предписанію Вашего Сіятельства отъ 22 числа Января прошедшаго 1828 г. за № 246, изъ дворянъ коллежскій регистраторъ Александръ Олимпіевъ сынъ Бантышевъ, сложившій въ послѣдствіе времени сіе званіе, подалъ въ Контору 11 числа Февраля сего года прошеніе объ увольненіи его отъ службы Дирекціи. Вслѣдствіе сей его просьбы объявлено ему было, что по существующимъ постановленіямъ онъ долженъ прослужить 6 мѣсяцевъ (?) со времени поданной отъ него просьбы. Между тѣмъ Контора, находя прекрасный голосъ, талантъ и службу г. Бантышева весьма полезными для театра, вошла съ нимъ въ соглашеніе и повѣсткою отъ 22 Іюля за № 898 объявила ему, что она желаетъ его сохранить въ числѣ артистовъ Московскаго Императорскаго театра, а потому спрашивала, не перемѣнилъ ли онъ своего желанія и не хочетъ ли продолжать по прежнему службу свою при здѣшнемъ театрѣ? На сію повѣстку г. Бантышевъ, поданнымъ отъ него донесеніемъ 26 числа того же Іюля, объявилъ слѣдующія

[598]) Ibid. Канц. М-ва. Дѣло 1829 г. № 79/221.

требованія: чтобы жалованье его увеличить до 3000 р., оставя при немъ прежде получаемый имъ окладъ квартирныхъ денегъ по 300 руб. въ годъ и при томъ назначить ему на гардеробъ по 400 руб., сверхъ того ежегодный полный бенефисъ въ осеннее время, или въ Маѣ мѣсяцѣ и день для концерта. Контора, будучи весьма довольна усердіемъ и успѣхами въ пѣніи и театральномъ искусствѣ г. Бантышева, предложила ему съ своей стороны, повѣсткою отъ 6 числа сего Августа, получаемое доселѣ имъ жалованье 1500 руб. пополнить 500-ми рублями; оставить при немъ прежде производимыя на наемъ квартиры 300 рублей; назначить на гардеробъ 200 руб., бенефисъ лѣтній—полный, или въ осеннее время—пополамъ съ Дирекціею и концертъ великимъ постомъ; при чемъ объявить ему, что, уважая его талантъ и хорошее поведеніе, Дирекція дѣлаетъ все отъ нея зависящее, для удовлетворенія сего, получившаго здѣсь уже достаточное образованіе, молодого артиста, въ ожиданіи, что онъ упражненіемъ въ пѣніи и театральной игрѣ потщится достигнуть той опытности, которая дѣлаетъ артиста совершеннымъ. Наконецъ, по многимъ словеснымъ убѣжденіямъ Дирекція склонила г. Бантышева остаться при Московскомъ театрѣ, съ тѣмъ однако же чтобы и сверхъ предложенныхъ ему окладовъ, выше сего означенныхъ, прибавить къ гардеробнымъ деньгамъ еще 200 руб., такъ чтобы онъ получалъ ежегодно: жалованья по 2000 р., на наемъ квартиры по 300 р. и на гардеробъ по 400 руб.; сверхъ того бенефисъ въ зимнее время, пополамъ съ казною и концертъ великимъ постомъ, и на семъ основаніи заключить съ нимъ контрактъ на три года. Донося о семъ Ва-

шему Сіятельству, Контора Дирекціи Императорскихъ Московскихъ театровъ долгомъ поставляетъ испрашивать начальническаго Вашего по сему предмету разрѣшенія, присовокупляя при томъ, что актеръ Бантышевъ, подавая надежду на будущее усовершенствованіе и нынѣ уже рачительнымъ своимъ служеніемъ и прекраснымъ талантомъ, вполнѣ заслуживаетъ испрашиваемую имъ прибавку, которую Контора предполагаетъ сдѣлать на счетъ суммъ, опредѣленныхъ по штату на означенные предметы. Что же касается до назначаемаго ему полубенефиса, то опытъ доказываетъ, что вообще всѣ полубеневисы не только не вредятъ выгодамъ Дирекціи, но *приносятъ значительную пользу,* ибо во первыхъ: почти всегда пріобрѣтаются симъ способомъ безденежно новыя пьесы, а во вторыхъ и половинный сборъ на часть Дирекціи, почти всегда превышаетъ, или по крайней мѣрѣ уравнивается, обыкновенному по годовой сложности сбору съ казенныхъ спектаклей; ибо всякій изъ бенефиціантовъ имѣетъ въ городѣ своихъ знакомыхъ и доброжелателей».

Надо замѣтить, что вообще 1828 годъ являлся исключительно благопріятнымъ для Московскихъ артистовъ, по сравненію съ предыдущими, въ смыслѣ повышеній окладовъ содержанія. Какъ мы уже упомянули выше, кн. Волконскій еще въ Ноябрѣ 1826 г. закрылъ прибавки жалованья и поддерживалъ запрещеніе въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ. 27 Іюня 1829 г. [599]), по представленію Кокошкина, Министръ Двора впервые разрѣшилъ прибавки жалованья сразу

[599]) Ibid.

шести актерамъ и одной актрисѣ, впрочемъ, на скромную въ общемъ сумму 1.550 руб. въ годъ.

Заботы объ оперѣ вполнѣ оправдывались въ то время сборами съ ея представленій, державшимися главнымъ образомъ на успѣхѣ пѣвцовъ Лаврова, Бантышева, Рѣпиной и Булахова. Кокошкинъ постарался также организовать хорошій хоръ, получившій уже въ то время серьезное значеніе въ оперѣ. Численность мужского хора пѣвчихъ не превышала 15 человѣкъ, при регентѣ, которымъ состоялъ тогда Дмитрій Семеновъ. Пѣвчіе состояли на поспектакльной платѣ. Эта система оплаты хора отражалась конечно какъ на увеличеніи вечеровыхъ расходовъ при спектакляхъ, доходившихъ въ 1827 г. до 33.000 р., такъ и на положеніи самихъ хористовъ, не обезпеченныхъ опредѣленнымъ заработкомъ. При закрытіи театровъ по случаю траура въ 1826 г. и въ 1828 г. Кокошкину приходилось ходатайствовать о выдачѣ на это время пѣвчимъ по 10 рублей въ мѣсяцъ каждому. Испрашивая 15 Ноября 1828 г. [600]) пособіе хористамъ, Кокошкинъ указывалъ, что «люди сіи, не получающіе никакого отъ Дирекціи жалованья и по случаю закрытія театровъ, не имѣя вечеровой платы, вынужденными найдутся искать другихъ способовъ къ пропитанію и, можетъ быть, для сего отлучатся изъ Москвы; и черезъ то разстроится весь театральный хоръ, который по новому и хорошему своему составу можетъ назваться отличнымъ, а сверхъ того хористы и при самомъ бездѣйствіи театра необходимы въ репетиціяхъ, имѣющихъ назначаться для пріуготовленія

[600]) Ibid. Дѣло 1828 г. № 83/186.

репертуара, за которыя имъ, кромѣ испрашиваемаго жалованья, никакой уже другой платы производимо не будетъ». Ходатайство Кокошкина было уважено кн. Волконскимъ.

Кокошкинъ въ оперномъ репертуарѣ проводилъ преимущественно волшебныя, вошедшія тогда въ моду, оперы, и, главнымъ образомъ, произведенія русскихъ композиторовъ. На обстановку оперъ обращалось особенное вниманіе. 11 Октября 1827 г. [601]) Кокошкинъ писалъ И. О. Ситникову: «Скудное прошлое лѣто и краткость текущаго карнавала, который мѣсяцемъ короче обыкновеннаго, заставили меня поставить привлекательныя новости, дабы менѣе, по крайней мѣрѣ, было недобору въ доходахъ нынѣшняго года. Успѣхъ увѣнчалъ труды наши: опера «Невидимка» много дала и будетъ давать сбора, такъ что расходы на нее сугубо уже заплачены». Волшебная опера въ 4 д. «Князь Невидимка», съ музыкой Кавоса въ новой постановкѣ, въ 1-й разъ дана была въ Москвѣ 30 Августа 1827 г. Въ объявленіи о спектаклѣ этой оперы, уже позднѣе, въ 1829 году [602]), обстановка ея описывалась такъ: «Машины устроены машинистомъ г. Шрейдеромъ, какъ то: полеты; столъ, превращающійся въ огненную рѣку; дубъ, раздѣляющійся на двѣ части, изъ коего вылетаетъ Полель на облакѣ; мостъ, по которому проходятъ черные рыцари чрезъ всю сцену и который тотчасъ разрушается; слонъ, механически устроенный, натуральной величины, на коемъ Личардо превращается въ различные виды; выростающая рука Цымбалды; гора, превращающаяся въ море; кустъ, изъ

[601]) Ibid. Дѣло 1827 г. № 63/234.

[602]) Московскія вѣдомости. 1829 г. № 3.

коего дѣлается гротъ; храмъ, занимающій всю широту сцены и спускающійся на облакахъ съ многочисленною группою геніевъ и амуровъ, позади коего видна прозрачная радуга». Въ оперу «Князь Невидимка» входилъ балетъ сочиненія Глушковскаго и сраженія, сочиненія Малышева. Давалась эта опера, какъ и всѣ вообще обстановочныя пьесы, на Большомъ театрѣ и преимущественно по воскресеньямъ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія преобладаніе крупныхъ и блестящихъ постановокъ какъ въ оперѣ, такъ и въ балетѣ, положило начало развитію на Императорскихъ театрахъ обѣихъ столицъ сценической машинной техники для выполненія разныхъ превращеній, полетовъ и разрушеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ манипуляціи съ машинами оказывались опасными для участвующаго на сценѣ персонала и для рабочихъ, а потому возможное усовершенствованіе этого дѣла являлось предметомъ особыхъ попеченій обѣихъ Дирекцій. 17 Мая 1831 г. [603]) Директоръ Петербургскихъ театровъ кн. Гагаринъ такъ предписывалъ С.-Петербургской Конторѣ: «По случаю происшествія 13 Мая [604]) на Большомъ театрѣ бывшаго, Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ изъискать средство дѣлать на сценѣ разрушенія не разными людьми, а посредствомъ машинъ однимъ человѣкомъ,—а потому предписываю Конторѣ созвать всѣхъ машинистовъ и объявя имъ о семъ, потребовать отъ нихъ письменныхъ проектовъ къ исполненію сей Высочайшей воли.

---

[603]) Общ. Арх. Мин. И. Д. Дир. И. Т. Дѣло 1831 г. № 16.

[604]) Къ сожалѣнію, документами Архива не выясняются ни сущность происшествія 13 Мая 1831 г., ни результаты рѣшенія заданной машинистамъ задачи.

Вторымъ примѣромъ обстановочныхъ пьесъ того времени въ Москвѣ можно указать волшебную оперу въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Панъ Твардовскій», сочиненія М. Н. Загоскина,—первое крупное музыкальное произведеніе А. Н. Верстовскаго, «Московскаго Орфея», какъ его назвалъ П. Араповъ. Въ 1-й разъ эта опера была дана 24 Мая 1828 г. на Большомъ Московскомъ театрѣ. Исполнителями ея явились: Лавровъ—въ роли пана Твардовскаго, Воеводинъ—Болеславскаго, Рѣпина—Юліи, Булаховъ—Красицкаго и Бантышевъ—цыгана Гикши [605]). Опера, эта имѣла въ Москвѣ большой успѣхъ, поставленная же позднѣе, въ Январѣ 1829 г. въ Петербургѣ, прошла незамѣченной.

Особенной роскошью обстановки хотѣлъ блеснуть Кокошкинъ въ большой 4-хъ актной волшебной оперѣ Кавоса «Илья Богатырь». Еще въ Августѣ мѣсяцѣ 1828 года [606]) писалъ онъ Министру: «Контора Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, заботясь о усиленіи репертуара для поддержанія сборовъ, полагаетъ полезнымъ поставить немедленно оперу «Илья Богатырь», представленіе которой безъ сомнѣнія принесетъ значительную выгоду Дирекціи. Постановленіе сей оперы тѣмъ необходимѣе, что выписываемая изъ Парижа Французская труппа прибудетъ сюда въ скоромъ времени и отвлечетъ большую часть здѣшней лучшей публики. Слѣдовательно *только великолѣпные спектакли,* дѣйствующіе на всѣ классы зрителей, могутъ поддержать сборы русскаго театра. Постановленіе оперы «Илья Богатырь» по исчисленіямъ Дирекціи будетъ стоить по части костю-

[605]) Н. О. Финдейзенъ «Алексѣй Николаевичъ Верстовскій».
[606]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва Дѣло 1828 г. № 82/180.

мовъ, декорацій, машинъ и прочаго до 7000 рублей. Контора, не смѣя сама собою приступить къ столь значительной издержкѣ, долгомъ почитаетъ испрашивать на сіе разрѣшенія Вашего Сіятельства». Кн. Волконскій разрѣшилъ эти «значительныя издержки», блѣднѣющія передъ расходомъ въ 89.000 р. проектировавшимся на монтировку оперы «Олимпія» въ Петербургѣ. Трауръ по Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ задержалъ постановку оперы «Илья Богатырь» въ 1828 году и первое представленіе этой пьесы въ Москвѣ состоялось лишь 13 Января 1829 г. Позднѣе въ 1830 г. поставлена была еще большая волшебная опера въ 5 дѣйствіяхъ «Иванъ Царевичъ», съ музыкой Полякова.

Драматическій репертуаръ Московскихъ театровъ въ общемъ шелъ по слѣдамъ Петербургскаго. Преобладали переводныя пьесы съ французскаго, но ставились и произведенія Шиллера: «Разбойники», «Донъ Карлосъ», а также Шекспира: «Отелло венеціанскій мавръ» и «Гамлетъ», въ переводѣ съ французскаго Висковатаго. Изъ оригинальныхъ пьесъ того времени слѣдуетъ отмѣтить имѣвшую большой успѣхъ комедію Загоскина «Благородный театръ». Благодаря примѣру Петербурга и спросу на представленіе комедіи «Горе отъ ума» Грибоѣдова, Кокошкину пришлось поступиться своей личной антипатіей и поставить отрывокъ этой пьесы въ Москвѣ. 11 Іюля 1830 г. [607]) былъ исполненъ въ Большомъ театрѣ «Московскій балъ»—3-е дѣйствіе изъ комедіи въ стихахъ «Горе отъ ума» [608]).

---

[607]) Московскія вѣдомости. Іюль 1830 г.

[608]) Въ Петербургѣ 1-е представленіе отрывка изъ «Горе отъ ума», а именно сцены 1-го дѣйств. этой комедіи состоялось еще 2 Декабря 1829 г., а 3-е дѣйств., или Московскій

Репертуаръ русскаго театра въ Москвѣ былъ также широко открытъ и для мелодрамы. Особенный успѣхъ имѣла пьеса Дюканжа «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», въ переводѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, съ музыкой Верстовскаго, шедшая въ 1-й разъ 26 Января 1828 г., а также пьесы: «Обріева собака или лѣсъ при Бонди» романтическая мелодрама Пиксерикура, «Жоко Бразильская обезьяна» въ переводѣ Р. Зотова, съ музыкой Эльстера, «Убійца и сирота», обѣ въ переводѣ Р. Зотова и «Смерть Каласа», соч. Дюканжа, въ переводѣ Ѳ. Кони. Изъ оригинальныхъ пьесъ этого рода слѣдуетъ отмѣтить поставленную въ 1827 г. «Керимъ-гирей», романтическую трилогію въ 5 дѣйствіяхъ, соч. кн. В. Шаховскаго, съ музыкой Кавоса.

При интересныхъ постановкахъ Дирекція не стѣснялась затратами, такъ напримѣръ для пьесы «Жоко» [609]) былъ приглашенъ иностранецъ Шпрингеръ, которому за постановку этой мелодрамы и за исполненіе въ ней роли обезьяны уплочено было въ 1827 г. по 300 р. за спектакль и 10 р. порціонныхъ въ день, всего за 6 спектаклей 1.800 р. и за 18 дней 180 рублей. Отвѣчая патріотическому чувству Москвичей во время Турецкой компаніи, Кокошкинъ поставилъ, между прочимъ, на Большомъ театрѣ «Переходъ россійскихъ войскъ черезъ Балканскія горы», современное представленіе въ 1 дѣйствіи, которое было исполнено въ 1-й разъ 18 Декабря 1829 г.

Тоже мелодраматическое, героическое и фанта-

балъ» было дано въ 1 разъ 5 Февр. 1830 г. (В. О. Боцяновскій «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ». Ежегодникъ И. Т. Сезонъ 1893-95 Прилож. 3 стр. 45).

[609]) Общ. Арх. М. И. Д. Контроль М. Дѣло 1828 г. № 760/80.

стическое направленіе преобладало и въ балетѣ, который, по признанію самого Кокошкина, являлся тогда «первымъ и главнымъ средствомъ къ содержанію Московскаго театра» [610]). Въ балетномъ репертуарѣ того времени слѣдуетъ отмѣтить: «Смерть Атиллы, царя Гунновъ, прозваннаго бичемъ рода человѣческаго», трагическій балетъ въ 6 частяхъ сочиненія Бернарделли, музыка Кубишты, а также балеты: «Ричардъ Львиное сердце въ Палестинѣ» того же Бернарделли и большой балетъ «Сошествіе Геркулеса въ адъ, или Альцеста».

Изрѣдка репертуаръ разнообразился гастролями пріѣзжихъ изъ Петербурга артистовъ, такъ въ Августѣ и Сентябрѣ 1827 г. въ Московскихъ спектакляхъ участвовалъ Сосницкій, въ 1828 г. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ—Ежовъ, а въ Сентябрѣ—Семенова и въ 1829 г.—актеръ Брянскій.

Съ 1827 года Кокошкинъ сталъ устраивать въ Великомъ посту концерты отъ Дирекціи, но они не имѣли успѣха, встрѣтивъ конкуренцію пріѣзжихъ артистовъ, примѣръ которой мы уже указали, говоря о представленіяхъ волтижерки Стефани. 21 Февраля 1828 г. [611]) Кокошкинъ писалъ Министру: «Контора Дирекціи Императорскаго Московскаго театра долгомъ почитаетъ представить при семъ записку о суммѣ, собранной при концертѣ 19-го числа сего мѣсяца и о расходѣ при ономъ, изъ коей Ваше Сіятельство благоволите усмотрѣть незначительность доходовъ отъ дирекціонныхъ концертовъ, едва достаточныхъ для

[610]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1827 г. № 63/234.

[611]) Общ. Арх. Мин. И. Д. Канц. Мин-ва Дѣло 1828 г. № 62/156.

удовлетворенія вечеровыхъ расходовъ, что вынуждаетъ Контору на будущее время не назначать болѣе казенныхъ концертовъ. Въ воскресенье 18 минув. Марта мѣсяца Дирекція обязана дать концертъ въ пользу Инвалидовъ [612]) и дабы не остаться при однихъ расходахъ, то воспретитъ въ тотъ день представленіе г-жи Стефани». 8 Марта того же года Контора доносила, «что она удостовѣрясь на самыхъ опытахъ, при первыхъ объявленныхъ концертахъ, въ невыгодности доходовъ отъ оныхъ, тѣмъ болѣе полагаетъ оныхъ вовсе не давать, кромѣ необходимаго концерта въ пользу Инвалидовъ, назначеннаго 18 числа сего мѣсяца, что нынѣ концертовъ въ Москвѣ посторонними артистами публично даваемыхъ, уже столько, что едва ли не большая часть изъ оныхъ обходится самимъ артистамъ въ убытокъ. Вслѣдствіе чего Дирекція полагаетъ выгоднѣйшимъ, и по крайней мѣрѣ безъ убытка, дозволять нѣкоторымъ изъ посторонихъ артистовъ давать оные въ концертной залѣ Большого театра, за что получаетъ съ нихъ платы

---

612) Концерты въ пользу Инвадиловъ, отчасти по отсутствію особой заботливости объ ихъ привлекательности, а главнымъ образомъ благодаря вообще обилію въ то время въ Москвѣ великопостныхъ концертовъ, оказались убыточными. Концертъ 18 Марта 1827 г. далъ всего сбора 185 р., расходъ же по концерту оказался въ 229 р. 20 к. и убытокъ въ 44 р. 20 к. пришлось отнести на счетъ Московской Конторы. Уже и отъ прежнихъ годовъ Московская Дирекція числила, какъ то видно изъ ея отчетныхъ вѣдомостей, «состоящими въ долгу на инвалидахъ по таковымъ же случаямъ 229 р. 64 к., которыя имѣютъ быть возвращены въ суммы Дирекціи изъ сборовъ при будущихъ въ пользу ихъ представленіяхъ». (Ibid. Контроль М-ва Дѣло 1827 г. №756/419).

по сту рублей ассигнаціями, безъ всякихъ уже со стороны своей расходовъ».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Кокошкинъ дѣлалъ исключеніе и не взималъ платы съ особенно талантливыхъ пріѣзжихъ концертантовъ, такъ напримѣръ: 5 Августа 1830 г. [613]) Кокошкинъ рапортовалъ: «что Берлинская пѣвица г-жа Зонтагъ [614]) давала свои концерты на Большомъ Петровскомъ театрѣ, безъ всякихъ условій и на ея собственныхъ расходахъ: и хотя съ обыкновенныхъ талантовъ Дирекція получала иногда какъ за театральную, такъ и за концертную залы по 100 рублей за вечеръ, но уважая превосходное дарованіе и Европейскую славу г-жи Зонтагъ, я за дни ея концертовъ не требовалъ съ нея ничего. Изъ числа данныхъ ею концертовъ два послѣдніе удостоены были присутствія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича».

Въ конкуренціи съ частной антрепризой, исключая впрочемъ иностранной, о которой будетъ сказано ниже, Московская Дирекція была довольно сильна, благодаря тенденціи Министерства Двора всячески поддерживать привиллегію Дирекціи на зрѣлища въ столицахъ, проведенной и въ Высочайше утвержденномъ положеніи объ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театрахъ 13 Ноября 1827 года.

Болѣе серьезной и опасной для Московскихъ театровъ оказывалась конкурренція Петербургскихъ, а именно въ вопросѣ ангажемента артистовъ, такъ

---

[613]) Ibid. Канцелярія М-ва. Дѣло 1830 г. № 104,233.

[614]) Генріетта Зонтагъ — первая пѣвица Двора Его Величества Короля Прусскаго, какъ ее именовали въ объявленіяхъ о концертахъ.

какъ Петербургская Дирекція, повидимому, не особенно стѣснялась въ такъ называемомъ «сманиваніи» ихъ.

Первое столкновеніе по этому поводу произошло на ангажементѣ любимца Московской публики, талантливаго комика В. И. Рязанцева. Дѣло было такъ: 24 Февраля 1828 г. [615]) Московская Контора рапортовала Министру: «Мѣщанскій сынъ, Василій Ивановъ, сынъ Рязанцевъ, 29 Сентября 1821 г. взошелъ въ школу Императорскаго Московскаго театра шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ коей долженъ былъ образоваться въ театральномъ искусствѣ, а вмѣстѣ и другихъ преподаваемыхъ въ оной наукахъ, съ тѣмъ, чтобы квартиру и столъ имѣлъ въ Школѣ, а на приличное одѣваніе производилось ему изъ Конторы по 150 руб. въ годъ. Послѣ совершеннаго образованія его въ Школѣ, отъ дня выпуска его, Рязанцева, онъ обязанъ былъ прослужить въ благодарность Дирекціи 5 лѣтъ, на то содержаніе, какое Дирекція по способности его назначить ему разсудитъ, въ чемъ тогда же взята съ него и отца его, Московскаго мѣщанина Ивана Семенова сына Рязанцева подписка, съ тѣмъ—при томъ, чтобы во все время бытности его при театрѣ отецъ платилъ за него бездоимочно всѣ государственныя подати и бралъ отъ Думы для прожитія его въ Москвѣ билеты. Въ 1824 г. Дирекція, по усмотрѣнію въ означенномъ Рязанцевѣ способности къ театральному искусству, выпустила его изъ Школы въ актеры, съ жалованьемъ по 800 р., на квартиру по 150 р. и дровъ по 5 саж. въ годъ, съ дачею ему единовременнаго вознагражденія на

[615]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1827 г. № 71/167.

обзаведеніе 150 руб. и сверхъ того причислила ему одинъ годъ службы, то есть со дня вступленія его до выпуска на амплуа. Впослѣдствіи же четырехъ лѣтъ, Рязанцевъ, еще будучи принадлежащимъ Дирекціи, получалъ уже жалованья 1.200 руб., на квартиру 150 р. и дровъ 5 саж. въ годъ. Сіе доказываетъ, что Контора Московскаго театра, кромѣ попеченій своихъ объ образованіи Рязанцева, заботилась и о безбѣдномъ его содержаніи, по мѣрѣ возможности. Въ началѣ 1826 г. Дирекція, въ силу Указа Правительствующаго Сената 31 Іюля 1823 г., обязала Рязанцева подпискою, дабы онъ, согласно 2-му пункту онаго, испросилъ отъ мѣщанскаго общества увольненіе и обезпечилъ платежъ податей до слѣдующей ревизіи, а полученное по сему свидѣтельство представилъ бы Конторѣ, для представленія онаго въ Правительствующій Сенатъ о разрѣшеніи на утвержденіе его въ службѣ Дирекціи, чего онъ однако же еще и доселѣ не исполнилъ и остается въ мѣщанскомъ званіи. Наконецъ, еще до истеченія срока пятилѣтней его службы, который минетъ 1-го числа будущаго Марта мѣсяца сего года, Дирекція взошла съ нимъ въ переговоры на счетъ заключенія контракта на будущее трехлѣтіе. Рязанцевъ просилъ старшій окладъ жалованья, т. е. по четыре тысячи рублей въ годъ и полный бенефисъ, а Дирекція впослѣдствіи предлагала ему на первое еще трехлѣтіе жалованья по 3.000 р. въ годъ и половину бенефиса лѣтомъ. Но онъ, Рязанцевъ, 17 числа сего мѣсяца поданнымъ въ Контору прошеніемъ донесъ, что вышесказаннаго предложенія Дирекціи принять не можетъ, просилъ уволить его отъ службы и снабдить надле-

жащимъ аттестатомъ. А между тѣмъ Конторѣ партикулярно извѣстно, будто бы ему Рязанцеву Дирекція Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, приглашая его въ службу, назначаетъ жалованья по 4.000 р. въ годъ, полный бенефисъ на издержкахъ Дирекціи и проч. выгоды. Кромѣ же того, будто бы обѣщаютъ ходатайствовать о причисленіи ему 5 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ службѣ при Императорскомъ Московскомъ театрѣ. Въ правилахъ, Высочайше конфирмованныхъ 4-го Ноября 1822 года, при отдѣленіи Императорскаго Московскаго театра отъ С.-Петербургской Дирекціи, въ § 15, сказано: «Артисты съ Московскаго театра на С.-Петербургскій не могутъ быть иначе переводимы, какъ съ обоюднаго согласія той и другой Дирекціи». А въ § 16-мъ— «артиста, уволеннаго отъ службы изъ одного театра хотя не возбраняется принять на другой, но при семъ случаѣ, для соблюденія взаимныхъ выгодъ обѣихъ Дирекцій, постановляется правило: чтобы та Дирекція, которая приметъ къ себѣ таковаго артиста, безъ предварительнаго на то согласія обѣихъ мѣстъ, отнюдь не имѣла права причислять лѣта службы, проведенныя имъ прежде при другомъ театрѣ къ числу годовъ, дающихъ право на пенсіонъ». А по сему Контора съ одной стороны относитъ къ лицу актера Рязанцева явную его неблагодарность за тѣ попеченія, кои прилагала она въ образованіи его къ сценическимъ познаніямъ, ведущимъ его къ значительнымъ выгодамъ по службѣ; съ другой—не полагаетъ правильнымъ (буде бы сіе точно было) дѣйствіе Конторы Дирекціи Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, по несоблюденію вышеозначенныхъ Высочайше кон-

фирмованныхъ правилъ и тѣмъ болѣе къ явному вреду Императорскаго Московскаго театра, что Контора Дирекціи Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, по способамъ ея, много превосходящимъ способы Московской Дирекціи, имѣетъ всѣ средства по выгодамъ, предоставленнымъ здѣшнимъ артистамъ въ жалованьѣ и прочемъ содержаніи, лишить Московскіе театры многихъ лучшихъ артистовъ, составляющихъ привлекательность сцены, изъ коихъ большая часть молодыхъ людей обязаны образованіемъ своимъ въ театральномъ искусствѣ трудамъ и попеченіямъ Директора Московскаго театра, ибо учителя для сего искусства при ономъ театрѣ и по штату не положено. Контора Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, изложивъ здѣсь со всею подробностью всѣ обстоятельства о перемѣнѣ актеромъ Рязанцовымъ мѣста служенія, долгомъ почитаетъ просить покорнѣйше Ваше Сіятельство на будущее время оградить Московскую Дирекцію на счетъ подобныхъ переходовъ артистовъ, поелику, если допустить оныя, то Московская Дирекція, при слабыхъ средствахъ въ ея финансахъ, неминуемо, при всѣхъ неусыпныхъ попеченіяхъ своихъ, лишится средствъ пользоваться талантами любимыми публикою и доставляющими значительныя выгоды оной».

Вопросъ былъ переданъ кн. Волконскимъ въ Комитетъ Управленія Императорскими С.-Петербургскими театрами, который 10 Марта 1828 г. донесъ, «что С.-Петербургская Дирекція сама собою не приглашала къ себѣ въ службу актера Рязанцева, но онъ самъ просилъ объ опредѣленіи его сюда, объявляя, что онъ совершенно на сіе свободенъ». Далѣе, ссылаясь

на тотъ же § 16 правилъ 4 Марта 1822 г., Комитетъ прибѣгнулъ къ весьма низкопробной діалектикѣ и объяснилъ, что онъ «не находилъ препятствія согласиться принять въ службу Рязанцева, коль скоро онъ представитъ удостовѣреніе въ томъ, что онъ дѣйствительно отъ Московскаго театра уволенъ, тѣмъ болѣе, что С.-Петербургскіе театры весьма нуждаются въ комедіяхъ, операхъ и водевиляхъ въ сюжетѣ на амплуа первыхъ слугъ, весельчаковъ, на комическія роли простяковъ и т. п., кои Рязанцевъ занимаетъ съ отличнымъ успѣхомъ. При чемъ, однако же, ему объявлено, что онъ теряетъ года службы, проведенные при Московскомъ театрѣ, ибо онъ поступаетъ на С.-Петербургскіе по собственной своей просьбѣ и не съ согласія Московской Дирекціи, на что онъ, Рязанцевъ, и согласился, а просилъ токмо включить въ его контрактъ кондицію, что буде онъ впослѣдствіи своими дарованіями и усердіемъ отличится, то *Комитетъ принимаетъ на себя ходатайство* предъ кѣмъ слѣдуетъ, о зачисленіи ему вышеозначенныхъ лѣтъ въ дѣйствительную службу. Что Комитетомъ и принято на основаніи 14 пункта Высочайше конфирмованнаго 13 Ноября 1827 г. положенія о пенсіонахъ артистовъ Императорскихъ театровъ, въ коемъ изображено: «вышедшій въ отставку артистъ и поступающій опять къ театру теряетъ прежде прослуженное время и вновь начинаетъ служеніе. Токмо въ случаяхъ особеннаго уваженія къ обстоятельствамъ и дарованіямъ артиста, Министръ Императорскаго Двора въ правѣ разрѣшить, чтобы прежніе годы зачислены были къ непрерывной дѣйствительной его службѣ». Слѣдовательно Комитетъ, имѣя выгоды, что

Рязанцевъ долженъ еще при здѣшнихъ театрахъ заслуживать причисленіе къ службѣ его годовъ, проведенныхъ при Московскомъ театрѣ и черезъ то быть тѣмъ болѣе полезенъ,—не сочелъ уже нужнымъ сноситься съ Московскою Дирекціею, которая, по *всѣмъ вѣроятіямъ*, на переводъ его бы согласилась, ибо нѣтъ выгодъ для Дирекціи имѣть у себя артиста въ службѣ, противу его собственной воли и тогда С.-Петербургская Дирекція лишилась бы вышеозначенной выгоды. Комитетъ, донося о семъ Вашему Сіятельству, имѣетъ честь при семъ, во исполненіе предписанія, возвратить обратно рапортъ Конторы Императорскаго Московскаго театра о вышеозначенномъ предметѣ».

На рапортѣ Комитета кн. Волконскій 11 Марта 1828 г. [616]) положилъ такую резолюцію: «Замѣтить Комитету отступленіе отъ правилъ, съ тѣмъ чтобы впредь сего не случалось, ибо отъ сего разстраивается труппа въ Москвѣ». Но Московскому театру не было отъ того легче: онъ лишился талантливаго артиста, изъ за прибавки 1000 р. въ годъ, суммы въ то время значительной для скромнаго Московскаго бюджета. Рязанцевъ удачно дебютировалъ въ Петербургѣ 4 Апрѣля 1828 г. и былъ принятъ въ тамошнюю драматическую труппу съ окладомъ въ 4000 руб. въ годъ [617]).

[616]) Ibid.

[617]) Карьера актера Рязанцева въ Петербургѣ была весьма непродолжительна: 27 Іюня 1831 г., разгоряченный послѣ спектакля, онъ выпилъ стаканъ холоднаго кваса, ночью заболѣлъ холерой, утромъ 28 Іюня скончался и въ тотъ же день вечеромъ похороненъ на холерномъ участкѣ Смоленскаго кладбища въ Петербургѣ (В. Михайловскій «Актеръ

Вообще Московской Дирекціи, при столкновеніяхъ ея интересовъ съ интересами Петербургскихъ театровъ, приходилось играть страдательную роль. Такое столкновеніе произошло, между прочимъ, по поводу авторскаго вознагражденія за пьесу Загоскина, «Благородный театръ». 8 Февраля 1829 г. [618]) членъ Комитета Управленія С.-Петербургскими театрами кн. Гагаринъ вошелъ съ слѣдующимъ представленіемъ къ Министру Двора: «При вступленіи моемъ въ управленіе Россійской труппы нашелъ я новую комедію «Благородный театръ», принятою въ Дирекцію на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ 13-го Ноября 1827 г. Пьеса эта дана была здѣсь уже три раза и сдѣлала сбора 6283 р. 40 к., съ коихъ по упомянутому разсчету слѣдуетъ сочинителю 418 р. 89 к. Усматривая изъ сего, съ одной стороны, что по достоинству пьесы и успѣху, который она имѣла, выгоды казны будутъ того требовать, чтобы ее играть чаще, а съ другой, видя, что подобное учащеніе, при хорошихъ сборахъ, составитъ въ нѣсколько лѣтъ весьма значущую сумму, слѣдующую автору,—я вошелъ съ нимъ въ переписку и склонилъ его на единовременную плату 2000 рублей, съ выдачею притомъ и доселѣ причитающихся 418 р. 89 к. Вслѣдствіе чего и испрашиваю разрѣшенія Вашего Сіятельства о выдачѣ г. Загоскину изъ суммъ здѣшней Дирекціи 1000 р. и предписанія Вашего Московскому театру о заплатѣ ему остальныхъ 1000 рублей, ибо означенная комедія игралась до сего времени и на Москов-

---

В. И. Рязанцевъ». Ежегодникъ И. Т. Сезонъ 1899—1900 г. Приложеніе 2, стр. 20).

[618]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва Дѣло 1829 г. № 74/215.

скомъ театрѣ, на томъ же основаніи поспектакльной платы и, по отношенію ко мнѣ Директора Московскаго театра, принесла до 16.000 р. въ первыя 10 представленій, съ каковаго сбора слѣдующую автору часть онъ, по служенію своему при Московскомъ театрѣ, уступилъ оному безвозмездно, слѣдовательно, послѣ сихъ 10 представленій Московскій театръ обязанъ будетъ заплатить для вѣчнаго пріобрѣтенія въ свою собственность означенной комедіи—1000 р. и за разы, сыгранные послѣ 10 репрезентацій. Каковая сдѣлка для обѣихъ Дирекцій будетъ выгодна и избавитъ ихъ отъ тягостной платы поспектакльныхъ денегъ, кои въ короткое время превзошли бы 2000 р., на кои сочинитель теперь согласился».

Кн. Волконскій, не найдя нужнымъ спросить мнѣнія Московской конторы о выгодности этой комбинаціи, одобрилъ ее и отдалъ соотвѣтствующее распоряженіе Кокошкину, который, уплативъ Загоскину 1000 р., съ своей стороны 28 Февраля 1829 г. [619]) ходатайствовалъ на будущее время «постановить правиломъ обѣимъ Дирекціямъ, если на одинъ изъ Императорскихъ театровъ пріобрѣтена будетъ покупкою пьеса и другой театръ найдетъ выгоднымъ поставить оную на своей сценѣ, то долженъ участвовать равною половиною платы, выданной единовременно автору, или переводчику, тѣмъ болѣе что С.-Петербургская Дирекція до сего времени въ отношеніи къ Московскому театру правила сего не сохраняла, ибо контора Дирекціи Импер. Московскаго театра пріобрѣла покупкою большую волшебную оперу «Панъ Твардовскій»

[619]) Ibid. Дѣло 1829 г. 77/218.

за 4000 р., Императорскій С.-Петербургскій театръ поставилъ оную на своей сценѣ и, дававъ, какъ видно изъ присылаемыхъ сюда афишъ, довольно часто, не участвовалъ въ расходѣ, сдѣланномъ по сему предмету здѣшней Дирекціей».

На это послѣдовала резолюція Министра: «Разсмотрѣть въ Театральномъ Комитетѣ, я полагаю сіе основательнымъ». Но кн. Волконскій вскорѣ же измѣнилъ свое мнѣніе, такъ какъ Комитетъ 20 Марта 1829 г. [620]) «вникнувъ въ существо предложенія Кокошкина, нашелъ, что установленіе на предбудущее время таковаго правила противно Высочайше утвержденному штату въ 12-й день Ноября 1827 г.. Въ § 18 о вознагражденіи авторовъ сказано, что пріобрѣтенная единовременною платою пьеса однимъ театромъ дѣлается собственностью всѣхъ; слѣдовательно, установленіе правила, предлагаемаго Директоромъ Московскаго театра, было бы нарушеніемъ штата А какъ предложеніе его (Кокошкина) произошло, вѣроятно, отъ половиннаго платежа за комедію «Благородный театръ», то членъ Комитета по хозяйственной части (кн. Гагаринъ) сдѣлалъ о семъ представленіе въ той единственной цѣли, чтобы сохранить выгоды казны не только для С.-Петербургской Дирекціи, но и для Московской, ибо посредствомъ добровольной сдѣлки съ авторомъ освобождались оба театра отъ тягостной поспектакльной платы, которая впослѣдствіи далеко бы превзошла единовременную сумму. Вслѣдствіе чего Комитетъ опредѣлилъ: рапортовать Г. Министру, что оный находитъ съ своей стороны, дабы Высочайше

---

[620]) Ibid. Дир. И. Т. Дѣло 1829 г. № 592.

утвержденное правило о піесахъ оставить въ прежней своей силѣ, а сдѣлки на половинный платежъ обѣими Дирекціями предоставить особеннымъ случаямъ и обстоятельствамъ, въ коихъ оба театра найдутъ свои выгоды добровольно о семъ условиться». Казуистика опять помогла: правило § 18 Положенія объ авторскомъ вознагражденіи 13 Ноября 1827 г. осталось въ своей силѣ, ходатайство же Кокошкина не получило удовлетворенія.

Обычное въ лѣтнее время паденіе театральныхъ сборовъ и забота Кокошкина объ увеличеніи денежныхъ средствъ Дирекціи привели его къ мысли объ устройствѣ лѣтнихъ публичныхъ увеселеній. Кокошкинъ мечталъ отвести для этого Петровскій паркъ, съ постройкой тамъ солиднаго лѣтняго театра, но эта мечта осуществилась только при дирекціи Загоскина, временно же Кокошкинымъ былъ устроенъ открытый театръ въ Нескучномъ саду на Воробьевыхъ горахъ. Мысль Кокошкина была хорошая: она впервые въ Россіи захватывала широкій планъ устройства въ будущемъ такъ называемаго народнаго театра, но осуществленіе мысли не отвѣтило ожиданіямъ: въ первое время, въ Нескучномъ саду,—въ силу стихійныхъ причинъ, надвинувшейся на Москву въ 1830—1831 гг. холеры, а позднѣе, въ театрѣ Петровскаго парка,—за недостаткомъ горячаго отношенія къ дѣлу со стороны Дирекціи, а главнымъ образомъ, за отсутствіемъ талантливаго и убѣжденнаго распорядителя.

Идея завести лѣтній театръ явилась у Кокошкина къ началу 1830 года. 20 Февраля этого года [621]) Ко-

---

[621]) Ibid. Канц. М-ва Дѣло 1830 г. № 98/221.

кошкинъ представилъ Министру слѣдующій пространный рапортъ:

«Честь имѣю донести Вашему Сіятельству, что закрытіе русскихъ спектаклей на Императорскомъ Московскомъ театрѣ предъ Вел. постомъ благополучно послѣдовало 16-го Февраля. Несмотря на благовременныя мѣры, принятыя мною къ возможному уменьшенію расходовъ и вмѣстѣ усиленію репертуара, лѣтніе прошлаго года, не токмо слабые, но даже и убыточные сборы заставляли меня справедливо опасаться, что по краткости зимняго сего года каранавала едва ли возможно будетъ избѣжать нѣкоторыхъ неминуемыхъ долговъ, но и на сей разъ неутомимыя попеченія и труды Дирекціи не остались тщетными. Хотя до окончанія счетовъ послѣ 1-го Марта мѣсяца, я не могу еще представить Вашему Сіятельству полнаго и подробнаго отчета, но смѣю удостовѣрить, что и нынѣ, какъ и прежде, Московская Дирекція останется безъ долга; тѣмъ болѣе что до окончанія текущаго театральнаго года еще и теперь нѣкоторые сборы съ концертовъ и другихъ представленій поступаютъ въ кассу театра.

По долгу званія моего и безпредѣльному усердію къ пользѣ ввѣренной мнѣ части, изыскивая возможныя средства къ предупрежденію впредь дефицита, я осмѣливаюсь у сего представить Вашему Сіятельству проектъ о построеніи лѣтняго театра въ новонасаждаемомъ уже по Высочайшему повелѣнію паркѣ, отъ подъѣзднаго Петровскаго Дворца, до вновь сооружаемыхъ Тріумфальныхъ воротъ; изъ сего предначертанія моего Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что не одна только польза Московскаго театра, но и

нравственная цѣль мною руководствовала. Да будетъ благоугодна предъ Августѣйшимъ Промыслителемъ о счастіи и благопросвѣщеніи блаженствующаго Имъ народа, сія моя предположительная токмо мѣра, внушенная мнѣ безпредѣльною преданностью моею къ Престолу и благу соотечественниковъ моихъ и да удостоится оное начальническаго Вашего одобренія.

Впрочемъ, долгомъ почитаю объяснить, что если бы я былъ столько счастливъ, что сей проектъ мой удостоился бы Высочайшаго утвержденія, я не менѣе чувствую, что оный не можетъ быть выполненъ иначе, какъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; а между тѣмъ Московскій театръ требуетъ неотлагаемыхъ скорыхъ мѣръ къ своему поддержанію; почему и осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить Ваше Сіятельство о исходатайствованіи Высочайшаго дозволенія давать, хотя въ теченіи будущаго лѣта, вокалы въ Нескучномъ, пріобрѣтенномъ казною покупкою отъ кн. Шаховскаго, въ коемъ, какъ кажется, еще не видно никакихъ и заготовленій къ отдѣлкѣ онаго. Мѣсто сіе есть уже издавна привычное для лѣтняго гулянья всѣхъ вообще Московскихъ жителей—тамъ, въ приготовленномъ нарочно для сего отдѣленіи, всегда давались фейерверки и прочія народныя увеселенія, весьма легко можно въ ономъ устроить и садовый театръ, на коемъ въ хорошее время могутъ быть даваемы приличные тому мѣсту спектакли, дивертисменты и даже конныя представленія, чѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, много поддержатся лѣтніе сборы Московскаго театра. Если же и это будетъ неудобо исполнительно, то покорнѣйше испрашиваю начальническаго Вашего дозволенія пріискать гдѣ либо внѣ, или на въѣздѣ города, партикулярный

садъ, если только таковой можетъ найтись, столько, какъ Нескучный, удобнымъ для вышесказанныхъ дѣйствій театра и употребить для сего нѣкоторыя соразмѣрныя издержки. Совмѣщенія вечерняго гулянья и разнородныхъ зрѣлищъ могутъ вполнѣ удовлетворить публику и тѣмъ доставить въ лѣтнее время, вмѣсто убытка, значительное пособіе Императорскому Московскому театру».

Приложенный къ этому рапорту интересный проектъ Кокошкина мы считаемъ умѣстнымъ привести цѣликомъ:

«*Проектъ о построеніи въ Москвѣ загороднаго театра*».

Московскій Императорскій театръ, слабый въ средствахъ своихъ, ежегодно болѣе и болѣе угрожается неизбѣжнымъ дефицитомъ, по причинѣ слабѣющихъ доходовъ въ лѣтнее время, что опытомъ, несмотря на всевозможное усиленіе и можно сказать, богатство репертуара Московскаго театра, доказалось убыточными сборами прошедшаго лѣта. Сему причиною то, что нынѣ Москва болѣе, нежели прежде, пустѣетъ съ наступленіемъ весны; лучшее общество разъѣзжается по деревнямъ, остающаяся же въ оной публика, изъ разныхъ сословій составленная, естественно спѣшитъ насладиться краткимъ у насъ лѣтнимъ временемъ за городомъ и особенно въ праздничные дни, которые въ зимнее время наиболѣе приносятъ дохода театру; а по сему спектакли на городскихъ театрахъ бываютъ пусты и часто въ убытокъ; ибо въ будни купечество, мѣщанское и ремесленное сословія, по долготѣ дня сидятъ или въ лавкахъ, или за своимъ дѣломъ, почти до 9-ти часовъ вечера, а праздничные дни, какъ выше сказано, про-

водятъ за городомъ. Итакъ, въ сіе гибельное для театра время, единственнымъ пособіемъ представляется устроеніе загороднаго театра, каковымъ средствомъ могутъ совмѣститься вечернія гулянья и театральныя увеселенія, фейерверки и прочія приличныя забавы. Безъ всякой самонадѣянности, побуждаемый токмо усердіемъ къ пользамъ ввѣренной мнѣ части и вмѣстѣ любовью къ благопросвѣщенію соотечественниковъ моихъ, не получившихъ образованія (что часто есть источникъ ихъ пороковъ, исчислять которые было бы здѣсь неумѣстно), я осмѣливаюсь здѣсь представить Вашему Сіятельству проектъ мой. По Высочайшей Волѣ нынѣ насаждается уже отъ подъѣзднаго Петровскаго дворца до вновь воздвигаемыхъ Тріумфальныхъ воротъ огромный паркъ за Тверской заставой. И въ семъ предпріятіи нельзя не видѣть благодѣтельную мысль Милосерднаго Монарха доставить жителямъ древней столицы пріятнѣйшее лѣтнее гулянье и собрать для сего удовольствія въ одно мѣсто всѣ сословія, которыя нынѣ разсѣеваются по многимъ мѣстамъ и не токмо сами гуляютъ безъ удовольствія, но тѣмъ затрудняютъ и полицію, которой присмотръ вездѣ, гдѣ есть сборище, необходимъ. Гдѣ же удобнѣе можетъ быть построенъ лѣтній театръ, какъ не въ семъ паркѣ? И нынѣ много пѣшихъ ходятъ гулять въ Петровскую близъ Подъѣзднаго дворца рощу, а если театръ будетъ устроенъ въ ближнемъ разстояніи отъ заставы, то путь до онаго, въ сравненіи пути до рощи, уменьшится почти двумя верстами; слѣдовательно, можно навѣрно ожидать, что разнообразные на загородномъ театрѣ и даже на открытомъ мѣстѣ даваемые спектакли, соединенные съ пріятнымъ вечернимъ

гуляньемъ, не могутъ быть пусты и содѣлаютъ лѣтніе сборы театра не убыточными уже, но прибыльными.

Теперь приступаю къ нравственной цѣли сего проекта [622]). Предполагаемый театръ сей деревянный на каменномъ или другомъ основаніи, устроенный легкимъ, но особымъ образомъ (какъ уже многократно совѣщался я о семъ съ извѣстнымъ архитекторомъ Бове), предполагается особенно для народныхъ зрѣлищъ, но навѣрное будетъ посѣщаемъ и лучшею остающеюся въ Москвѣ публикою. На ономъ, сверхъ многихъ другихъ, нынѣ существующихъ, нравственныхъ пьесъ, должны быть представляемы нарочно сочиненныя народныя зрѣлища, которыя, во 1-хъ, знакомили бы, хотя нѣсколько, низшій классъ народа съ отечественною исторіею, во 2-хъ, утверждали бы народъ въ свойственной ему преданности къ Престолу, въ покорности властямъ и, въ 3-хъ, представляли бы ему весь позоръ и пагубныя слѣдствія пороковъ, къ несчастію ему обычныхъ, пьянству, лѣни и прочихъ.

Честь имѣю здѣсь представить относящуюся къ первому предположенію народную, съ большимъ спектаклемъ, программу зрѣлища подъ названіемъ: «Княженіе Владиміра Святославовича, или счастіе земли русской», въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Изъ оной Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что спектакль сей еще удобнѣе можетъ быть даваемъ на театрѣ воздушномъ

---

[622]) *Примѣчаніе самого Кокошкина.* «Древнія Греческія зрѣлища явно доказываютъ тогдашнюю цѣль правительства чтобы, забавляя народъ, возбуждать въ немъ религіозныя и гражданскія добродѣтели и представлять ужасныя послѣдствія буйныхъ страстей и вѣчныя терзанія совѣсти, по совершеніи даже невольныхъ преступленій».

изъ зелени, который также весьма легко устроить не въ дальнемъ разстояніи отъ деревяннаго. На семъ открытомъ театрѣ въ хорошее время могутъ быть даваемы многія пьесы, большіе русскіе балеты, дивертисмены, фейерверки и прочіе. Я предполагаю, что загородные спектакли должны быть чаще денные и начинаться лѣтотъ въ 6½ ч. пополудни, а оканчиваться въ 8½ ч., послѣ чего еще лучшее время остается для гулянья въ паркѣ. Иногда же, въ сырое время,— позднѣе и съ освѣщеніемъ. Деревянный театръ, какъ выше имѣлъ честь объяснить, долженъ быть особеннаго устройства, на что, если сей проектъ удостоится Высочайшаго утвержденія и начальническаго вниманія Вашего, имѣетъ быть представленъ чертежъ, въ коемъ первое условіе, въ отношеніи дневныхъ представленій, должно быть то, чтобъ зрители имѣли позади себя заходящее солнце, коего вечеромъ болѣе продолжительный, нежели на востокѣ, свѣтъ, не безпокоя публику, давалъ бы нужное освѣщеніе на сцену. Размѣръ деревяннаго театра въ отношеніи сцены долженъ быть, дабы не обременить казну излишними издержками, приспособленъ къ декораціямъ большого или малаго городскихъ театровъ. Воздушная же сцена, по произволу, для конныхъ иногда представленій. Прелести спектакля на открытомъ воздухѣ, съ вечернимъ освѣщеніемъ, неизъяснимы: я видѣлъ это на опытѣ, когда [623]) у себя на дачѣ, для испытанія, давалъ греческую на русскомъ языкѣ трагедію на обширномъ холмѣ и былъ свидѣтелемъ глубокаго дѣйствія сего представленія на зрителей.

[623]) *Примѣчаніе Кокошкина.* «Описаніе сего спектакля помѣщено было въ «Сѣверной Пчелѣ».

Дабы еще болѣе извлечь пользы изъ сего проекта, я почитаю полезнымъ допустить къ симъ народнымъ представленіямъ многихъ и весьма часто ко мнѣ являющихся изъ купеческаго, мѣщанскаго и прочихъ сословій, страстно желающихъ поступить въ актеры, но коихъ безъ опытности принимать прямо къ театру невозможно. Такимъ образомъ съ строгимъ выборомъ способнѣйшихъ изъ нихъ, подкрѣпленные необходимыми совѣтами, они на опытѣ могутъ показать и средства и дарованія свои. Нѣтъ причины не предполагать, что можетъ быть изъ нихъ возникнуть могутъ не только артисты съ истиннымъ талантомъ, но даже и съ геніемъ, который часто возникая изъ мрака, но озаренный впослѣдствіи ученіемъ, является свѣтиломъ. Я полагаю, что сія мѣра весьма полезна можетъ быть для театральнаго искусства, доселѣ въ Россіи едва ли еще не младенствующаго».

Какъ отнесся въ то время кн. Волконскій къ существенной части проекта, т. е. къ устройству театра въ Петровскомъ паркѣ, остается неизвѣстнымъ, но 6 Марта 1830 г. онъ заготовилъ всеподданнѣйшій докладъ «о позволеніи давать представленія и построеніи лѣтняго воздушнаго театра въ Нескучномъ» и приказалъ Кокошкину представить требуемые планы. Въ Архивѣ сохранилось лишь слѣдующее объясненіе къ нимъ:

«*Описаніе плана*».

A. Партеръ, а въ случаѣнадобности циркъ для конныхъ представленій, тогда скамьи переносятся на сцену.

B. Ложи, покрытыя равентухомъ.

C. Корридоръ передъ ложами, подъ 1-ой галлереей.

D. Лѣстница въ ложи въ 1-ой и 2 галлереи.

E. Балаганъ для уборныхъ и нужныхъ вещей для представленій.

F. Сцена съ поломъ—задняя часть оной представляетъ натуральныя деревья. Боковыя отдѣленія заставляются подставными деревьями, замѣняющими кулисы.

G. Лѣстница на сцену.

H. Оркестръ.

J. Заборъ.

Примѣчаніе «Никакое дерево натуральное въ саду не рубится, мѣсто избрано удобное на лужку, гдѣ необходимо уже копать мѣстами землю».

«Что же касается до смѣты,—рапортовалъ Кокошкинъ,—то архитекторская превосходила 14.000 руб., подрядчики менѣе 16.000 руб., съ ихъ матеріаломъ, не согласились взять; но я предполагаю, что можно экономическимъ образомъ устроить оный театръ не свыше 10.000 руб., а можетъ быть и менѣе, покупая лѣсъ на водѣ, который прямо въ нынѣшнее время рѣкою и подвезется къ Нескучному саду, что гораздо будетъ дешевле всякой другой покупки. Остальные товары покупать на торгахъ, гдѣ всегда оные можно имѣть цѣлою третью дешевле противъ рядскихъ цѣнъ. Выгода Дирекціи будетъ состоять въ томъ, что въ случаѣ прекращенія сихъ воздушныхъ спектаклей весь употребленный лѣсъ возвратится въ экономію театра и замѣнитъ ежегодно покупаемый лѣсъ для сцены и пр. и по цѣнамъ гораздо низшимъ, нежели по торгамъ и справкамъ изъ Городской думы».

Кокошкинъ разсчитывалъ всѣ работы, не теряя времени, закончить къ половинѣ Мая «какъ время

самаго удобнѣйшаго и привлекающаго зрителей къ весеннимъ прогулкамъ», а, дабы не было задержки изъ за денегъ на постройку,—преполагалъ заимствовать ихъ изъ «суммы, назначенной для отдѣлки нѣкоторыхъ удобностей въ купленномъ (у графа Толстого) для школы домѣ, съ возвратомъ оной въ свое время». Несмотря на неоднократныя напоминанія Кокошкина, дѣло затянулось; Министръ былъ въ Варшавѣ и только 17 Мая написалъ Кокошкину, что «Государь Императоръ разрѣшаетъ приступить нынѣ же къ устройству лѣтняго театра въ Нескучномъ саду, на избранномъ Кокошкинымъ мѣстѣ, съ тѣмъ чтобы постройка сія произведена была изъ театральныхъ суммъ и что объ отводѣ Дирекціи нѣкоторыхъ строеній въ томъ саду, нужныхъ для ея распоряженій, Министръ нынѣ же отнесся къ Г. Дѣйств. Тайн. Сов. Князю Юсупову».

Получивъ это сообщеніе лишь 27 Мая, Кокошкинъ на другой же день приступилъ къ работамъ. 11 Іюня 1830 г. Контора театровъ выпустила въ Московскихъ вѣдомостяхъ слѣдующее объявленіе: [624]) «Дирекція Императорскихъ Московскихъ театровъ, не преставая употреблять всевозможныя средства для доставленія столичной публикѣ удовольствія разнородными сценическими увеселеніями, симъ честь имѣетъ извѣстить, что съ Высочайшаго разрѣшенія устроенъ вновь воздушный театръ въ дворцовомъ саду Нескучномъ. На сей, открытой среди натуральной рощи, сценѣ будутъ представляться: водевили, комедіи, драмы, малые балеты и дивертиссменты, а въ заключеніе спектакля

[624]) Московскія Вѣдомости 1830 г. № 47.

фейерверкъ. О днѣ перваго представленія на семъ отдѣленіи Императорскаго Московскаго театра и о подробностяхъ онаго будетъ извѣщено черезъ газеты и особыми афишами».

21 Іюня 1830 г. Кокошкинъ рапортовалъ кн. Волконскому: «До 2-го числа Іюня я долженъ былъ неминуемо заняться пріобрѣтеніемъ по сходной цѣнѣ нужныхъ матеріаловъ и наймомъ работниковъ. 2 числа Іюня приступили къ устройству а 14 числа театръ уже былъ готовъ. Я спѣшилъ сколь возможно скорѣе окончаніемъ онаго по краткости остающагося лѣтняго времени и потому 15 Іюня открылъ на семъ театрѣ 1-й спектакль, водевилемъ въ 1 актѣ «Два учителя», дивертиссментомъ «Семикъ» и большимъ фейерверкомъ. Сіе новое зрѣлище, безъ сомнѣнія дало бы полный сборъ, если бы погода съ утра не была сыра. Несмотря на сіе, спектакль прошелъ безъ дождя и сбору было 1227 руб. При второмъ спектаклѣ, въ среду 18 числа, сбору было (несмотря на то, что день былъ не праздничный) безъ малаго 2000 р. Смѣю удостовѣрить Ваше Сіятельство, что сей небывалый родъ спектакля, какъ пріятнымъ устройствомъ залы театра, ложъ и самой сцены приводилъ зрителей въ какой то родъ восторга. Завтрешній день, въ воскресенье, если погода будетъ благопріятна, я надѣюсь, что сборъ нарочито усилится, къ торжественному же дню Рожденья Государя Императора, въ среду 25 числа, я готовлю при спектаклѣ отличный фейерверкъ и по возможности иллюминацію. Надѣюсь, что при хорошей погодѣ спектакли сіи, заплативъ за расходы при устройствѣ лѣтняго театра, по краткости остающагося лѣтняго времени, будутъ нѣкоторымъ пособіемъ Московскому

театру или по крайней мѣрѣ вознаградятъ убытки, понесенные при спектакляхъ на городскихъ театрахъ. Если Ваше Сіятельство соблаговолите исходатайствовать Высочайшее дозволеніе пользоваться сими зрѣлищами и на будущія лѣта, то нѣтъ сомнѣнія, что бывъ открыты съ Мая мѣсяца, оныя послужатъ къ значительному пособію Московскому театру въ лѣтнее время».

Согласно предположенію Кокошкина, входъ въ садъ Нескучнаго былъ установленъ безплатный. Цѣны же мѣстамъ въ театрѣ были назначены такія: ложи 15 руб., мѣста въ партерѣ — 3 р. 50 к., въ 1-й галлереѣ — 2 р. 50 к. и во 2-й галлереѣ—1 р. 50 к. на ассигнаціи.

Предусматривая обычное закрытіе спектаклей въ Успенскомъ посту съ 1 по 17-е Августа, Кокошкинъ испрашивалъ разрѣшенія на устройство въ это время концертовъ въ Нескучномъ, съ дозволеніемъ «оные прекратить, если бы, сверхъ ожиданія, оные не принесли пользы театру». На это послѣдовало 27 Іюня 1830 г. такое предписаніе Министра: «Я разрѣшаю во время Успенскаго поста давать на лѣтнемъ театрѣ въ Нескучномъ саду только обыкновенные концерты, какіе бываютъ въ Великій постъ, и представленія жонглеровъ и волтижеровъ, а также и фейерверки, но безъ пѣсенниковъ и въ такомъ только случаѣ, когда будетъ приносить это пользу Дирекціи». Концерты эти, однако, не состоялись и были замѣщены частными представленіями физическихъ опытовъ.

Предпріятіе Кокошкина въ Нескучномъ саду имѣло положительный успѣхъ. 5 Іюля 1830 г. онъ рапортовалъ Министру такъ: «По окончаніи счетовъ по строенію театра въ саду Нескучномъ, честь имѣю

донести, что смѣта архитектора сдѣлана была слишкомъ въ 19.000 руб. Призванные мною подрядчики никакъ не соглашались съ ихъ матеріаломъ взять менѣе 16.000 руб. Хозяйственнымъ же моимъ распоряженіемъ и весьма сходною покупкою матеріаловъ все сіе огромное строеніе обошлось въ 10.200 руб. Сіе дешевое и вмѣстѣ пріятное устроеніе, оконченное въ 11 дней, продолжаетъ привлекать не только городскую публику, но изъ ближнихъ дачъ и деревень. Доселѣ погода не совсѣмъ соотвѣтствовала симъ зрѣлищамъ и хотя дождь прекращался за часъ или болѣе до спектакля, но сборы (впрочемъ, гораздо значительнѣйшіе, нежели на городскихъ театрахъ) не были еще полные. 1-ое же Іюля, въ высокоторжественный день рожденія Государыни Императрицы, день былъ прекрасный и сборъ былъ полный,—въ сей день даны были «Казакъ стихотворецъ», водевиль въ 1 дѣйствіи и въ одномъ же дѣйствіи балетъ «Пажи Герцога Вандомскаго». Между спектаклемъ и большимъ фейерверкомъ многочисленная въ саду публика, не помѣстившаяся уже въ театрѣ, толпами гуляла по иллюминованнымъ въ саду аллеямъ. Театръ съ наружной стороны, какъ и въ высокоторжественный день рожденія Государя Императора, былъ кругомъ иллюминованъ, съ вензелевымъ въ сіяніи именемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Сіи новаго рода спектакли, столь привлекательные для всей вообще публики, если погода будетъ благопріятна, нѣтъ сомнѣнія, послужатъ къ значительному приращенію лѣтнихъ сборовъ, ибо въ шесть только спектаклей сумма сборовъ въ оныхъ (не исключая расходовъ) составляетъ нынѣ безъ малаго 12.500 р., и въ первый еще

хорошій сборъ расходы строенія лѣтняго театра будутъ покрыты. Сверхъ того я выстроилъ еще небольшой сарай для закрытія въ сырое время фейерверка, что необходимо было нужно. За скорое окончаніе, прочность и бережливость матеріаловъ въ устройствѣ сего театра я обязанъ отличному усердію и дѣятельности декоратора Ивана Иванова, который, безъ пособія архитектора, выполнилъ съ наилучшимъ успѣхомъ и красивостью сей мой проектъ. Почему испрашиваю у вашего Сіятельства разрѣшенія наградить онаго табакеркою въ двѣсти или съ чѣмъ нибудь рублей, съ вырѣзаніемъ на оной слѣдующихъ словъ: *«за усердіе и пользу»*.

Легко можно себѣ представить нравственное состояніе Ѳ. Ѳ. Кокошкина, который, совершивъ дѣйствительный tour de force, въ 11 дней устроивъ интересное для Москвы и выгодное для Дирекціи предпріятіе, наивно ожидалъ поощренія для себя и для сотрудниковъ своихъ, а вмѣсто благодарности и похвалы получилъ на своемъ рапортѣ такую резолюцію Министра: «Прошу прочитать артикулъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» [625]). Вмѣстѣ съ тѣмъ кн.

---

[625]) Упомянутая статья «Московскаго Телеграфа» гласила такъ: «Вчера я былъ въ Новомъ театрѣ Московскомъ, и— угадай въ какомъ? Еще не угадывая, ты, можетъ быть, скажешь, что и безъ этого театры Московскіе иногда бываютъ пусты, для чего же заводить новый? Для того именно, чтобы привлечь зрителей. И вотъ, оставя Большой и Малый театры, Дирекція завела новый театръ въ Нескучномъ саду. Построенъ родъ амфитеатра, гдѣ есть ложи, кресла, раекъ; все это и самая сцена безъ крыши; деревья составляютъ декораціи, занавѣсъ замѣненъ подвижною перегородкою. Зрители сидятъ въ шляпахъ, музыка гремитъ. И актеры и актрисы лихо

Волконскій, взамѣнъ проектированнаго награжденія декоратора подаркомъ, рекомендовалъ Кокошкину лично отъ себя поблагодарить Ивана Иванова.

Обиженный Кокошкинъ, въ отвѣтъ на резолюцію

играютъ мельника, жидовскою корчму и т. п., потомъ начинается пляска, хоръ полковой музыки является на сценѣ; и наконецъ тутъ же ставятъ фейерверкъ и хлопаніе ракетъ и букетовъ оканчиваетъ зрѣлище. Зрителей было множество и на слѣдующіе спектакли, вѣроятно, будетъ еще больше. Мнѣ весело было слышать похвалы, аханье, удивленіе зрителей; Имъ нравится, чего же лучше? Пусть Нескучное дополняетъ недоборъ Петровскаго сиротѣющаго театра; общественныя заботы не должно подвергать угрюмой философіи. Сколько разъ отъ сердца смѣялись мы съ тобою буфонадамъ Кіарини и паяцовъ подъ Новинскимъ. Почему не позабавиться и въ театральномъ заведеніи Нескучнаго, устроеннаго съ большимъ вкусомъ? Но если ты видѣлъ изъ словъ моихъ, что я не косо смотрю на театръ Нескучнаго, то позволь же мнѣ прибавить и еще нѣсколько словъ къ этому. Спрашиваю: должна ли быть разница между балаганами Кіарини съ Новинскаго гулянья и Московскимъ театромъ. Театръ, для содержанія коего Москва вноситъ 200.000 рублей въ годъ, не считая сборовъ и другихъ огромныхъ суммъ, для котораго воздвигнуто великолѣпное зданіе, учреждена Школа, неужели имѣетъ цѣлью забавы, вродѣ зрѣлищъ Кіарини. Развѣ спектакль долженъ быть только средствомъ веселить публику и собирать съ нихъ за это деньги? Люди пойдутъ куда угодно: заставь слѣпыхъ драться на кулачкахъ, выучи крысъ плясать на веревкѣ, спусти уродливую куклу на воздухъ — люди сбѣгутся, станутъ хохотать, дадутъ деньги. Но не унизится ли храмъ Таліи и Мельпомены, становясь рядомъ съ такими зрѣлищами? Оставляю тебѣ рѣшеніе этого вопроса и скажу только, что если кассу театра и поправитъ театръ Нескучнаго, то сцены нашей не только не подвинетъ онъ впередъ, но напротивъ, нанесетъ жестокій ударъ, а она и безъ того не цвѣтетъ». («Московскій телеграфъ» 1830 г. № 11).

Министра, долго отмалчивался и наконецъ въ рапортѣ своемъ отъ 2 Августа 1830 г. писалъ такъ: «Во исполненіе предписанія Вашего Сіятельства отъ 12 Іюля, я изъявилъ благодарность декоратору Ивану Иванову за скорое и прочное построеніе лѣтняго театра въ Нескучномъ саду. Что же касается до артикула о семъ театрѣ въ «Московскомъ Телеграфѣ» № 11 стр., 397-я, честь имѣю донести, что я и прежде оный читалъ и не только намѣревался жаловаться Вашему Сіятельству на издателя столь явно неблагонамѣренной и вмѣстѣ ни на какой истинѣ не основанной статьи, но и отвѣтъ на оную былъ уже написанъ. Когда же извѣстно стало, съ какимъ негодованіемъ статья сія была принята Московскою публикою и послѣ того сборы театра въ Нескучномъ саду въ хорошую погоду нимало не ослабѣвали, то и почелъ уже недостойнымъ на сіе сплетеніе лжей и противулогическихъ порицаній отвѣтствовать и утруждать симъ Ваше Сіятельство, тѣмъ болѣе что «Московская Газета» въ двухъ или трехъ номерахъ совсѣмъ противно «Телеграфу» описывала зрѣлища въ саду Нескучномъ. Я долгомъ почитаю привести въ доказательство недѣйствительности журнальныхъ порицаній то, что, отъ 15 Іюня по 1 Августа, сборами съ 15 спектаклей въ Нескучномъ пріобрѣтено 26.887 р. и что въ сравненіи съ прошлогодними сборами въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ, коими въ 1829 г. получено только 17.728 рублей, нынѣ въ тѣ же два мѣсяца и тогда какъ спектакли въ Нескучномъ саду начались не съ 1, а только съ 15 Іюня, собрано 34.239 руб. Втеченіе поста я дозволилъ иностранцу Бехеру давать на театрѣ въ Нескучномъ, пополамъ съ Дирекціей въ

приходѣ и расходѣ, механическія его представленія, опыты физическіе и химическіе, вродѣ фейерверковъ, кои. если первое представленіе 6 Августа принесетъ пользу кассѣ театра, будутъ повторяемы [626]). Сіи зрѣлища, по постамъ дозволенныя, конечно, могутъ назваться народными, но могутъ также сдѣлать приращеніе лѣтнимъ сборамъ Московскаго театра. Что же касается до бывшихъ спектаклей предъ постомъ, то имѣю удостовѣрить Ваше Сіятельство, что не только ложи (коихъ почти всегда не доставало), но даже и мѣста подъ номерами вмѣсто креселъ, были всегда занимаемы лучшимъ, обоего пола, Московскимъ обществомъ».

Въ Нескучномъ саду дано было въ 1830 г. всего 18 спектаклей; послѣдній былъ исполненъ 15 Сентября. Въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ спектакли исполнялись по 2 раза въ недѣлю, при чемъ по Воскресеньямъ программа была больше будничной. Представленія въ Нескучномъ шли параллельно съ нѣмецкими спектаклями въ Маломъ театрѣ, въ Большомъ же театрѣ за лѣто 1830 г. дано было всего 3 спектакля.

Разсчитывая на дальнѣйшій успѣхъ лѣтняго театра въ Нескучномъ, Кокошкинъ въ Сентябрѣ 1830 г. [627]) исходатайствовалъ разрѣшеніе сохранить все сценическое устройство въ саду. Строеніе было отдано подъ надзоръ смотрителя Нескучнаго сада, а на помѣщенія, гдѣ оставалось на зиму театральное имущество, были наложены печати Дирекціи.

Въ заботахъ Кокошкина, на второмъ мѣстѣ послѣ

---

[626]) Повидимому, эти представленія не имѣли успѣха и ограничились однимъ спектаклемъ 6-го Августа.

[627]) Общ. Арх. М. И. Д. Канцел М-ва. Дѣло 1830 г. № 98/221.

репертуара, стояло его излюбленное дѣтище—Театральная Школа. Во всѣхъ письмахъ и рапортахъ Кокошкина, гдѣ только вопросъ касается Театральной Школы, ярко отмѣчена нѣжная любовь и отеческая гордость по отношенію къ этому учрежденію. Непосредстенно самъ занимавшійся подготовкой будущихъ артистовъ русской драмы, Кокошкинъ не спѣшилъ съ опытами усовершенствованія организаціи Школы и съ расширеніемъ курса общаго въ ней обученія, какъ то дѣлала Петербургская Дирекція, а велъ дѣло по рутинѣ Положенія 1809 г. и порядковъ, установившихся съ переходомъ театровъ въ вѣдѣніе Московскаго Генералъ-Губернатора. Весь бюджетъ Школы не превышалъ въ то время 55.000 р. [628]) въ годъ. Во главѣ Школы стоялъ самъ Кокошкинъ; мужскимъ отдѣленіемъ Школы завѣдывалъ Инспекторъ Школы Андрей Де Шарьеръ Монтерандъ, получавшій жалованья 1200 р. и порціонныхъ 1430 р. 80 к. въ годъ; въ женскомъ отдѣленіи главной надзиратильницей состояла Елизавета Де Шарьеръ Монтерандъ, съ жалованьемъ 800 р. и порціонныхъ 576 руб. въ годъ. Экономомъ Школы состоялъ Фрыгинъ. Въ составъ педагогическаго персонала Училища входили: Священникъ о. Ѳедоръ Богдановъ, 12 учителей и учительницъ, 7 младшихъ надзирательницъ при воспитанницахъ и 7 дядекъ при воспитанникахъ. Изъ учителей слѣдуетъ упомянуть: надворнаго совѣтника Корніолина-Пинскаго, тт. сов. Севенарда и колл. регистраторовъ Эрнеста и Наумова. Танцамъ обучали: дѣвочекъ—г-жа Гюллень-Соръ, а мальчиковъ—Ришардъ старшій. Большое вниманіе было обращено на обу-

[628]) Ibid. Контроль Министерства. Дѣло 1828 г. № 760/80.

ченіе пѣнію, которое, при возникшемъ тогда спросѣ публики на оперу, получило особенное значеніе. Дѣти обучались также игрѣ на фортепьяно и учреждены были: классъ скрипичной игры, порученный музыканту Ѳедору Мазанову, съ жалованьемъ по 940 р. 40 к. въ годъ, и классъ игры на духовыхъ инструментахъ, который велъ музыкантъ Лазарь Костинъ, получавшій вознагражденіе 2000 р. въ годъ.

Со вступленіемъ въ высшее управленіе театрами Министра Императорскаго Двора, танцовщица Гюлленъ-Соръ, пользуясь протекціей, Московскаго любителя музыки и мецената князя Юсупова, пыталась ввести въ служебный персоналъ Школы своего мужа, гитариста, капельмейстера и композитора Сора, проживавшаго, повидимому, безъ дѣла, при своей супругѣ въ Москвѣ. 26 Октября 1826 г. [629]) д. т. т. кн. Юсуповъ писалъ кн. Волконскому:

«Mon Prince. M-r Soor, maitre de chapelle et pinçant superieurement de la guitare, aura l'honneur de remettre cette lettre à Votre Excellence. Il desire être employé à Moscou pour diriger l'Ecole de l'orchestre et du chant; je Vous prie de lui accorder Votre protection, car, selon moi, c'est le seul, qui entend cette partie, qui est à present confié à des talents mediocres. M. Soor a été employé au théatre de l'opéra de Paris, ou il a fait la musique du ballet de Cendrillon, je Vous serait mon Prince très obligé si Vous le protegerait et lui accordes la place qu'il desire. Sa femme M-me Hullen Soor est ici la première danseuse du théatre».

Послѣдствіемъ этого письма явилось предложеніе

---

[629]) Ibid. Канц. М-ва Дѣло 1826 г. № 21.

Министра Кокошкину: «Донести, кто именно нынѣ занимаетъ мѣсто дирижера театральной Школы музыки и пѣнія, сколько и на какомъ основаніи получаетъ онъ жалованья, съ пользою ли для Дирекціи выполняетъ онъ свою должность и имѣетъ ли для оной всѣ нужныя способности, если же при опредѣленіи его заключено съ нимъ условіе, то какое именно и когда срокъ ему кончится»? Кокошкинъ, очевидно, освѣдомленный о причинахъ запроса и встревоженный постороннимъ вторженіемъ въ дѣла Школы [630]), категорически протестовалъ противъ учрежденія должности капельмейстера школы и 22 Ноября 1826 г. рапортовалъ Министру, «что по Штату Императорскаго Московскаго театра никакого дирижера музыки и пѣнія при Школѣ не положено, ибо опредѣленная по Штату на Театральную Школу сумма едва достаточна для содержанія оной въ настоящемъ ея видѣ. При Школѣ же находятся теперь положенные по штату учителя: пѣнія— г. Панни, оказавшій уже большіе успѣхи по своему классу, и хотя оный съ нѣкотораго времени боленъ, но изъ дружбы къ нему преподаетъ вмѣсто его сей классъ въ Школѣ, безъ всякаго вознагражденія, извѣстный учитель пѣнія г. Бравура; на скрипкѣ учитъ г. Мазановъ, а на духовыхъ инструментахъ обучаетъ г. Костинъ, солистъ здѣшняго оркестра. Чтобы имѣть особый надзоръ за учениками, за успѣхи коихъ отвѣтствуютъ сами учителя — то сверхъ обыкновенныхъ экзаменовъ въ Школѣ—Дирекція можетъ поручать сіе, извѣстному своими талантами и познаніями въ музыкѣ, Инспектору оркестра Московскаго театра

[630]) Ibid.

тит. сов. Верстовскому, а по сему, заканчивалъ Кокошкинъ свой рапортъ, осмѣливаюсь представить мое мнѣніе, что мѣсто дирижера музыки и пѣнія въ Школѣ было бы не только излишнимъ, но и составило бы отяготительный расходъ для Дирекціи».

Однако, уже съ 1827 г. учителя пѣнія Панни и Бравура замѣнены были г. Марини, получавшимъ жалованья 3.000 р. въ годъ. Повидимому, г. Марини было присвоено впослѣдствіи званіе *капельмейстера* Школы Императорскаго Московскаго театра, такъ какъ на 28 Марта 1830 г. онъ объявлялъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ подъ этимъ именемъ концертъ въ Московскомъ Большомъ театрѣ [631]).

Какъ мы уже упомянули въ 5 главѣ настоящаго труда, Кокошкинъ велъ Московскую школу «по семейному», не стѣсняясь буквой утвержденныхъ положеній. Такъ, напримѣръ, для подготовленія къ обученію въ школѣ малолѣтней сироты, музыкантской дочери, Ольги Ширяевой, Кокошкинъ уплачивалъ изъ средствъ училища, за содержаніе ея по 46 р. 94 к. въ годъ «академику» (какъ онъ названъ въ отчетныхъ вѣдомостяхъ) т. е. живописцу академисту 14 класса коллежскому секретарю Венедикту Баранову [632]), а въ 1827 г. Кокошкинъ уплатилъ камергеру Ржевскому «за первоначальное образованіе 21-ой дѣвицы, поступившихъ въ школу на правахъ воспитанницъ»

---

[631]) Въ концертѣ этомъ были исполнены «большимъ оркестромъ» и хорами: Ораторія Бетховена—«Молитва на горѣ Елеонской» и «Псаломъ Царя Давида»—Генделя (Московскія Вѣдомости Мартъ 1830 г.).

[632]) Общ. Арх. М. И. Д. Контроль М-ва Дѣло 1828 г. № 760/80.

5.800 р. [633]). Очевидно такова была система первоначальной подготовки воспитанницъ, такъ какъ съ Ржевскимъ заключенъ былъ по этому поводу контрактъ еще въ 1824 году. Въ то же время, имѣя въ виду бѣдность хореграфическихъ талантовъ среди воспитанниковъ училища, Кокошкинъ не задумался пойти на комбинацію, которая трудно укладывается въ рамки какого либо школьнаго регламента. Чтобы заполучить въ Школу подающаго надежды воспитанника-танцовщика, Кокошкинъ выхлопоталъ у Министра разрѣшеніе на ангажементъ въ балетъ очевидно безполезнаго для труппы, отца этого воспитанника. Кокошкинъ 17 Августа 1828 г. такъ мотивировалъ свое ходатайство [634]): «Дансеръ иностранецъ Филиппъ Отаво, чрезъ поданное въ Контору сію прошеніе, изъявилъ желаніе служить при Императорскомъ Московскомъ театрѣ съ дѣтьми его: 14-лѣтнимъ сыномъ Францемъ и 11-ти лѣтнею дочерью Екатериною, кои воспитывались въ Неаполитанской Королевской театральной Школѣ, танцовали уже на Московскомъ театрѣ и дебютировали два раза на Императорскомъ Московскомъ театрѣ. Онъ проситъ Контору принять означенныхъ дѣтей его въ Московскую театральную Школу для продолженія ученія танцовальному искусству, съ тѣмъ дабы они, послѣ окончанія 2-хъ лѣтняго своего въ ономъ пребыванія, въ благодарность Дирекціи за усовершенствованіе ихъ въ танцовальномъ искусствѣ, прослужили 4 года, на томъ жалованьи и содержаніи, какое Дирекція имъ назначитъ, смотря по ихъ успѣхамъ,

[633]) Ibid.
[634]) Ibid Канц. М-ва Дѣло 1828 г. № 65/159.

а по истеченіи означенныхъ 4-хъ лѣтъ предоставить имъ право контрактоваться съ Дирекціей, буде они захотятъ служить при Московскомъ театрѣ, а Дирекція найдетъ ихъ нужными. А дабы и самому Отаво не быть удалену отъ нихъ, проситъ принять его въ балетную труппу для пантомимныхъ ролей, комическихъ и демихарактерныхъ стариковъ, съ жалованьемъ по 600 р., на квартиру по 150 р. въ годъ и заключить съ нимъ контрактъ на 1 годъ. Контора Дирекціи Императорскаго Московскаго театра полагаетъ, что они, подъ руководствомъ танцовщицы Гюллень-Соръ и танцовщика Ришарда большого, преподающихъ въ Школѣ уроки, могутъ достигнуть до совершенства въ семъ искусствѣ, а особенно мальчикъ, который подаетъ большую надежду. А посему нѣтъ сомнѣнія въ выгодности опредѣленія ихъ на семъ основаніи къ театру, тѣмъ болѣе что успѣхи мальчиковъ въ танцовальномъ классѣ на всѣхъ Европейскихъ театрахъ бываютъ чрезвычайно рѣдки, а сей показываетъ большую способность и необыкновенную по его лѣтамъ силу, оба они со дня опредѣленія ихъ въ Школу будутъ уже полезны театру, ибо могутъ употребляться въ балетахъ, сверхъ же того, послѣ окончанія ученія, они 4 года обязаны будутъ безусловно служить Дирекціи на томъ жалованьи и содержаніи, какое сама Дирекція имъ назначитъ».

Цифры штата Школы также не стѣсняли Кокошкина и онъ собразовалъ число воспитывающихся въ ней съ наличными денежными средствами Дирекціи и съ потребностями даннаго времени въ пополненіи персонала труппъ. 27 Мая 1827 г. [635]) онъ рапортовалъ

[635]) Ibid. Дѣло 1827 г. № 68/262.

Министру: «По прибытіи моемъ изъ Санктъ-Петербурга въ Москву хотя и конченъ былъ экзаменъ въ Театральной Школѣ, обыкновенно дѣлаемый Великимъ постомъ, но, по испытаніи обоего пола воспитанниковъ, вновь въ нѣкоторыхъ частяхъ театральныхъ искусствъ и въ слѣдствіе рекомендаціи учителей, я, обще съ членами Конторы, принялъ за необходимое, по заведенному порядку, нѣкоторыхъ воспитанниковъ обоего пола выпустить изъ Школы въ разныя должности по труппамъ, съ жалованьемъ, квартирными деньгами, дровами и назначеннымъ по штату единовременнымъ награжденіемъ на образованіе ихъ. Сверхъ того, тремъ лучшимъ воспитанницамъ, оказавшимъ большіе успѣхи въ танцахъ, опредѣлить единовременное награжденіе, съ оставленіемъ ихъ на время въ Школѣ, для усовершенствованія ихъ въ танцовальномъ искусствѣ. Нѣкоторыхъ же воспитанниковъ обоего пола, въ слѣдствіе предписанія прежняго начальства, Вашимъ Сіятельствомъ по словесному моему докладу утвержденнаго, и по осмотру и свидѣтельству обоихъ театральныхъ медиковъ, за неспособностью и болѣзненнымъ состояніемъ исключить изъ списковъ и отдать на собственное содержаніе ихъ родственниковъ. О чемъ честь имѣю представить Вашему Сіятельству, ожидая по сему предмету Вашего начальническаго разрѣшенія. А какъ изъ бывшихъ до сего времени въ школѣ: 87 человѣкъ обоего пола воспитанниковъ, послѣ выбывшихъ и нынѣ выпускаемыхъ, составилось обоего пола 26-ть вакансій, то я долгомъ почитаю испрашивать предписанія Вашего Сіятельства на замѣщеніе оныхъ. Хотя по новому раздѣленію суммъ полагается имѣть въ школѣ до 100 воспитанниковъ обоего пола, но

дабы пополненіемъ сего комплекта не подвергнуть дефициту сумму, положенную на содержаніе школы, я нахожу, по оказывающимся слабымъ сборамъ въ теченіе сего лѣта и краткости предстоящаго карнавала, достаточнымъ на сей годъ замѣстить одни только убылыя мѣста, не принимая болѣе 87-ми обоего пола воспитанниковъ, развѣ представится случай къ пріобрѣтенію въ Школу кого-либо изъ молодыхъ людей, съ отличными способностями, особенно для класса пѣнія».

Вкладывая въ веденіе театральной школы знаніе дѣла, фанатическую любовь къ искусству, душевную теплоту и неутомимую энергію, Кокошкинъ достигалъ тѣхъ результатовъ, какими не могло похвастаться Театральное Училище ни до него, ни послѣ него. Въ самый разгаръ надвигающейся на Москву невзгоды—холерной эпидеміи, осенью 1830 г., докладывая Министру о своихъ трудахъ по разработкѣ проекта организаціи французской труппы, Кокошкинъ съ полнымъ основаніемъ могъ указывать на свои неусыпныя заботы о Театральной Школѣ, «сей будущей, какъ онъ писалъ надежды отечественнаго театра, по возникающимъ въ оной талантамъ». «Въ чемъ до селѣ Богъ и помогаетъ мнѣ!»;—заканчивалъ Кокошкинъ свой рапортъ по этому поводу [636]). И дѣйствительно, въ дѣлѣ Школы Богъ помогалъ ему: имена Рязанцева, Живокини, Богдановыхъ, Карпаковой и другихъ служатъ тому краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ.

Во всемъ остальномъ: въ веденіи репертуара, въ хозяйствѣ, и въ концѣ концовъ въ финансовой части

---

[636]) Ibid. Дѣло 1830 г. № 101/227.

театровъ, послѣдніе годы управленія Кокошкина отмѣчены, какъ увидимъ далѣе, рядомъ преслѣдовавшихъ его роковыхъ невзгодъ, приведшихъ къ замѣнѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ Дирекціи Московскихъ театровъ М. Н. Загоскинымъ.

Глава 8-я.

Неудачи конца Кокошкинскаго управленія Московскими театрами (1826—1831 г.).

Устройство Кокошкинымъ загороднаго театра, для повышенія лѣтней посѣщаемости театровъ, явилось лишь частичной заплаткой въ бюджетѣ сборовъ Московскихъ театровъ, сумма которыхъ, намѣченная финансовымъ балансомъ, — 300.000 р. въ годъ, на дѣлѣ оказывалась гораздо ниже. Содержаніе одновременно двухъ зданій театровъ стоило дорого, а двѣ труппы, русская и балетная, поспѣвали давать на обоихъ театрахъ не болѣе 7—8 спектаклей въ недѣлю, да и тѣ не были полны. Публика, въ особенности высшее общество Москвы, требовала разнообразія и въ репертуарѣ и въ составѣ артистовъ. Золотое время серьезнаго отношенія Москвичей къ театру, которое мы видѣли въ эпоху Медоксовскаго театра и въ первоначальный періодъ существованія Императорскаго Московскаго театра до 1812 г., миновало безвозвратно. Истинные «любители театра», описанные Ѳ. А. Кони, интересовавшіеся хорошимъ выборомъ репертуара и тщательностью обстановки пьесъ, ревниво слѣдившіе за наростаніемъ талантовъ вообще, а

въ особенности за развитіемъ и успѣхами «своихъ», Московскихъ, артистовъ, — уступило мѣсто «театраламъ», искавшимъ и въ репертуарѣ и въ исполнителяхъ развлеченія и только развлеченія въ бѣдной общественными интересами тогдашней полупровинціальной Московской жизни.

Для иллюстраціи нравовъ Московскихъ театраловъ того времени, ряды которыхъ въ значительной мѣрѣ пополнялись такъ называемой золотой молодежью, мы считаемъ не лишнимъ привести два эпизода Московскихъ театральныхъ скандаловъ, въ свое время надѣлавшихъ не мало шума.

Первый скандалъ произошелъ въ концѣ 1826 г. и относился къ извѣстной въ свое время красотой и талантомъ актрисѣ-пѣвицѣ г-жѣ Филлисъ. Артистка г-жа Филлисъ, оставшаяся въ наслѣдство Московской русской труппѣ отъ первой Императорской французской труппы, существовавшей въ Москвѣ до 1812 года, несмотря на свой возрастъ, подходившій въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ надо думать, къ 40 годамъ, сохранила еще свою привлекательность и, конечно, окружена была поклонниками. Въ ночь съ 16 на 17 Ноября 1826 г., какъ рапортовалъ Кокошкинъ [637]), нѣсколько человѣкъ, съ лицами, вымаранными сажей, ворвались въ квартиру г-жи Филлисъ и надѣлали «множество буйственныхъ поступковъ». Четверо изъ нападавшихъ, при помощи полиціи, дворниковъ и прислуги, были арестованы. Оказалось, что это были офицеры: отставной полковникъ Петръ Горичъ, штабсъ-капитанъ Александръ Санинъ, поручикъ

---

[637]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1826 г. № 23.

Талистовъ и Кимбурнскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Черевинъ. Надо думать, что коноводомъ шайки безобразниковъ былъ поручикъ Талистовъ, не задолго передъ тѣмъ безуспѣшно ухаживавшій за г-жей Филлисъ [638]). Цѣль сдѣланнаго нападенія не

[638]) Въ своемъ заявленіи, поданномъ Московскому Оберъ-Полиціймейстеру 19 Ноября 1826 г., г-жа Филлисъ описываетъ все происшествіе такъ: «Général! Mon devoir est de vous déclarer l'affreux événement, qui m'est arrivé, Mardi passé, le 16 Novembre. Je rentrois du spectacle et à peine venois-je de souper, que j'entendis s'arrêter plusieurs drochky à ma porte et de suite le bruit de plusieurs personnes, qui montaient l'escalier. Ma porte n'étoit pas encore fermée et lorsque j'entendis le bruit de la sonnette, pendue à la porte, j'eteignis la lumière, plusieurs voix demandoient si j'étois à la maison. Mes femmes de chambre répondirent, que j'étois encore au théâtre; ils demandèrent de la lumière et comme les femmes de chambre ne voulurent pas les laisser entrer, ils se mirent à leur donner de fort poussieux, et il en eût une, qui tomba; pendant ce vacarme, je me cachois derrière un paravent, ils entrerent dans toutes les chambres après avoir pris eux-mêmes la lumière; ils ne vinrent qu'à la porte de celle, où j'étois et s'en retournèrent en riant. Aussitôt qu'ils furent partis, je courus moi-même fermer la porte, et grondois les trois femmes, de ce qu'elles avoient laissé entrer ces hommes. Elles me répondirenf que ces hommes etoient tous armés les uns avec des bâtons crochus, les autres avec des sabres et leurs figures étoient barbouilleés de noir, et qu'ils étoient trois qui entrèrent dans la chambre, un qui gardoit la porte et plusieurs qui restèrent dans les escaliers et le corridor. J'envoyois de suite deux de ces femmes chercher du secours, d'autant que j'avais entendu les droschky repartir. Au bout d'un quart d'heure les femmes revinrent avec la personne (?) que j'avois fait prévenir et son domestique; le droschky de cette personne resta à ma porte. Les femmes que j'avois envoyées me rapportèrent, qu'elles ont trouvé ces hommes au haut de la rue; ils étoient tous descen-

вполнѣ ясна; весь скандалъ носилъ загадочный характеръ и значеніе его вѣроятно было преувеличено госпожою Филлисъ. Повидимому, это была месть отвергнутаго ухаживателя, но какова была конечная задача нападавшихъ, угрожавшихъ г-жѣ Филлисъ даже убійствомъ, остается невыясненнымъ. Документы Архива

dus de leurs droschky, qui les suivoient. Ils attaquèrent les deux femmes et leur dirent: «Ta maîtresse peut rendre grâces à Dieu de nous avoir echappé; nous venions pour la tuer, ainsi que ceux qui se seroient trouvés chez elle». Les femmes se sauvèrent et l'un d'eux dit: «ce sont des servantes, laissons les et retournons à notre affaire». D'après cela je me mis à écrire au Maître de Police pour le prévenir de ce qui venoit de m'arriver. J'entendis aussitôt le bruit du droschky; je me levoi et je courus dire au domestique d'aller à leur rencontre pour les empescher de monter. Les femmes accompagnèrent le domestique et moi je fermoi la porte et j'entendis un bruit affreux, des cris; on se battoit et les femmes de chambre crioint au secours; effrayeé de cette revolte je me mis à casser les vitres de mes fenêtres, pour que le bruit attirat les voisins et moi-même j'appelois du secours. A ce bruit un tailleur demeurant au dessous de moi sortit avec ses ouvriers et voulut les appaiser, alors ils se mirent à les battre ainsi que les femmes de chambre; il ne resta qu'un jeune homme que l'on arrêta, les sept autres prirent la fuite, alors comme je vis par la fenêtre cassée, qu'on se sauvoit, je criois au cocher du droschky qui avoit ammené le domestique d'aller pour l'attraper et le dvornik et d'autres hommes se mirent sur le droschky pour aller à leur poursuite; ils allèrent jusqu'à le Tverskoy, aussi ils ne purent en arrêter qu'un seul, qui se défendit longtemps avec son sabre, on l'attrapa, on le mit sur le droschky, c'est alors qu'il offrit cinq cents roubles, pour qu'on le laissait. Aussitôt arrivé à ma maison on l'enferma chez le tailleur avec celui qu'on venoit d'arrêter un moment avant, je descendis pour le voir, je ne pus reconnaître aucun de ces hommes, l'un d'euz me dit qu'il ne me connoissoit pas, au mauvais françois et

также не говорятъ ничего о послѣдствіяхъ всего приключенія для арестованныхъ молодыхъ людей.

Второй скандалъ случился позднѣе, 30 Декабря 1832 г., уже при управленіи театрами М. Н. Загоскинымъ и относился къ заслуженной Московской

---

toute sorte d'injures. Je fis chercher l'officier du quartier, je fis ma déposition, car dans toutes ces voix j'ai cru reconnoitre celle d'un jeune homme, à qui j'avois parlé plusieurs fois et qui depuis trois mois m'obsédoit par ses poursuites. Il m'écrivit plusieurs lettres, où il me faisait des offres d'argent énormes, si je voulois répondre a ses voeux. Je lui renvoyois toutes ces lettres en le priant de ne plus envoyer chez moi, des ce moment il commença à mo suivre partout, au théâtre, dans les rues; il étoit venu aussi dans mes escaliers et montoit chez moi pendant mon absence; il disoit à mes femmes qu'il se vengeroit et qu'il me tueroit, lorsque l'on me rendoit compte de sa conversation, je riois et je recommandois toujours de ne pas le recevoir, on me repondoit qu'il forçoit la porte, qu'ils étoient deux et qu'ils crioient comme des fous. Plusieurs fois il me fit sortir de la loge où j'étois, en s'annonçant sous différents noms, comme voulant me parler d'affaire; alors je lui dis que j'avois donné ordre qu'on ne m'appellat plus et que je le priois de me laisser tranquille. La derniére fois je le vis le jour même de l'accident dans les corridors du théâtre où il me fit ses excuses de m'importuner et me faisoit encore les mêmes propositions; je lui répondis, que je ne lui en voulois pas et que je le priois en grace de cesser ses poursuites. Je rentrois bien vite dans la loge parce qu'il vouloit, me retenir; quant aux autres qu'on m'a nommé, qui faisoient partie de la bande, leurs noms me sont totalement inconnus, quelques personnes distinguées, que je reçois chez moi m'ont dit, qu'ils leur sont inconnus aussi.

Depuis toutes mes reflexions je ne puis attribuer cette scène d'horreur qu'à ce jeune homme qui a engagé les autres à le venger de mes rigueurs.

J'ajouteroi que les deux hommes, qui ont été arrêtés chez moi ont dit qu'ils se vengeroient tôt ou tard et ils ont juré qu'ils

артисткѣ, балетмейстеру и танцовщицѣ Гюллень-Соръ, состарившейся уже къ тому времени, но еще пользовавшейся особымъ уваженіемъ Дирекціи [639]). Вотъ что писалъ по этому поводу Загоскинъ Директору Канцеляріи Министерства Двора Панаеву 31 Декабря 1832 г. [640]):

«Милостивый Государь Владиміръ Ивановичъ. Вчерашняго числа случилось въ театрѣ происшествіе, которое могло бы въ другое время помѣшать окончанію спектакля. Я писалъ о семъ къ исправляющему должность здѣшняго Оберъ-Полиціймейстера и надѣюсь, что онъ не допуститъ, чтобы оно повторилось, а по сему не доношу о семъ офиціальнымъ образомъ Его Сіятельству Князю Петру Михайловичу. Вотъ въ чемъ дѣло: недавно выпущенная изъ школы танцовщица Богданова, обязана не только своимъ талантомъ, но всѣмъ г-жѣ Гюллень, которая на свой счетъ возила ее въ Парижъ и платила тамъ за ея житье,—на этихъ дняхъ обидѣлась тѣмъ, что въ балетѣ Жокондъ, въ которомъ она по болѣзни первой,

---

me fracasseroient jusqu'au dernier membre. Le jeune homme se nomme Talisen (?), Il demeure au monastère d' Jvanistkoy.

J'ose espérer, général, que vous me protegerez dans cette affreuse circonstance. Je vous prie d'engager la Police à veiller sur moi, car je ne puis ésperer d'avoir la tranquillité, surtout la nuit, puisqu'il s'agit même de ma vie. J'ai l'houneur d'être votre servante J. Phillis (Jbid.).

[639]) Гюллень-Соръ получала громадное для того времени въ Московской Дирекціи содержаніе 17.000 р., а именно: жалованья—8.000 р., по званію учительницы школы—6.000 р., и вмѣсто бенефиса—3.000 р. (Ibid. Контр. М-ва. Дѣло 1827 г. № 756/419).

[640]) Ibid. Канц. М-ва. Дѣло 1833 г. № 138/237.

послѣ г-жи Гюллень, танцовщицы, г-жи Ворониной играла одну изъ первыхъ ролей—эта роль возвращена снова той, которой была первоначально предназначена; несмотря на мое увѣщаніе и даже приказаніе не требовать того, что ей не слѣдуетъ, она осмѣлилась на репетиціи, при всей балетной труппѣ, наговорить грубостей своей начальницѣ и благодѣтельницѣ. Я призвалъ ее къ себѣ и заставилъ попросить прощенья у г-жи Гюллень, тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но, вѣроятно, узнавъ о семъ домашнемъ дѣлѣ Дирекціи, обожатель ея Графъ Потемкинъ, тотъ что женатъ на Трубецкой, со студентомъ Закревскимъ и нѣкоторыми другими пріятелями ошикали г-жу Гюллень самымъ позорнымъ образомъ [641]). Но что всего хуже,—я знаю, что эти господа намѣрены повторять сію обиду артисткѣ, которая пользуется и весьма справедливо любовью всей здѣшней публики. Если бы они шикали въ то время, когда другіе апплодируютъ, то ихъ не было бы слышно, но они дѣлали это именно въ то время, когда въ театрѣ все было тихо. И въ этотъ разъ г-жа Гюллень едва могла окончить свое па; весьма вѣроятно, что она въ другой разъ не въ состояніи будетъ продолжать танцовать и г. Потемкинъ съ товарищами достигнетъ своей цѣли, т. е. сгонитъ ее со сцены. Впрочемъ, я имѣю причины думать, что танцовщица Богданова не принимала никакого участія въ составленіи сей кабалы».

Дѣло было доложено кн. Волконскому, по объяс-

[641]) Происшествіе это случилось 30 Декабря 1832 г. въ Большомъ театрѣ и, какъ надо думать, въ представленіи дивертиссмента «Гулянье 1 Мая въ Сокольникахъ», соч. Лобанова, съ музыкой Давыдова.

неніи котораго съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ, послѣдній поручилъ отправлявшемуся въ командировку въ Москву генералъ-маіору Лисовскому «вразумить г. Потемкина о неприличіи его поступка и вообще принять мѣры къ отвращенію подобныхъ происшествій».

Пониженіе сборовъ съ 1829 г. оказалось главнымъ образомъ въ Маломъ театрѣ и, Кокошкину пришлось съ 1830 года [642]) понизить даже цѣны на мѣста. Интересъ къ спектаклямъ видимо падалъ въ обоихъ театрахъ. Въ тоже время Кокошкинъ встрѣчалъ и внѣшнія помѣхи къ правильному и безубыточному веденію Московской репертуарной жизни. Помѣхи эти можно свести къ двумъ главнымъ: къ конкуренціи иностранныхъ труппъ и къ причинамъ случайнымъ, каковы были: трауръ, сильные морозы и наконецъ холера 1830 и 1831 г.

Спросъ на иностранную труппы въ Москвѣ издавна и энергично заявлялся тамошнимъ высшимъ обществомъ, но, разъ осуществленный, онъ слабо поддерживался среднимъ, а тѣмъ болѣе низшимъ, слоемъ публики. Заведенная въ 1821 году Московскими любителями музыки Итальянская опера еле-еле просуществовала 5 лѣтъ, принося убытки содержавшему ее акціонерному обществу, несмотря на годовое пособіе въ 30.000 р., оказанное Императоромъ Александромъ I, пріобрѣтеніемъ 10 акцій предпріятія, по 3000 р. каждая. Прецедентъ этой тридцатитысячной субсидіи дразнилъ аппетиты иностранныхъ антрепренеровъ, какъ итальянскихъ, такъ и французскихъ и нѣмецкихъ.

---

[642]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сборн. Выс. Пов. кн. II стр. 293.

Первую попытку натиска на необъятный, какимъ представлялся непосвященнымъ людямъ, карманъ Дирекціи произвели любители Итальянской оперы въ 1826 году. Только что оставившій высшее завѣдываніе Московскимъ театромъ Генералъ-Губернаторъ кн. Голицынъ 17 Сентября 1826 г. [643]) вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, представляя проектъ антрепренера Гранари объ учрежденіи въ Москвѣ новой Итальянской оперы. Предложеніе было таково: 1) Гранари учреждаетъ въ Москвѣ за собственный счетъ, но «подъ покровительствомъ Императорской Московской Дирекціи» Итальянскій оперный театръ, для представленія въ зданіи, самимъ Гранари нанимаемомъ; 2) составъ и качество Итальянской труппы будутъ одинаковы съ прежней Московской Императорской труппой; 3) Гранари предоставлено будетъ право безпошлиннаго провоза чрезъ Одессу всего потребнаго монтировочнаго инвентаря, при чемъ стоимость однѣхъ декорацій опредѣлялась антрепренеромъ въ 80.000 руб.; 4) труппа Гранари будетъ давать представленія попеременно, по году, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, 5) контрактъ съ Гранари заключается на $3^1/_2$ года, при условіи тѣхъ же цѣнъ на мѣста, которыя существовали для прежней Итальянской оперы въ Москвѣ; 6) Гранари получаетъ въ свою пользу всѣ сборы, ежегодное пособіе 30.000 р. и право давать спектакли по субботамъ на Императорскомъ Московскомъ Большомъ театрѣ.

Домогаясь Высочайшаго соизволенія на принятіе предложенія Гранари, чтобы «не лишить Московскую публику привычнаго ей удовольствія», Кн. Голицынъ

---

[643]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1826 г. № 11.

испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія: «кому угодно будетъ повелѣть войти въ сношеніе съ упомятымъ Гранари», *ему кн. Голицину*, или Министру Императорскаго Двора, для «учиненія надлежащихъ распоряженій къ устроенію сего театра»? Затаенная надежда кн. Голицина оставить это дѣло въ своихъ рукахъ оказалась тщетной: Государь передалъ докладъ кн. Голицина на разсмотрѣніе Министра Двора. Кн. Волконскій призналъ необходимымъ лично обсудить проектъ Гранари, совмѣстно съ кн. Голицинымъ, въ Комитетѣ Главной Дирекціи, пригласивъ къ участію въ этой работѣ также двухъ директоровъ акціонернаго общества, содержавшаго ранѣе Московскую Итальянскую оперу, а именно: сенатора Рахманова и камергера Небольсина. (Московскаго Гражданскаго Губернатора). Кромѣ того, Комитетъ при обсужденіи вопроса имѣлъ въ виду сообщенныя кн. Голицинымъ результаты консультаціи его съ Сардинскимъ посланникомъ графомъ Брингалесъ, по поводу выписки новой труппы изъ Италіи. Графъ Брингалесъ рекомендовалъ принять при заключеніи условія съ Гранари нѣкоторой предосторожности, а именно: во 1-хъ, затребовать отъ Гранари списокъ состава артистовъ новой труппы, «съ тѣмъ чтобы въ обѣихъ операхъ Seria и Buffa изъ семи главныхъ ролей, по крайней мѣрѣ пять, были исключительно предоставлены актерамъ, которые пріобрѣли уже извѣстность и успѣхи на главныхъ итальянскихъ театрахъ, называемыхъ «de cartello [644])»

[644]) Названія «Teatri di cartello» въ Италіи удостоиваются оперные театры перваго разряда, заслужившіе исключительную славу и репутацію. Къ такимъ театрамъ относятся: «Scala» въ Миланѣ, «San Carlo» въ Неаполѣ, «Fenice» въ

и, во 2-хъ, поставить антрепренера подъ угрозу лишенія сборовъ, въ случаѣ неисправности его въ выполненіи принятыхъ обязательствъ.

Въ общемъ проектъ Гранари не былъ забракованъ, тѣмъ болѣе что онъ отвѣчалъ намѣренію Комитета Главной Дирекціи завести Итальянскую оперу въ Петербургѣ. Комитетъ предполагалъ даже принять антрепризу Гранари подъ покровительство непосредственно свое, а не Московской Дирекціи, но настаивалъ на увеличеніи и улучшеніи состава труппы. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ, которые велись черезъ двухъ лицъ: тайн. сов. кн. Юсупова и пѣвца Морати, предположено было взять все дѣло въ руки Комитета, съ тѣмъ чтобы Гранари получалъ за содержаніе улучшенной труппы опредѣленную сумму въ годъ, а сборы шли въ пользу Дирекціи. Гранари, предлагая увеличить труппу тремя артистами, потребовалъ годовой платы 450.000 р. и сверхъ того предоставленія всѣмъ артистамъ 14 бенефисовъ и квартиръ съ отопленіемъ. Государь 22 Февраля 1827 г. [645]) призналъ эти требованія «несоразмѣрными» и переговоры объ Итальянской оперѣ окончились безрезультатно.

Неудача организаціи въ Москвѣ Итальянской антрепризы направила энергію Московскихъ любителей иностраннаго репертуара на французскій театръ.

Старшина Московскаго Благороднаго Собранія,

Венеціи, «Pergola» во Флоренціи, «Comunale» въ Болоньѣ, «Regio» въ Туринѣ и «Carlo Felice» въ Генуѣ. Оперныхъ артистовъ, получившихъ широкую извѣстность, также называютъ «artisti di primo cartello». («Arthur Pougin. Dictionnaire du théâtre» стр. 147).

[645]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва Дѣло 1826 г. № 11.

извѣстный театралъ и владѣлецъ театра на Знаменкѣ, генералъ-отъ кавалеріи Степанъ Степановичъ Апраксинъ, 11 Января 1827 года, [646]) извѣщая членовъ собранія объ отъѣздѣ изъ Москвы Итальянской труппы, предложилъ имъ подписку на 100.000 р. для ангажемента французской труппы, съ открытіемъ абонемента на ея спектакли по годовой цѣнѣ 2000 руб. за ложу и 400 р. за кресло перваго ряда. При этомъ единовременный расходъ на привозъ въ Москву французскихъ артистовъ опредѣленъ былъ въ 25.000 руб. Параллельно съ этимъ, Апраксинъ обратился къ Министру Двора съ слѣдующимъ письмомъ: [647]) «Узнавъ отъ Его Сіятельства князя Николая Борисовича Юсупова, что поручено ему, по истеченіи контрактовъ съ Итальянскою труппою въ Москвѣ, здѣлать съ оною новое условіе для переезда [648]) оной въ Петербургъ, по поводу того и въ разсужденіи того, что многія изъ актеровъ просютъ прибавки жалованья и представлѣно о томъ къ вашему Сіятельству, но отвѣтъ еще князь Николай Борисовичъ не получилъ; слѣдственно еще не извѣстно, будетъ ли Италіанская труппа въ Петербургѣ или въ Италію акціонеры оной должны отправить. За тѣмъ, какъ во время Высочайшаго пребыванія въ Москвѣ слухи были, что попеременно къ Императорскому Московскому театру будѣтъ

[646]) Ф. Витбергъ «Матеріалы для исторіи театральныхъ зрѣлищъ и публичныхъ увеселеній въ Россіи» Ежегодникъ И. Т. сез. 1895—1896 г. Прилож. кн. 3 и Дамскій Журналъ 1827 г. № 3 стр. 129—130.

[647]) Общ. Арх. М. И. Д. Канцел. Мин-ва Дѣло 1827 г. № 63/234.

[648]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.

присылатся Итальянская и французская труппы. Не вѣдая здѣлано ли отъ вашего Сіятельства какое по сему отношенію распоряженіе и удовлетвореніе желанію большой части Московской публики; которая мѣня на то уполномачиваетъ о семъ представить съ испрошеніемъ вашего ходатайства къ постоянному удовлетворенію Московской публики изпросить у Его Императорскаго Величества соизволеніе выписать изъ Франціи труппу актеровъ, къ содержанію которой въ Москвѣ съ сохранѣніемъ Монаршей милости по 30.000 руб. въ годъ получать по третямъ оныя изъ казенной палаты, какъ положено было въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ въ пользу акціонеровъ италіанской труппы. Сіе ходатайство вашего Сіятельства послужитъ сугубымъ доказательствомъ Благоволенія къ Московской публикѣ».

Письмо было направлено къ кн. Волконскому не непосредственно, а черезъ Московскаго Генералъ-Губернатора, выразившаго надежду, что «Его Сіятельство князь Петръ Михайловичъ, по видимому своему расположенію къ Московской публикѣ, изволитъ оказать свое содѣйствіе» ходатайству Степ. Степ. Апраксина. На письмо Апраксина, по докладу его Государю, послѣдовала резолюція: «Высочайше повелѣно отвѣчать, что Его Величество разрѣшаетъ на выписку труппы Французской въ Москву, но не можетъ содѣйствовать въ выдачѣ просимой суммы, потому что таковая предназначается для Италіанской труппы въ С.-Петербургѣ». 26 Января 1827 г. Апраксинъ былъ извѣщенъ о послѣдовавшемъ разрѣшеніи, а черезъ 10 дней, послѣ кратковременной болѣзни скончался, не успѣвъ осуществить затѣянной имъ подписки.

За смертью Апраксина, дѣло взялъ въ свои руки самъ кн. Голицинъ, который 29 Марта 1827 г. [649]) обратился къ Министру Двора съ слѣдующимъ, довольно безцеремоннымъ, оффиціальнымъ отношеніемъ:

«Въ надеждѣ выполнить испрошенное Вашимъ Сіятельствомъ Высочайшее соизволеніе вызвать для удовольствія Московской публики французскую труппу, сначала предположено было посредствомъ особенной подписки на абонементъ ложъ и креселъ собрать сумму, которая бы обезпечила на первый разъ задатки жалованья и путевыя издержки выписываемыхъ изъ Парижа актеровъ, но сіе предположеніе не состоялось потому, что между множествомъ любителей французскихъ спектаклей въ Москвѣ, не довольно нашлось такихъ, которые бы согласились прежде времени сдѣлаться вкладчиками театральной кассы. Въ опроверженіе дальнѣйшихъ затрудненій по сему предмету, Московскіе жители: отставной артиллеріи подпоручикъ Карцовъ и его супруга, уроженка изъ Франціи, усердные любители драматическаго искусства, не столько соображая свои выгоды, какъ желая сдѣлать угодное просвѣщенной публикѣ Московской, вызываются, безъ всякаго преждевременнаго сбора, собственнымъ иждивеніемъ, привезти изъ Парижа труппу артистовъ, извѣстныхъ своимъ талантомъ составленную и учредить французскій спектакль въ Москвѣ, въ составѣ котораго будетъ большая комедія, малая комическая опера и водевиль, для чего и репертуаръ изберется изъ лучшихъ Парижскихъ театровъ сего рода. Основанія же и правила своему антрепризу г-да Карцовы

[649]) Ibid.

полагаютъ слѣдующія: 1-е. Они покорнѣйше просятъ, чтобы предоставлено было право ихъ труппѣ играть въ Москвѣ три года. 2-е. Чтобы Дирекція русскаго театра не имѣла *никакого вліянія* на распоряженія и дѣйствія содержателей французской труппы, но находился бы ихъ театръ, какъ частное заведеніе, подъ непосредственнымъ покровительствомъ мѣстнаго начальства. 3-е. Чтобы, исключая $^1/_{10}$ части со сборовъ въ Воспитательный домъ и вечеровыхъ расходовъ на полицію, пожарную команду и освѣщеніе, французскій театръ освобожденъ былъ отъ всякихъ другихъ повинностей или налоговъ; всѣ же изъясненныя издержки, совокупно съ хозяйственными, какъ, напр., костюмы, аксессуарныя вещи и проч. содержатели театра принимаютъ на свой счетъ. 4-е. Опытъ доказалъ, что предпріятія сего рода сопряжены съ расходами, которые нерѣдко значительно превышаютъ сборы театральные; опасаясь дефицита и на первый годъ, который бы могъ совершенно разрушить предпріятіе гг. Карцовыхъ, они покорнѣйше просятъ, чтобы въ замѣну 30.000 руб., которые Государь Императоръ Всемилостивѣйше жаловалъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ въ пособіе бывшей въ Москвѣ Итальянской оперы, исходатайствовано было дозволеніе играть ихъ труппѣ 2 раза въ недѣлю на Императорскомъ Маломъ и одинъ разъ на Большомъ театрѣ и дано имъ было въ пособіе оркестръ съ нѣкоторою частью коръ-де балета, въ сообразномъ съ піесами костюмѣ, для тѣхъ токмо представленій, въ коихъ безъ онаго не можно будетъ обойтиться (симъ преимущественно пользовалась долгое время администрація французскаго театра въ Петербургѣ, до присоединенія онаго къ Императорской

Дирекціи, въ Москвѣ же оно можетъ быть тѣмъ болѣе допущено, что въ субботніе дни русскихъ спектаклей не бываетъ, сверхъ того два дня въ недѣлю Московскій театръ остается свободенъ).

Въ заключеніе мнѣ поданнаго проекта, гг. Карцовы, не отвлекаясь уже другими занятіями и не щадя издержекъ для удовлетворенія вкуса образованнаго, просятъ, чтобы съ Высочайшаго соизволенія они были обезпечены на все трехлѣтіе содержанія своей труппы, исключительною на ихъ имя привиллегіею, въ коей, для отвращенія всѣхъ могущихъ встрѣтиться препятствій, были бы имъ присвоены и подробно изложены преимущества, заключающіяся въ ихъ 4-хъ условныхъ пунктахъ. Получивъ испрашиваемую привиллегію они обязуются принять дѣятельнѣйшія и вѣрнѣйшія мѣры къ открытію въ Москвѣ, не далѣе, какъ въ будущей осени, представленій французскаго театра.

Принимая за основаніе такую готовность гг. Карцовыхъ способствовать удовольствію Московской публики, долго лишенной спектакля французскаго, я присоединяю къ ихъ просьбѣ и мою всепокорнѣйшую, что бы Ваше Сіятельство, взявъ участіе въ предпріятіи, предписали бы Московской театральной Дирекціи исполнить въ свое время, во всей точности, просимое гг. антрепренерами, буде по усмотрѣнію Вашему ихъ требованія могутъ быть удовлетворены, или, что я полагаю болѣе удобнымъ, дабы не имѣть малѣйшаго повода къ недоразумѣнію съ Императорскою Дирекціею, вмѣсто всего гг. Карцовыми просимаго, по примѣру бывшаго С.-Петербургскаго антреприза, опредѣлить ихъ труппѣ по 25.000 р. ежегодно въ пособіе, отчисляя сію сумму изъ способовъ на содержаніе Императорскихъ теат-

ровъ въ двухъ столицахъ, Высочайше дарованныхъ, простирающихся почти до 2 мил. рублей, тѣмъ болѣе Вашему Сіятельству легко сіе исполнить, что Вы, соединяя въ себѣ власть главнаго управленія театральными зрѣлищами и радѣя равно объ удовольствіи публики обѣихъ столицъ, можете однимъ начальническимъ Вашимъ распоряженіемъ предупредить всякій споръ и неудовольствіе, могущія возникнуть въ первомъ случаѣ и сами первые, способствуя къ открытію спектаклей, любимыхъ публикою, доставить ей совершенное удовольствіе, ибо публика Московская, получивъ съ давняго времени навыкъ къ представленіямъ французскимъ, съ нетерпѣніемъ ихъ ожидаетъ; пособіе же, мною изысканное частной французской труппѣ, по сношенію моему съ гг. Карцовыми, въ полной мѣрѣ удовлетворяетъ ихъ требованія и избавляетъ казну всякихъ новыхъ издержекъ.

Въ разрѣшеніе чего я буду ожидать опредѣленнаго отзыва Вашего Сіятельства».

Князь Волконскій опять счелъ нужнымъ спросить мнѣніе Кокошкина по проекту кн. Голицына, явно вторгавшемуся въ интересы Московской Дирекціи. 7 Апрѣля 1827 г. Кокошкинъ представилъ Министру энергичныя вознагражденія противъ двухъ первыхъ и въ особенности противъ 4-го пункта требованій г-жи Карцовой. Онъ формулировалъ свои возраженія такъ:

По п. 1-му—«чтобы дать 120 спектаклей за исключеніемъ Великаго и Малаго, Успенскаго, постовъ, выйдетъ по 3 спектакля на недѣлю, не считая необходимыхъ бенефисовъ, чѣмъ прибавится на нѣкоторое время еще по одному. Сверхъ того, если партикулярная Дирекція разсудитъ въ лѣтнее время не давать

драматическихъ спектаклей, то составится, можетъ быть, и по 5 спектаклей на недѣлю; слѣдовательно, неминуемое отвлеченіе публики отъ русскихъ спектаклей будетъ почти ежедневное, наипаче по новости въ первые года».

По п. 2-му.—«Императорская Московская Дирекція доселѣ, подобно какъ и здѣсь въ Петербургѣ, сохраняетъ данныя ей для охраненія пользы казны привиллегіи, кои состоятъ въ томъ, чтобы отстранить всякое представленіе, могущее отвлечь публику отъ казенныхъ спектаклей, и назначать по удобности для того особенные дни, а для прочихъ зрѣлищъ дни и часы,—слѣдовательно, неограниченность въ числѣ спектаклей и прочихъ преимуществъ неминуемо послужить къ явному вреду доходамъ Императорскаго Московскаго театра».

По п. 4-му.—«Если дозволить все требуемое въ 4-мъ пунктѣ, то рѣшительно сказать можно, что русскій театръ совершенно долженъ упасть и уничтожиться, ибо, во 1-хъ, Малый театръ служитъ нынѣ единственнымъ средствомъ уменьшать расходы вечеровые въ лѣтнее время, когда публика въ Москвѣ не столь многочисленна, чтобы наполнить часто Большой театръ, а въ зимнее, какъ видно изъ рапортовъ прошедшаго карнавала, давались также на ономъ комедіи, водевили, небольшія оперы и балеты; и сверхъ того, и двойные на обоихъ театрахъ спектакли, что и способствовало къ успѣшнымъ сборамъ прошедшаго театральнаго года, коими не токмо всѣ долги совершенно уплачены, но и сохраненъ весьма значительный остатокъ; а для сихъ двойныхъ спектаклей Дирекція, по малочисленности оркестра, принуждена была нани-

мать уже музыкантовъ, слѣдовательно, своего оркестра удѣлять для партикулярнаго театра и пользы содержателей онаго, ни въ какомъ случаѣ не можетъ; въ прочіе же дни свободные Дирекція на Маломъ театрѣ дѣлаетъ необходимыя репетиціи, коихъ, когда занятъ Большой театръ репетиціями и представленіями большихъ балетовъ и оперъ, негдѣ уже будетъ дѣлать, если Малый театръ займется репетиціями и представленіями партикулярнаго французскаго театра. Если же въ прежнія времена и позволялось пріѣзжимъ частнымъ иностраннымъ труппамъ играть на Императорскомъ театрѣ, то Московская Дирекція изъ того, по условіямъ съ оными, извлекала по крайней мѣрѣ пользу для казны, участвуя въ ихъ сборахъ. Во 2-хъ, балетъ русскій есть теперь первое и главное средство къ содержанію Московскаго театра, а потому не токмо Corps de Ballet, но и всѣ лучшіе танцовщики и танцовщицы и безъ того уже обременены труднымъ своимъ дѣйствіемъ на сценѣ; воспитанники Школы обоего пола, составляющіе Corps de Ballet, сверхъ того заняты каждое утро ученіемъ въ классѣ танцованія, не мало ихъ утомляющемъ, и прочими въ Училищѣ классами; а изъ выпущенныхъ изъ онаго также, при безпрерывныхъ дѣйствіяхъ на сценѣ, нѣкоторые продолжаютъ еще танцовальный классъ; слѣдовательно (не говоря уже о костюмахъ, которые нужно сберегать) это никакъ неудобно для исполненія. Когда же здѣсь въ С.-Петербургѣ подобное сему было, то послѣдствіе показало, что таковой распорядокъ, не обогатя Французской труппы, былъ, вѣроятно, причиною многихъ затрудненій въ ходѣ дѣлъ театра, а потому Дирекція и рѣшилась присоединить паки труппу Французскую къ составу Импера-

торскаго театра, для пользы и выгодъ онаго. Что же касается до отдѣленія суммы 25 тыс. руб., изъ отпускаемаго ежегоднаго пособія на содержаніе Императорскихъ театровъ, то Вашему Сіятельству извѣстно, что средства Московскаго театра столь умѣрены, что оный безъ дефицита никакъ не можетъ и нынѣ укомплектовать себя всѣми необходимостями».

Не отрицая принципіально пользы присутствія въ Москвѣ французской, или вообще иностранной труппы, Кокошкинъ выступилъ по этому поводу съ собственнымъ проектомъ: «Соглашаясь, писалъ онъ Министру, совершенно въ томъ, что французская труппа, или итальянская, въ Москвѣ необходима для столичной публики, я осмѣливаюсь изложить по сему предмету мое мнѣніе, что совершенно полезнѣе бы было распорядиться такимъ образомъ, чтобы изъ находящихся при С.-Петербургскомъ Императорскомъ театрѣ французской и будущей итальянской труппъ, одна ежегодно переѣзжала къ Московскому Императорскому театру, и это есть самое удобнѣйшее и самое полезное средство для обоихъ Императорскихъ театровъ, ибо, во 1-хъ, новость ежегодная неминуемо послужить должна къ умноженію сборовъ, если при томъ по справедливости дозволено будетъ нѣсколько возвышать для сихъ спектаклей цѣну, а по предварительному сношенію обѣихъ Дирекцій, Московскій театръ заблаговременно можетъ объявить и абонементъ для пріѣзжающей труппы. Во 2-хъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что труппы, выписанныя Императорскою Дирекціею, по изяществу талантовъ, скорѣе могутъ удовлетворить вкусу образованной публики. Само по себѣ разумѣется, что когда какая либо С.-Петербург-

ская иностранная труппа переѣдетъ на годъ въ Москву, то, получая жалованья при Конторѣ Московской Дирекціи, облегчитъ много расходы С.-Петербургскаго театра. Въ заключеніе я обязанъ по долгу званія моего представить Вашему Сіятельству, что если бы предыдущее мое мнѣніе не удобно было для исполненія, въ таковомъ случаѣ несравненно выгоднѣе бы было выписать труппу французскую въ составъ Императорскаго театра, съ дозволеніемъ возвысить нѣсколько цѣны мѣстамъ во французскихъ спектакляхъ, ибо тогда безъ всякаго подрыва оному, Дирекція расположилась бы для разныхъ сословій Московской публики давать двойные въ одинъ день спектакли на обоихъ театрахъ, но уже для казенной, а не для посторонней пользы. Сіе тѣмъ удобнѣе, что репертуары обѣихъ труппъ были бы расположены такъ, чтобы одинъ спектакль не мѣшалъ другому, чего съ частною дирекціею сдѣлать будетъ невозможно. Для исполненія сего встрѣтилось бы на первый разъ одно только затрудненіе въ недостаткѣ способовъ на путевыя издержки и задатки жалованья выписываемой французской труппы, но таковая сумма, бывъ выдана заимообразно, сборами съ французскихъ спектаклей, неминуемо можетъ быть уплачена въ теченіи трехгодичнаго времени, на каковой срокъ, безъ сомнѣнія, труппа и выписана будетъ».

Написавъ этотъ рапортъ, Кокошкинъ впервые выступилъ на путь явнаго противорѣчія своему бывшему начальству кн. Голицыну, приведшій его въ концѣ концовъ къ выходу изъ службы театру. Кн. Волконскій согласился какъ съ возраженіями Кокошкина, такъ и съ предложеніемъ его, о чемъ сообщилъ

11 Апрѣля 1827 г. кн. Голицыну, указавъ, между прочимъ, что Кокошкинскій проектъ ежегоднаго отдѣленія въ Москву одной изъ Петербургскихъ иностранныхъ труппъ тѣмъ легче осуществимъ, что «теперь есть уже въ Петербургѣ французская труппа, а скоро будетъ выписана итальянская».

Обиженный кн. Голицынъ всталъ въ сторонѣ отъ дѣла, но г-жа Карцова продолжала и лично и письменно осаждать Министра Двора домогательствами на Московскую антрепризу. Наконецъ, 4 Іюля 1827 г., кн. Волконскій сообщилъ Кокошкину, что г-жа Карпова, явясь къ нему, «увѣряла, что она имѣетъ ближайшіе способы выписать лучшихъ французскихъ актеровъ и что она съ нѣкоторыми изъ нихъ имѣетъ уже сношенія». Въ виду этого Министръ предложилъ Кокошкину «вновь войти въ разсмотрѣніе предложенныхъ г-жей Карцовой условій» и сообщить о нихъ свое мнѣніе, «присовокупляя къ тому: выгоднѣе ли будетъ самой театральной Дирекціи выписать французскихъ актеровъ, или поручить оныхъ г-жѣ Карцовой на предложенныхъ ею условіяхъ?» Условія Карцовой были уже болѣе скромныя: она просила лишь сдавать ей за плату театры: Большой — одинъ разъ, а Малый—два раза въ недѣлю.

23 Іюля 1827 г. [650]) Кокошкинъ такъ отозвался на предложеніе Министра: «Вслѣдствіе предписанія Вашего Сіятельства отъ 4 Іюля, я лично сносился съ г-жею Карцовою, которая сначала объявила мнѣ, что имѣетъ отъ Государя Императора позволеніе, въ видѣ привиллегіи на выписку для Москвы французской труппы, независимо

[650]) Ibid.

отъ Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, но позволенія сего она однако же ни мнѣ, ни Конторѣ не предъявила, когда же я объявилъ ей о вышеупомянутомъ мнѣ предписаніи Вашемъ узнать о ея кондиціяхъ, и потому и просилъ ее, чтобы она письменно объявила Конторѣ свои по сему предмету условія; то вслѣдствіе сего Контора и получила отъ нея г-жи Карцовой бумагу. По разсмотрѣніи оной, обще съ членами Конторы и по тщательномъ сравненіи выгодъ и потерей Московскаго театра отъ предполагаемаго здѣсь французскаго спектакля, Контора находитъ, что наемъ по субботамъ Большого театра никакъ не можетъ вознаградить за неминуемыя потери, которымъ Московскій театръ безъ всякаго сомнѣнія подвергнется отъ вышеупомянутаго партикулярнаго спектакля. Что же касается до второго ея предложенія, чтобы еще сверхъ субботы два дня въ недѣлю давать спектакли французскіе на Маломъ театрѣ и, какъ она мнѣ лично объясняла, что уже не найметъ другого театра—слѣдовательно будетъ давать не больше трехъ представленій въ недѣлю,—на сіе Контора не смѣла ей рѣшительно дѣлать предложеній, не подвергнувъ прежде мнѣнія своего разсмотрѣнію Вашего Сіятельства, тѣмъ болѣе что Контора, какъ я выше доносилъ, не имѣетъ никакого офиціальнаго свѣдѣнія о данномъ г-жѣ Карцовой дозволеніи. Если г-жа Карцова точно уже имѣетъ дозволеніе на заведеніе здѣсь французскаго спектакля, то, по крайней мѣрѣ, Дирекція можетъ предложить ей для охраненія себя отъ необходимыхъ убытковъ въ годовыхъ сборахъ слѣдующія условія: 1-е. Дирекція даетъ для каждой субботы, за исключеніемъ празд-

никовъ придворныхъ, Святыхъ и Масличной недѣли и субботы предъ оной — Большой театръ, а на Маломъ—вторникъ и пятницу; но между тѣмъ, въ тотъ же день будетъ давать русскіе спектакли на другой сценѣ. 2-е. Дирекція для французскихъ представленій даетъ небольшой оркестръ для водевилей. 3-е. Даетъ декораціи, какія есть, но новыхъ писать не обязывается. 4-е. Даетъ костюмы, какіе есть въ гардеробѣ, не дѣлая оныхъ вновь. 5-е. Даетъ, буде нужно, небольшой Corps de Ballet. 6-е. Даетъ всю потребную услугу. Въ вознагражденіе же всѣхъ вышесказанныхъ немаловажныхъ пожертвованій содержательница французской труппы должна предоставить Конторѣ Московскаго театра третью часть съ каждаго сбора своихъ представленій, исключивъ прежде изъ онаго вечеровыя издержки. Въ заключеніе долгомъ поставляю объяснить, что сія одна токмо мѣра можетъ предохранить Московскую Дирекцію отъ неминуемаго значительнаго ущерба, справедливо ожидаемаго отъ частнаго французскаго спектакля; не упоминая уже о томъ, сколь затруднительно будетъ и на вышеизложенныхъ кондиціяхъ согласить двѣ воли, изъ коихъ одна, по долгу службы, должна стараться о пользѣ казенной, а другая о собственной прибыли».

Резолюція на рапортъ Кокошкина послѣдовала немедленная и категорическая: «Отвѣчать, что никогда Карцовой никакого позволенія дано не было, о чемъ ей объявить, а позволено было г-ну Степ. Степан. Апраксину, но какъ за скорою смертію его не было получено отъ него условій, на какихъ желалъ онъ пыписать франц. труппу, то дѣло сіе само собою и прекратилось. Теперь, буде Дирекція сама желаетъ

выписать и содержать франц. труппу, то представить мнѣ напередъ какую сумму на то потребно».

Кокошкинъ тогда же представилъ Министру примѣрный годовой бюджетъ содержанія въ Москвѣ французской труппы изъ 17 человѣкъ въ суммѣ 98.500 руб., исчисливъ, кромѣ того, вступительный единовременный расходъ въ 50.000 р. Въ эту послѣднюю сумму вошли 30.000 р. на выдачу авансовъ артистамъ и 20.000 р. на безвозвратные расходы, изъ коихъ 17.000 р. на оплату вояжа артистовъ изъ Парижа въ Москву [651]).

[651]) Этотъ бюджетъ 1827 г. изложенъ Кокошкинымъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Nomenclature d'une troupe Française, composée d'une Comédie et d'un Vaudeville.

Comédie.

Acteurs.

1. Premier rôle		8.000 r.	et	un bénéfice
2. Jeune premier		7.000 »	»	» »
3. Troisième rôle		4.000 »	»	» »
4. Troisième amoureux		3.500 »	»	» »
5. Père noble et grand raisonneur . .		5.000 »		—
6. Financier		5.000 »		—
7. Premier comique	valets	5.000 »	et	un bénéfice
8. Seond comique		5.000 »		—
9. Grand utilité		3.000 »		—

Actrices.

10. Premier rôle, grande coquette . . .	8.000 r.	et	un bénéfice
11. Jeune première	7.000 »	»	» »
12. Jngenuité et 3-me amoureuse . . .	4.000 »		—
13. Mère noble et caractère	4.000 »		—
14. Soubrette	5.000 »		—

Но г-жа Карцова не удовлетворилась отвѣтомъ Министра и продолжала осыпать его прошеніями и упреками. 10 Сентября 1827 года она ему писала: Mon Prince. M'étant reposée sur la promesse que Vous avez eu la bonté de me faire, de me remettre la permission à l'occasion de l'établissement d'un théâtre français à Moscou, lorsque je me serais arrangée avec la Direction Impériale. Je me suis donc soumise entièrement à vos désirs, les quels consistaient à ce que je fisse un léger avantage à la direction Impériale, mais

Vaudeville.

15. Chanteuse . . . . . 8.000 r. et un bénéfice
16. Couthier en tout genre . . . . . 7.000 » » » »
17. Pothier, Perlet, Bernard, León . . 6.000 » » » »

total . . . 94.500 roubles.

Nota. Le reste dés acteurs du Vaudeville doit être pris parmi les acteurs de la Comédie.

Un souffleur et copiste . . . . . 2.000 r. —
Un des acteurs est nommé régisseur, on lui donne une représentation ou . . 2.000 » —

Le maître de musique du Vaudeville est pris parmi les maîtres de musique du théâtre Imperial.

En tout une bonne troupe de Comédie et de Vaudeville compterait: à peu près . . . . . 98.500 roubles.
Frais de voyage pour les acteurs à 1.000 roubles par personne . . . . . 17.000 »
(Même somme pour le retour)
Pour achat de partitions, brochures etc . . . . 2.000 roubles.
Pour faux frais . . . . . 1.000 »
à fond perdu . . . . . 20.000 roubles.

Pour avances aux acteurs, lesquelles avances rentrent à la caisse . . . . . 30.000 »

Total de la somme, qu'il est nécessaire d'envoyer à Paris pour la formation de la troupe . . 50.000 roubles.

loin d'entrer en arrangement avec moi, l'on me fit reponse, que la première permission fut exclusivement donnée au feu général Apraxin et que je n'avais nul droit d'y prétendre, chose que votre Excellence ne m'a pas dit lors de mon premier voyage à st. Pétersbourg. J'ose pour la dernière fois, mon Prince, en appeler encore à Votre équité; il doit être à la connaissance de Votre Excellence, que cette permission fut donnée aux sollicitation du feu M-r Apraxin pour le public de Moscon et par conséquent à celui qui se chargerait de l'entreprise, comme celle enfin, qui fut donnée pour le théâtre Italien. C'était assez pour moi qu'il y fut marqué que sa Majesté Imperiale accordait la susdite demande, ce titre était sacré, j'aurais non seulement hasardé une partie de ma fortune, comme je l'ai fait, mais même entière, s'il avait fallu. J'espère donc, mon Prince, que Vous voudrez bien prendre en considération que je ne suis nullement autive, si le gouvernement a changé d'avis en voulant attacher la troupe française à la direction Impériale et que j'ai fait des avances pécuniaires, que si elles ne me rentraient pour entièrement déranger mes affaires. Je puis, si Votre Excellence le désire lui montrer des papiers qui prouvent authentiquement, que la permission fut de-

Nota. Chaque acteur doit avoir sa garderobe et tous les costumes devant être fournis par le magasin, ils doivent se contenter de ceux qu'on leur donne; c'est une clause qui se trouve dans tous les engagements en France.

Сіе предначертаніе, какъ еще не положительное, можетъ быть по полученіи точнѣйшихъ свѣдѣній изъ Парижа подвержено нѣкоторымъ измѣненіямъ, о чемъ донеся, буду испрашивать начальническаго утвержденія Вашего Сіятельства. Директоръ Кокошкинъ». (Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1827 г. № 63/234).

mandée pour moi et que je fus la seule qui se charge de cette entreprise. Pleine de confiance en Votre impartialité, mon Prince, j'ose espérer que Vous voudrez bien rendre justice à celle qui avec la considération la plus distinguée a l'honneur de se dire de Votre Excellence la très humble servante Sophie de Kartzoff».

Раздосадованный и утомленный неотвязчивостью Карцовой кн Волконскій положилъ на ея письмѣ рѣзкую резолюцію: «Отвѣчать, что ей никогда позволенія дано не было, ни обѣщанія никакого не дѣлано, слѣдовательно и права никакого не имѣетъ и чтобы впредь ко мнѣ болѣе не относилась, потому что я никакъ не могу согласиться на выписку труппы въ потерю Дирекціи, которая сама можетъ содержать труппу».

Такъ какъ домогательства Карцовой и послѣ этого не прекратились и она лично явилась въ Петербургъ съ ходатайствами, то кн. Волконскій счелъ нужнымъ доложить дѣло Государю, испросивъ Высочайшее повелѣніе: «Обязать жену отставного подпоручика Карцова подпискою, чтобы она впредь не осмѣливалась утруждать никого просьбами на счетъ учрежденія въ Москвѣ французскаго театра». Мѣра эта, какъ мы упоминули уже выше, 4 ноября 1827 г. была приведена въ исполненіе Петербургскимъ Генералъ-Губернаторомъ Генералъ-Адъютантомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Такъ закончилась первая попытка къ заведенію въ Москвѣ частнаго французскаго театра. Съ началомъ 1828 г. вопросъ этотъ вступилъ въ новую фазу. Кн. Голицынъ не успокоился отказомъ на его ходатайство въ 1827 г. и 4 Января 1828 г. [652]) вновь вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ.

---

[652]) Ibid. Дѣло 1828 г. № 83/186.

«По навыку съ давняго времени Московской публики пользоваться иностранными спектаклями, писалъ кн. Голицынъ, она, съ уничтоженіемъ бывшей тамъ итальянской оперы, лишена симъ дѣйствительно удовольственнаго занятія. Признавая по сему необходимымъ учрежденіе въ Москвѣ спектакля французскаго, мнѣ извѣстно было, что тамошняя Театральная Дирекція выписать и содержать таковаго на счетъ одного абонемента никакъ не можетъ. По сношеніямъ же о томъ съ Г. Министромъ Императорскаго Двора, зная нынѣ, что изволите въ пособіе содержанія С.-Петербургской французской труппы жаловать ежегодно 30.000 р., по примѣру сего, испрашиваю всеподданнѣйше таковаго же на сей предметъ пособія и для ввѣренной мнѣ столицы, находя, что средство сіе съ суммою абонементовъ будетъ къ полному успѣху предпріятія достаточно. Я, какъ начальствующій въ Москвѣ, заботясь также, чтобъ устройство французскаго спектакля соотвѣтствовало во всѣхъ отношеніяхъ желанію публики, испрашиваю съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы вызовъ изъ-за границы и составъ труппы были *мнѣ собственно* предоставлены, съ тѣмъ однако-же, чтобы оная по окончательномъ устройствѣ, поступивъ согласно положенію подъ начальство Министра Императорскаго Двора, поручена была, по примѣру же С.-Петербургскаго управленія французскимъ спектаклямъ, одному изъ членовъ Московской Театральной Дирекціи, и именно статскому совѣтнику Арсеньеву, имѣющему къ сему отличныя свѣдѣнія и способности. Я испрашиваю отъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества сей для Москвы милости, потому болѣе, что покойный Государь и Ваше Императорское Вели-

чество, точно такою же суммою, помогать содержанію Итальянской труппы изволили».

Такимъ образомъ, кн. Голицынъ, не блиставшій избыткомъ служебной деликатности, не довѣряя Московской Дирекціи въ дѣлѣ первоначальной организаціи французскаго театра, намѣревался въ дальнѣйшей его эксплоатаціи устранить непріятнагоему Кокошкина и поручить веденіе дѣла с. с. Арсеньеву [653]).

Кн. Волконскій, не могъ конечно, отнестись сочувственно къ проекту кн. Голицына, косвенно вторгавшемуся въ компетенцію самого Министра. Докладъ кн. Голицына не миновалъ Министра Двора и на документѣ этомъ значится такая надпись рукою кн. Волконскаго отъ 10 Января 1828 г.: «Высочайше повелѣно отпускать изъ Кабинета на содержаніе французской труппы въ Москвѣ 30.000 рублей съ тѣмъ, чтобы Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ напередъ предложилъ Московской публикѣ подписку на содержаніе труппы, которую *я берусь самъ* выписать изъ Франціи на то число суммы, какую будетъ составлять: пожалованныя Его Величествомъ, собранныя подпискою и при входѣ въ театръ».

Сообщивъ это Высочайшее повелѣніе кн. Голицыну, Министръ Двора 20 Января 1828 г. поручилъ Кокошкину сдѣлать «предварительное соображеніе къ содержанію французской труппы» и доставить «обстоятельный разсчетъ: 1-ое, до какой суммы могутъ про-

---

[653]) Можно предполагать, что это отличіе Арсеньева, усердно почеркиваемое кн. Голицынымъ, оказало отличившемуся дурную услугу въ театральной карьерѣ, которая какъ уже упомянуто выше, закончилась оставленіемъ Арсеньева за штатомъ въ 1830 году.

стираться первоначальныя издержки на выписку изъ Франціи актеровъ? 2-ое, сколько предположить можно всего сбора съ французскихъ спектаклей въ теченіе года? и 3-е, сколько потребно будетъ на годовое содержаніе таковой труппы со всѣми принадлежащими къ ней расходами, какъ то: на экипажъ для актеровъ, на освѣщеніе театра, на костюмы и оркестръ?».

Кокошкинъ вскорѣ же представилъ Министру слѣдующее «Соображеніе о расходѣ суммъ на выписку французской труппы и о доходѣ съ оной».

Примѣрное исчисленіе доходовъ.

До какой суммы можетъ простираться абонементъ на франц. спектакли положительно опредѣлить не возможно; почему сумму доходовъ отъ французской труппы можно только гадательно исчислить наличными сборами вмѣстѣ съ абонементомъ слѣдующимъ образомъ:

Французскихъ спектаклей можно дать въ теченіе года—100 (не считая бенефисовъ).

Предположивъ, что каждый спектакль въ годовой сложности можетъ дать наличнаго сбора съ абонементомъ 1.500 р. что составитъ.	150.000 р.
Сверхъ того пособіе изъ Кабинета ежегодно.	30.000 »
Всего.	180.000 р.

Примѣрное исчисленіе расходовъ.

На жалованье артистамъ франц. труппы, также суфлеру, копіисту и режиссеру	98.500 р.
На выдачу вояжныхъ денегъ	17.000 »
На покупку партицій, выписку пьесъ и пр. .	3.000 »

Сверхъ того:

На гардеробъ	10.000 р.
На прибавку 4 экипажей, по 2.240 р. каждый, до.	9.000 »
На освѣщеніе театровъ, 50 спектаклей на Большомъ, по 160 р.—8.000 р., 50 спектаклей на Маломъ, по 80 р.—4.000 р. до.	13.000 »
Вечеровыхъ издержекъ, полагая на спектакль по 150 р.	15.000 »
Десятой части, за исключеніемъ освѣщенія и вечеровыхъ расходовъ (Опек. Совѣту).	12.200 »
Всего . . .	177.700 »

Примѣчаніе. «Сверхъ сихъ расходовъ необходимо въ самомъ началѣ употребить въ расходъ безъ возврата вышесказанные 17.000 р. вояжныхъ денегъ и выдать выписываемымъ артистамъ въ счетъ ихъ жалованья до 30.000 р. или болѣе, что составитъ до 50.000 р., изъ коихъ 30.000 руб. возвратятся впослѣдствіи въ кассу Дирекціи».

Такимъ образомъ, за выдѣленіемъ единовременнаго расхода въ 20.000 р., по Кокошкинскому проекту баланса годовой эксплоатаціи французской труппы опредѣлялся остатокъ свыше 22.000 р.

Вмѣстѣ съ проектомъ баланса Кокошкинъ представилъ Министру и табель цѣнъ на мѣста при французскихъ спектакляхъ. Цѣны на ложи въ вечеровой продажѣ онъ предполагалъ повысить противъ существовавшихъ: въ бель-этажѣ и бенуарѣ на 5 руб. и въ ложахъ 1-го ряда, надъ бельэтажемъ,—на 2 р. 50 к., всѣ же прочія мѣста и кресла оставлялъ, и въ вечеровой продажѣ и въ абонементѣ, въ цѣнѣ, уста-

новленной при открытіи Малаго театра (см. кн. 1, стр. 300) для русскихъ спектаклей. Абонементъ устанавливалъ Кокошкинъ трехъ видовъ: годовой, на 100 спектаклей: ложи бельэтажа—1.500 р., бенуара — 1.250 р. и 1-го ряда — 1.000 р.; полугодовой, на 50 спектаклей: бельэтажа — 875 р., бенуара — 750 р. и 1-го ряда — 625 р. и десятерной (на 10, 20, 30 и 40 спектаклей)—по цѣнамъ вечеровой продажи.

Полный годовой абонементъ на ложи, по проекту Кокошкина, могъ бы дать сумму до 73.000 р., «но какъ сего навѣрно опредѣлить не возможно, писалъ Кокошкинъ, то въ замѣнъ того, оставшіяся ложи будутъ продаваться по увеличенной нѣсколько вечеровой цѣнѣ, полагать должно, что скорѣе будутъ абонироваться на полгода, поелику лѣтомъ публика, любящая сего рода спектакли, всегда разъѣзжается по деревнямъ. Впрочемъ, какъ я уже доносилъ Вашему Сіятельству, на первый годъ отъ французскаго спектакля можно ожидать значительной выгоды». Повышеніе цѣнъ на ложи Кокошкинъ считалъ справедливымъ, «по умноженію при выпискѣ французской труппы и дѣйствій расходовъ», предполагая, что это повышеніе «вѣроятно не будетъ отяготительно для Московской публики».

Представляя Министру проектъ баланса и табели цѣнъ, Кокошкинъ писалъ: «необходимо для подписки опредѣлить и время выписки въ Москву французской труппы. Весьма было бы полезно, если бы оная прибыла въ Москву къ 1-му Октября мѣсяцу сего (1828) года, ибо сіе время есть самое сомнительное для доходовъ отъ русскихъ спектаклей, причемъ обязанностью считаю представить, что необходимо нужно,

дабы контракты съ французскими артистами сдѣланы были такъ, что если кто либо изъ нихъ въ теченіе перваго года окажется слабымъ въ талантѣ или въ здоровьи, то чтобы Дирекція имѣла право таковаго по прошествіи года уволить, снабдя его суммою на обратный путь и выписать на мѣсто онаго полезнѣйшаго артиста. Сіе предохранитъ Дирекцію отъ упадка доходовъ отъ сихъ спектаклей и вмѣстѣ будетъ порукою въ томъ, что ненадежный артистъ самъ не рѣшитъ на столь дальній путь».

Поступивъ рѣшительно съ вопросомъ объ оставленіи въ своихъ рукахъ организаціи французскаго театра въ Москвѣ, кн. Волконскій, тѣмъ не менѣе, отлично понималъ, что успѣхъ этого театра прежде всего зависитъ отъ абонемента на спектакли, размѣръ котораго, въ свою очередь, отражалъ въ себѣ большее или меньшее расположеніе къ театру высшаго Московскаго общества и его тогдашняго флигельмана—кн. Голицына. Въ виду этого Министръ Двора приказалъ Кокошкину представить на предварительное разсмотрѣніе Генералъ-Губернатора росписаніе цѣнъ мѣстамъ на французскіе спектакли, «прося отъ имени Министра, его на сіе мнѣніе и буде согласенъ будетъ, тогда публиковать о подпискѣ».

Кн. Голицынъ, очевидно обиженный Высочайшимъ повелѣніемъ 10 Января, цѣлыхъ два мѣсяца отмалчивался, но поощренный просьбой Министра утвердить цѣны, опять поднялъ голову и отправилъ 12 Апрѣля 1828 г. такое письмо кн. Волконскому: «Извѣстясь отношеніемъ Вашего Сіятельства отъ 20 Января сего года о Всемилостивѣйше пожалованныхъ Государемъ Императоромъ по моему представленію 30.000 рублей

ежегодно на заведеніе французскаго спектакля въ Москвѣ,—я утвердилъ цѣны какъ годового абонемента, такъ и вечеровой продажи на мѣста въ театрѣ съ здѣшнею Театральною Дирекціею и въ исполненіе объявленной мнѣ Высочайшей Воли предложилъ Московской публикѣ подписку на содержаніе труппы французскихъ актеровъ, по которой нынѣ въ короткое время за первый абонементъ ложъ и креселъ собрано до 40.000 руб. ассигнаціями. Готовность публики содѣйствовать успѣху предпріятія служитъ доказательствомъ, что всѣ мои предстательства о учрежденіи здѣсь французскаго театра были не напрасны». Далѣе, поддерживая свой престижъ, хотя бы и въ ущербъ истинѣ, кн. Голицынъ пишетъ: «Государь Императоръ соизволивъ на мое ходатайство по изъясненному предмету предоставилъ мнѣ право избрать и выписать для Москвы труппу изъ Парижа, съ тѣмъ, что по прибытіи ея на границу, она вступитъ въ зависимость здѣшней Театральной Дирекціи. Но какъ, по личному моему объясненію съ Вами, Милостивый Государь мой, Вамъ угодно было принять сіе право на себя, то нынѣ покорнѣйше прошу Васъ о слѣдующемъ: 1-е. Чтобы труппа выписываемыхъ актеровъ для комедіи и водевиля, по возможности, была тщательно избрана, дабы первое появленіе ея на сценѣ могло упрочить французскій спектакль въ Москвѣ. 2-е. Чтобъ представленія оной могли начаться съ будущей осени и сдѣлано было безъ замедленія отъ Вашего Сіятельства зависящее распоряженіе для выбора и соглашенія артистовъ въ Парижѣ, которые будутъ имѣть довольно времени прибыть сюда къ предполагаемому сроку. 3-е. Весьма желательно, чтобъ не дозволено было ни одному изъ

выписываемыхъ сюжетовъ для Московскаго театра дебютировать въ С.-Петербургѣ, дабы не возродить черезъ то желаніе оставить лучшихъ на тамошней сценѣ. Въ отвращеніе чего, не изволите ли Ваше Сіятельство признать справедливымъ, чтобы всѣ вызываемые для здѣшней столицы актеры предприняли путь въ Москву прямо черезъ Варшаву, который есть кратчайшій». Заканчивалъ письмо свое кн. Голицынъ прямой угрозой: «Въ случаѣ удержанія хотя одного артиста въ С.-Петербургѣ, побуждаемый лестнымъ довѣріемъ публики, я долженъ довести до Вашего свѣдѣнія, что она откажетъ себѣ въ удовольствіи съ тѣмъ же единодушіемъ, съ какимъ нынѣ желаетъ французскаго спектакля».

Всегда осторожный и предусмотрительный кн. Волконскій, ясно понявъ изъ письма кн. Голицына, что, при такихъ отношеніяхъ съ нимъ, возможная неудача предпріятія французской антрепризы, неминуемо будетъ сложена на самого Министра, счелъ болѣе благоразумнымъ отступить и уклониться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ о требованіяхъ кн. Голицына, по которому, 14 Апрѣля 1828 г. [654]), послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «Дать на французскій театръ въ Москвѣ только 30.000 р. изъ Кабинета, когда труппа будетъ выписана и болѣе ничего и предоставить Московскому Военному Генералъ-Губернатору выписать самому труппу *съ тѣмъ, что Дирекціи никакого дѣла не будетъ*, на основаніи бывшей Итальянской труппы». Съ этимъ вмѣстѣ вопросъ о казенной французской антрепризѣ неожи-

[654]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1828 г. № 83,186.

даннымъ образомъ упразднился и дѣло организаціи въ Москвѣ французскаго театра вступило въ новую третью фазу—попытки частной антрепризы.

Хотя въ тонѣ Высочайшаго повелѣнія 14 Апрѣля слышалась раздражительная нотка, тѣмъ не менѣе сущность его вполнѣ отвѣчала вожделѣніямъ кн. Голицына получить субсидію и остаться хозяиномъ дѣла. Какъ deus ex machina, вновь появилась г-жа Карцова, въ качествѣ антрепренерши французскаго театра въ Москвѣ и 24 Мая 1828 г. [655]) кн. Голицынъ заключилъ съ нею контракъ на 3 года. Условія контракта въ главныхъ основаніяхъ были поставлены слѣдующія: а) г-жа Карцова обязана выписать изъ Парижа, не позже Октября 1828 г. и содержать въ Москвѣ «французскую труппу изъ 16 или 18 актеровъ и актрисъ, составленную для представленій большой и малой комедіи, малой оперы и водевилей, которая бы искусствомъ своимъ удовлетворяла вкусу публики», б) Карцовой предоставлено давать ежегодно 100 спектаклей, кромѣ бенефисовъ; в) наемъ и содержаніе театра, монтировка, всѣ издержки при спектакляхъ, оркестръ, освѣщеніе, прислуга и плата установленной части сбора Опекунскому Совѣту, лежатъ на г-жѣ Карцовой; г) г-жѣ Карцовой предоставлено устанавливать и измѣнять цѣны на мѣста въ ея театрѣ; д) г-жѣ Карцовой предоставляются всѣ сборы съ ея спектаклей и субсидія изъ Кабинета Е. В. въ 30.000 руб. въ годъ, уплачиваемая по полугодно впередъ, со дня прибытія ея труппы въ Москву; е) г-жа Карцова обязана выдѣлить изъ продажи одну ложу для Августѣйшихъ

---

[655]) Ibid.

Особъ, одну ложу для свиты ихъ и 4 кресла 1-го ряда для начальства столицы. Кромѣ того былъ поставленъ подъ номеромъ 7-мъ пунктъ контракта, имѣвшій повидимому особое значеніе впослѣдствіи, въ вопросѣ о закрытіи спектаклей г-жи Карцовой. Пунктъ этотъ гласилъ слѣдующее: «7, Если бы, по какимъ нибудь непредвидѣннымъ причинамъ, въ отпускѣ казенной суммы прежде истеченія 3-хъ лѣтъ было отказано, то дозволяется мнѣ Карцовой прекратить свое предпріятіе безъ всякой отвѣтственности въ отношеніи артистовъ, мною вызванныхъ, но обязана я, Карцова, возвратить публикѣ деньги, по принадлежности, за невыполненныя представленія. Всякій непредвидѣнный случай, который лишилъ бы меня, Карцову, подобно вышеприведенному, возможности продолжать представленія, не поставляетъ меня ни въ какую отвѣтственность предъ артистами, исключая того, что я обязуюсь, *въ случаѣ несостоятельности французскаго театра съ моей стороны*, возвратить актеровъ въ ихъ отечество своимъ иждивеніемъ». Этимъ условіемъ контракта до нѣкоторой степени освѣщается, непонятная иначе, послѣдующая, какъ увидимъ, настойчивость кн. Голицына въ испрошеніи приказанія свыше закрыть спектакли г-жи Карцовой, до конца своей антрепризы находившейся подъ особымъ покровительствомъ Московскаго Генералъ-Губернатора.

Однако, есть основаніе предполагать, что Московская Дирекція, несмотря на категорическое указаніе Высочайшаго повелѣнія 14 Апрѣля 1828 г., что ей «никакого дѣла не будетъ» до Французскихъ спектаклей,—фактически была привлечена кн. Голицынымъ, въ качествѣ фирмы для предпріятій г-жи Карцовой.

Было ли это сдѣлано съ разрѣшенія Министра Двора, или по частному соглашенію съ Кокошкинымъ, остается открытымъ вопросомъ, но фактъ на лицо: Въ Московскихъ вѣдомостяхъ 21 Іюля 1828 г. появилось слѣдующее объявленіе [656]): «Какъ число остающихся за абонементомъ ложъ въ бельэтажѣ и бенуарахъ по подпискѣ на французскій спектакль, съ Высочайшаго Государя Императора дозволенія, подъ вѣдѣніемъ Императорской Театральной Дирекціи въ Москвѣ учреждаемый, весьма уже незначительно, то Канцелярія Его Сіятельства г-на Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, въ которой та подписка продолжается, извѣщая о томъ всѣхъ желающихъ абонировать бенуаръ, ложи и пр. для французскихъ представленій, увѣдомляетъ, что подписка принимается, въ означенной Канцеляріи каждый день, гдѣ при внесѣ сполна суммы за мѣста, будутъ выдаваемы абонировавшимся надлежащія квитанціи, по доставленіи которыхъ въ Контору Дирекціи Императорскаго театра (по прибытіи труппы, о чемъ будетъ извѣщено) Контора снабдитъ предъявителей билетами».

Первоначально спектакли французской труппы предположено было начать 15 Ноября 1828 г., но трауръ по Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ задержалъ открытіе французскаго театра до Января 1829 г. и съ этого времени Карцова начала получать пособіе изъ Кабинета Е. В. Ввиду этой тягостной для Карцовой и несправедливой отсрочки, кн. Голицынъ 31 Января, представляя на Высочайшее утвержденіе заключенный съ Карцовой контрактъ, ходатайствовалъ о

---

[656]) Московскія вѣдомости 1828 г. № 32.

продолженіи срока его еще на 4 мѣсяца, «для огражденія на будущее время предпріятія Карцовой отъ всѣхъ случайностей, которыя бы могли разрушить ея соглашенія съ артистами, заставили бы терпѣть убытки, или совершенно разстроить ея положеніе». Контрактъ Карцовой и продолженіе его дѣйствія еще на 4 мѣсяца получили Высочайшее утвержденіе 2 Февраля 1829 г.

Надо думать, что составъ Карцовской французской труппы, соотвѣтствовавшій скромнымъ окладамъ жалованья ея артистовъ, не оправдалъ ожиданій Московской публики. Несмотря на значительный въ 1-й годъ абонементъ, около 60.000 р., театръ пустовалъ и антрепренершѣ пришлось, съ первыхъ же шаговъ своихъ, понизить цѣны мѣстамъ въ абонементѣ и ввести въ вечеровую продажу купоны въ ложахъ. Нанятое Карцовой зданіе театра было неудовлетворительно и вызывало жалобы на холодъ. Въ Январѣ 1829 г. Карцова выпустила въ Московскихъ вѣдомостяхъ такое, довольно безцеремонное, объявленіе [657]): L'administration prévient le public qu'elle vient de faire établir des poêles pour chauffer la salle; si d'après cette mesure, messieurs les abonnés ne trouvaient pas encore leur loge assez chaude, ils pourront à leur gré y faire mettre en dedans des rideaux en drap vert».

Позднѣе, ко всѣмъ недостаткамъ французской антрепризы присоединилась еще и стихійная невзгода, въ видѣ холеры 1830 г., унесшей въ могилу двухъ лучшихъ артистовъ Карцовской труппы. Французскій театръ въ Москвѣ катился по наклонной плоскости и приносилъ убытки предпринимательницѣ. Уже въ

---

[657]) Московскія вѣдомости 1829 г., № 3, приложеніе.

Мартѣ 1830 г. [658]) отставной актеръ Императорской французской труппы въ Петербургѣ г. Клозель подалъ прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ объяснялъ, что «будучи освѣдомленъ о намѣреніи г-жи Карцовой оставить пожалованную ей привиллегію на содержаніе французскаго театра въ Москвѣ, онъ желаетъ получить сіе право на 3, на 6, или на 9 лѣтъ, съ такими же преимуществами и пособіемъ, какими пользовалась г-жа Карцова». Слухи о желаніи Карцовой прекратить отставку оказались основательными. 16 Іюня 1830 г. [659]) кн. Голицынъ писалъ Министру Двора, что Карцова желаетъ сдать ея труппу Московской Дирекціи и предлагаетъ ей же купить за 15000 р. всю свою библіотеку, музыку, декораціи и принадлежности, прося лишь оставить за ней, Карцовой, срочный 15 Іюля 1830 г. платежъ изъ Кабинета Е. В. 15.000 рублей, въ вознагражденіе за издержки по выпискѣ труппы изъ Парижа. Князь Голицынъ, съ своей стороны, указывалъ на несомнѣнную выгоду принятія въ Дирекцію труппы Карцовой и опять рекомендовалъ управленіе французскимъ театромъ возложить на с. с. Арсеньева, съ зачисленіемъ его по особымъ порученіямъ при Министрѣ Двора. Кн. Волконскій отказался входить въ какіе либо переговоры съ Карцовой, но признавалъ возможнымъ и полезнымъ поднять вопросъ объ открытіи въ Москвѣ казеннаго французскаго театра, но лишь тогда, когда Карцова сама совершенно откажется отъ антрепризы.

Такимъ образомъ, съ весны 1830 г. вопросъ су-

---

658) Общ. Арх. М. И. Д. Канцел. М-ва Дѣло 1830 г. № 101/227.

659) Ibid.

ществованія въ Москвѣ французской труппы вступилъ въ четвертый свой фазисъ, закончившійся, какъ увидимъ далѣе, открытіемъ въ Маѣ 1831 г. Императорскаго французскаго театра въ Москвѣ.

27 Іюля 1830 г., осаждаемый ходатайствами Московскаго Генералъ-Губернатора, Министръ Двора препроводилъ Кокошкину всю переписку свою съ кн. Голицынымъ по поводу присоединенія къ Дирекціи труппы Карцовой и предложилъ высказать мнѣніе, «что будетъ выгоднѣе: теперь ли принять отъ Карцовой французскую труппу, на предлагаемыхъ ею условіяхъ, или по истеченіи срока ея контракта»? Въ отвѣтъ на это Кокошкинъ, весьма здраво, какъ оказалось впослѣдствіи, смотрѣвшій на дѣло, 7 Августа 1830 г., рапортовалъ Министру такъ: «Я по долгу службы обязанъ утвердительно донести, что принятіе теперь и прежде сего столь скудной талантами, а нынѣ уже и слишкомъ малочисленной, французской труппы, содержимой здѣсь г-жей Карцовой, значило бы подвергнуть Дирекцію Московскаго театра неминуемымъ долгамъ, которыхъ и сама содержательница, имѣвъ на 1-й годъ абонементъ до 60.000 р., не избѣжала. А по сему не подвержено никакому сомнѣнію, что по истеченіи срока ея контракта возможно будетъ по волѣ Вашей, принявъ другія мѣры, учредить вновь французскій спектакль, болѣе приличный столицѣ и достойный занимать образованное оной общество, но не иначе, какъ взявъ въ основаніе заблаговременный абонементъ на французскіе спектакли, коихъ какъ Военный Генералъ-Губернаторъ изъясняетъ, Москов-

660) Ibid.

ская публика столько желаетъ, слѣдовательно это и не трудно будетъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что лучше организованная труппа безъ сомнѣнія болѣе будетъ имѣть и привлекательности, въ зависимости отъ изящества талантовъ, а по цѣнамъ, платимымъ г-жей Карцовой артистамъ французскимъ [661]), едвали можно имѣть и самую посредственность. Что же касается до предметовъ г-жи Карцовой, предполагаемыхъ къ сдачѣ Дирекціи за 15.000 р., то ни костюмы, ни декораціи, ни музыка, ни аксесуары вовсе для Дирекціи не нужны будутъ, развѣ одна библіотека, которая много стоить не можетъ».

18 Августа Министръ предложилъ Кокошкину «Составить проектъ на учрежденіе въ Москвѣ отъ Театральной Дирекціи французскаго спектакля, по окончаніи срока контракта г-жи Карцовой, по коему теперь находится тамъ французская труппа», а 17 Сентября онъ писалъ Кокошкину: «нынѣ извѣстясь, что нѣкоторые изъ артистовъ сей труппы отошли уже отъ г-жи Карцовой и опасаясь, чтобы лучшіе изъ нихъ не уѣхали во Францію, я нужнымъ считаю предписать Вашему Превосходительству, во избѣжаніе излишнихъ издержекъ, которыя потребуются на выписку новыхъ актеровъ, войти заблаговременно въ сношеніе съ тѣми артистами, коихъ признаете Вы достойными оставить для предназначеннаго французскаго спектакля въ Москвѣ и объ условіяхъ, на какія они согласятся вступить въ службу Дирекціи, не оставьте впослѣдствіи мнѣ донести».

---

[661]) 15 артистовъ Карцовской труппы получали содержанія всего 58.400 р. въ годъ и 13 бенефисовъ.

Кокошкинъ, удрученный тогда заботами о положеніи Дирекціи въ тяжелое холерное время, долго не присылалъ требуемаго проекта, что вызывало напоминанія и неудовольствіе Министра. На всеподданнѣйшемъ докладѣ кн. Голицына отъ 6 Сентября 1830 г., въ которомъ испрашивалось Высочайшее соизволеніе на прекращеніе Карцовской привиллегіи, съ закрытіемъ ея театра въ Москвѣ и на оставленіи труппы Карцовой при Московской Дирекціи, значится такая помѣтка кн. Волконскаго: «Высочайше повелѣно дождаться отвѣта отъ Кокошкина». Наконецъ 22 Ноября 1830 г., за ослабленіемъ въ Москвѣ холерной эпидеміи, Кокошкинъ прислалъ Министру подробное объясненіе причинъ его медлительности, хорошо рисующее основанія справедливой тревоги Московскаго Директора за будущее тамошнихъ театровъ, съ принятіемъ въ Дирекцію французской труппы Карцовой. Въ весьма пространномъ рапортѣ своемъ [662]) Кокошкинъ излагалъ дѣло такъ:

«Вслѣдствіе предписанія Вашего Сіятельства отъ 12 сего мѣсяца, честь имѣю донести, что проектъ на учрежденіе въ Москвѣ отъ Театральной Дирекціи французскаго спектакля еще въ прошедшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ мною сдѣланъ, если же оный мною не былъ представленъ, тому причины слѣдующія:

1. Окончаніе срока контракта г-жи Карцовой не прежде должно было послѣдовать, какъ 14 октября 1831 г., а что г-жа Карцова нынѣ отъ содержанія французскаго театра отказывается, о томъ никто со мною не сносился и я о семъ узналъ только нынѣ изъ Вашего предписанія; тѣмъ менѣе я могъ предпо-

[662]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва Дѣло 1830 г. №101/227.

лагать сіе, что г-жа Карцова ожидала прибытія выписываемыхъ ею вновь нѣсколькихъ французскихъ артистовъ, слѣдовательно имѣла намѣреніе содержаніе французскаго театра продолжать.

2. Хотя я, между тѣмъ, уже и входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми артистами наличной здѣсь французской труппы, но все сіе прекратилось по случаю возникшей здѣсь смертоносной болѣзни, отъ коей два артиста весьма нужные въ малочисленной и безъ того французской труппѣ умерли.

3. Чтобы быть въ состояніи организовать въ Москвѣ французскую труппу, мнѣ необходимо нужно было знать роды и таланты ожидаемыхъ еще изъ Франціи артистовъ, которые только лишь третьяго дня сюда прибыли. При всемъ этомъ, соображая при объявляемыхъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ спектакляхъ убытки и потомъ закрытіе на неопредѣленное время Московскаго театра, съ безпрерывными между тѣмъ расходами, я уже заранѣе представлялъ себѣ будущую бѣдственную картину нынѣшняго положенія Московскаго театра; вслѣдствіе чего и не осмѣливался уже затруднять Ваше Сіятельство заведеніемъ новаго спектакля.

Нынѣ, когда здоровье Москвы улучшается и сообщенія сдѣлались менѣе опасны, я, по прибытіи сюда новыхъ французскихъ артистовъ, не перестаю заниматься самъ существенно важнымъ для пользы Московскаго театра проектомъ.

По числу находящихся здѣсь французскихъ артистовъ, вмѣстѣ со вновь прибывшими, кажется есть и возможность при открытіи театра начать и французскія представленія, но какъ имѣлъ честь и прежде

въ донесеніи моемъ по сему предмету представлять Вашему Сіятельству, что операція сія могла бы быть приведена въ исполненіе, не иначе и не прежде, какъ по соображенію достаточнаго абонемента на французскіе спектакли, но въ нынѣшнемъ положеніи Москвы, по выѣзду изъ оной многихъ фамилій и по другимъ послѣдствіямъ губительной болѣзни, сдѣлать сего невозможно. Дирекція же Московская, находясь нынѣ въ затруднительномъ положеніи въ отношеніи содержанія русскаго театра, естественно, безъ абонемента не имѣетъ никакихъ средствъ содержать на жалованьи иностранныхъ артистовъ, а по сему, всемѣрно стараясь положить скорѣйшее начало французскаго спектакля въ Москвѣ, я нахожу одно только средство для перваго приступа къ сей операціи, которое, нѣтъ сомнѣнія, въ другое время, вмѣсто наносимаго прежде частнымъ французскимъ спектаклямъ вреда,— могло бы причинить Московскому театру весьма важную пользу.

Средство сіе состоитъ въ томъ, чтобъ согласить находящихся здѣсь нынѣ наличныхъ французскихъ артистовъ, коихъ числомъ съ вновь прибывшими до 16 обоего пола, чтобы оные условились съ Дирекціей, съ открытія театра до Ноября мѣсяца будущаго года, давать по 2 и по 3 спектакля въ недѣлю, довольствуясь половиною сбора съ ихъ спектаклей, за вычетомъ расходовъ. Способъ сей, по моему мнѣнію, дастъ возможность труппѣ существовать, а между тѣмъ предоставитъ достаточное время Дирекціи пополнить выпискою недостающихъ въ труппѣ на нѣкоторыя амплуа артистовъ и замѣнить лучшими слабые таланты; и тогда уже труппа, бывъ совершенно и при-

лично столицѣ организована, поступитъ на жалованье по сдѣланному проекту, который у сего имѣю честь представить Вашему Сіятельству. Изъ сего составленнаго еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, предначертанія изволите усмотрѣть, что я отдалилъ всѣ обременительные расходы, относительно квартиръ, гардероба, экипажей и пр., дабы все устройство французскаго спектакля не превосходило 100.000 рублей.

Чтобы не потерять времени, я уже отнесся къ французской труппѣ съ вышеозначеннымъ предложеніемъ и о успѣхѣ чего не премину въ непродолжительномъ времени донести Вашему Сіятельству, но о проектѣ, какъ еще не утвержденномъ начальствомъ, имъ не сообщаю, тѣмъ болѣе, что въ ономъ, при исполненіи, могутъ послѣдовать нѣкоторыя перемѣны въ отношеніи жалованья и можетъ быть еще и другія, ибо проектъ сей составленъ не на лица.

Съ чувствомъ всеподданѣйшей благодарности пріемлю милость Монаршую въ дарованіи Дирекціи ежегоднаго пособія на содержаніе при Московскомъ театрѣ французской труппы суммы 30.000 р., я не могу и не долженъ скрыть отъ Вашего Сіятельства опасенія моего, чтобъ невольно не подвергнуться отвѣтственности, въ случаѣ, если черезъ операцію сію послѣдуетъ дефицитъ въ балансѣ приходовъ театра съ расходами. Не дерзая ничего требовать, готовый какъ и прежде во многихъ пріобрѣтеніяхъ Московскаго театра, чрезъ хозяйственныя мѣры, обходиться безъ обремененія правительства излишними расходами, я взываю къ Вашему Сіятельству о поданіи лишь средствъ не подпасть подъ угрожающую мнѣ отвѣтственность. Опасенія мои не суть мечта-

тельныя, но въ основаніи имѣютъ самое событіе. Г-жа Карцова, имѣя равное пособіе 38.000 р., а сверхъ того на 1-й годъ абонемента до 60.000 р. или 70.000 р. и, какъ слышно, болѣе половины сей суммы на сей текущій годъ, не менѣе того подверглась раззоренію, что подтверждено и свидѣтельствомъ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Что же послѣ сего можетъ послѣдовать съ Московскою Дирекціею, неимѣющею нынѣ никакого средства сдѣлать подобно г-жѣ Карцовой абонементъ? Можно возразить, что Императорскій театръ имѣетъ у себя всѣ принадлежности для спектаклей, но сколько же разъ расходы оныхъ превосходятъ расходы театра г-жи Карцовой?, гдѣ давались спектакли не только безъ всякой помпы, но и безъ необходимостей, требуемыхъ назначеннымъ спектаклемъ, между прочимъ, одно освѣщеніе театра, которое ей стоило, какъ говорятъ, не свыше 20 р. въ вечеръ,—стоитъ Дирекціи на Маломъ театрѣ каждый вечеръ 90 р., а при Большомъ театрѣ—отъ 160 иногда до 200 и болѣе рублей. Г-жа Карцова не имѣла ни статистовъ, ни хоровъ, ни рабочихъ, коихъ по пространству сцены нашего театра требуется часто значительное число и коимъ выдается вечеровая плата.

Осмѣливаюсь всѣ сіи справедливыя причины предоставить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства.

Обязанностью также поставляю донести Вашему Сіятельству, что на Малый театръ въ домѣ купца Варгина контрактъ еще и до селѣ не заключенъ Дирекціей; оный при устройствѣ французскаго спектакля будетъ сугубо необходимъ, ибо предполагаю спектакли ихъ давать на ономъ, а развѣ тогда только на Большомъ, когда потребуетъ сего великолѣпное какое

представленіе, или къ сему побудитъ польза и выгода Московскаго театра.

Въ заключеніе долгомъ поставляю донести, что если французская труппа не согласится на сдѣланныя мною предложенія давать имъ представленія пополамъ съ Дирекціей, то готовъ предложить имъ 2/3 сбора, за вычетомъ вечеровыхъ расходовъ».

На рапортѣ Кокошкина значится такая помѣтка рукой кн. Волконскаго: «Дождаться отъ Кокошкина отвѣта актеровъ на предложеніе имъ сдѣланное на половинѣ содержанія (сбора?)».

Получивъ объясненія Кокошкина кн. Волконскій вновь сдѣлалъ докладъ Государю по возбужденнымъ кн. Голицынымъ вопросамъ и 17 Декабря 1830 г. сообщилъ ему, что согласно Высочайшей волѣ, «когда Дирекція будетъ имѣть возможность собрать достаточный абонементъ на французскій спектакль, то немедленно приступитъ къ выпискѣ артистовъ для онаго, а дабы скорѣе сіе могло исполниться, писалъ кн. Волконскій, покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство оказать со стороны Вашей нужное содѣйствіе Дирекціи къ успѣшному сбору абонемента. Что жъ касается до испрашиваемаго Вашимъ Сіятельствомъ Высочайшаго соизволенія на закрытіе нынѣшняго французскаго театра въ Москвѣ, съ прекращеніемъ привиллегіи данной подпоручицѣ Карцовой, то Его Величество предоставляетъ рѣшить сіе по Вашему усмотрѣнію».

Кн. Голицынъ, какъ любитель и знатокъ театра, конечно, хорошо оцѣнивалъ недостатки Карцовскаго театра, тѣмъ не менѣе, онъ настаивалъ на принятіи артистовъ этого театра въ Дирекцію. Очевидно, онъ хотѣлъ тѣмъ или инымъ путемъ, т. е. насильствен-

нымъ ли закрытіемъ антрепризы, пріемомъ ли Карцовскихъ артистовъ на Императорскую сцену, снять съ Карцовой лежавшее на ней по 7 пункту контракта ея обязательство оплатить обратный проѣздъ артистовъ въ Парижъ. Полученный кн. Голицынымъ отвѣтъ 17 Декабря былъ неудовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ; вопросъ о пріемѣ въ Дирекцію Карцовскихъ артистовъ оставленъ невыясненнымъ и даже сомнительнымъ, въ виду скудныхъ условій ангажемента, поставленныхъ Кокошкинымъ; вопросъ же закрытія антрепризы сверху—былъ категорически рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Въ силу этого становится понятнымъ нѣкоторое раздраженіе, сквозящее въ послѣдующемъ отвѣтномъ письмѣ кн. Голицына отъ 29 Декабря 1830 г. [663]) на просьбу Министра о содѣйствіи къ сбору абонемента Текстъ этого письма таковъ: «М. Г. Князь Петръ Михайловичъ. Изображенную въ почтеннѣйшемъ отношеніи Вашего Сіятельства отъ 17 сего Декабря, Высочайшую волю насчетъ закрытія нынѣшняго спектакля въ Москвѣ я объявилъ г-жѣ Карцовой. Что же принадлежитъ до требованія, Вашего Сіятельства, чтобы я съ моей стороны оказалъ нужное содѣйствіе Дирекціи Московскихъ театровъ къ успѣшнѣйшему сбору абонемента, дабы чрезъ то открыть ей возможность имѣть французскій спектакль, то, при всемъ желаніи моемъ доставить Московской публикѣ пріятное, о чемъ во время управленія моего здѣшнимъ театромъ, я всѣми возможными отъ меня способами заботился, мнѣ, нынѣ не знающему ни разсчетовъ Дирекціи, а потому

---

[663]) Ibid.

не понимающему тѣхъ затрудненій, которыя она встрѣчаетъ, — къ прискорбію моему, ничего болѣе не остается, какъ совершенно уклонить себя отъ всякаго въ семъ случаѣ участія. Крайне сожалѣю, что Ваше Сіятельство, по многочисленнымъ занятіямъ своимъ, не имѣете времени обратить особенное вниманіе на сей предметъ. Я совершенно увѣренъ, что, при ближайшихъ соображеніяхъ Вашихъ, отклонены бы были затрудненія г. Директора и желаніе Московской публики, конечно, удовлетворено бы было со всею возможною поспѣшностью».

Кокошкинъ не имѣлъ успѣха въ переговорахъ съ артистами Карцовской труппы; они не соглашались на полученіе не только ½ или ²/₃ сбора, но даже и ³/₄ его, а требовали пріема на условіяхъ бывшаго Карцовскаго ангажемента. Кокошкинъ настаивалъ на своемъ, что затягивало дѣло и раздражало Министра. Кокошкинъ, видимо, стремился къ выпискѣ новыхъ артистовъ; сбереженіе же на вояжныхъ деньгахъ, которыя пришлось бы имъ заплатить, склоняло кн. Волконскаго въ сторону ангажемента находившейся уже въ Москвѣ труппы. Въ этихъ колебаніяхъ закончился карнавалъ 1830—1831 года и наконецъ 6 Марта 1831 г. кн. Волконскій далъ Кокошкину предписаніе: «Отобрать отъ находящися въ Москвѣ французскихъ актеровъ отзывы: согласны ли они будутъ служить при Московской Театральной Дирекціи на томъ самомъ содержаніи, какое они получали отъ г-жи Карцовой, но съ тѣмъ, чтобы Дирекція заключала съ ними контракты погодно и отзывы ихъ прислать къ Министру съ Загоскинымъ».

Этимъ закончилось участіе Кокошкина въ дѣлѣ

организаціи французскаго театра въ Москвѣ; вскорѣ же послѣдовало увольненіе Кокошкина и замѣщеніе его Загоскинымъ, что, несомнѣнно, находилось въ связи съ вызовомъ и съ поѣздкой послѣдняго въ Петербургъ.

Артисты бывшаго театра Карцовой, переговоры съ которыми велись черезъ ихъ режиссера г. Карона, согласились на послѣднія предъявленныя имъ условія, и 12 Апрѣля 1831 г. было Высочайше повелѣно принять этихъ артистовъ на службу Дирекціи, а 15 Апрѣля 1831 г. [664]) послѣдовалъ Высочайшій указъ Кабинета «За ложу мою во французскихъ спектакляхъ въ Москвѣ повелѣваю отпускать изъ Кабинета Московской Театральной Дирекціи съ 1 Марта сего года по 30.000 р., производя отпускъ сихъ денегъ на каждые полгода впередъ, доколѣ французская труппа существовать тамъ будетъ».

Такимъ образомъ, г-жа Карцова сравнительно благополучно ликвидировала свою антрепризу. Ходатайство кн. Голицына объ уплатѣ Карцовой субсидіи, недоплаченной за 2½ мѣсяца, съ половины октября 1828 г. по Январь 1829 г.,—первоначально не имѣло успѣха. На поданное затѣмъ Карцовой по этому же поводу прошеніе на Высочайшее имя—соизволенія не послѣдовало и 19 Іюля 1831 г. Высочайше повелѣно [665]) объявить ей, что должна считать за милость и то, что ей давалось по 30.000 р. въ годъ, пока содержала въ Москвѣ театръ, ибо и тогда на сіе права никакого не имѣла». Однако, позднѣе, 26 Сентября 1831 г., гнѣвъ былъ переложенъ на милость и подпо-

[664]) Ibid.

[665]) Ibid Дѣло 1828 г. № 83.186.

ручицѣ Софьѣ Карцовой были уплачены причитавшіеся ей за 2½ мѣсяца 6.250 руб. [666]).

Описаніе дальнѣйшей участи Московскаго Императорскаго французскаго театра, открывшаго свои дѣйствія въ Маѣ 1831 г., при управленіи театрами М. Н. Загоскина, входитъ въ содержаніе слѣдующей главы.

Третьимъ иностраннымъ конкуррентомъ русскому Императорскому театру въ Москвѣ выступилъ Нѣмецкій театръ, коллизія съ которымъ, благодаря энергіи Кокошкина и отсутствію постороннихъ вліятельныхъ вмѣшательствъ, прошла сравнительно безболѣзненно и даже не безъ пользы для Дирекціи.

Въ началѣ 1829 г. въ г. Ревелѣ давала свои представленія драматическая и вмѣстѣ оперная труппа, состоявшая изъ 21 нѣмецкихъ артистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, по свѣдѣніямъ компетентныхъ людей, пользовались извѣстностью въ Германіи. Труппа эта для предложенія своихъ услугъ Московской Дирекціи вошла въ сношеніе съ проживавшимъ тогда въ Москвѣ архитекторомъ Утермаркъ. Предложеніе было встрѣчено сочувственно, въ предвидѣніи Кокошкинымъ возможности повысить нѣмецкими спектаклями доходность Московскихъ театровъ. Труппа поставила слѣдующія условія ангажемента: [667]) «1) труппа прибудетъ въ Москву на собственномъ иждивеніи и, въ случаѣ обратнаго пути, по окончаніи срока, пріемлетъ на себя всѣ путевыя издержки; 2) она согласна всѣ сборы, какіе будутъ при нѣмецкихъ представленіяхъ, за исключеніемъ расходовъ, раздѣлять съ Дирекціей

[666]) Idid.

[667]) Ibid. Дѣло 1829 г. № 83/229.

пополамъ, за что Дирекція снабжаетъ труппу театромъ, оркестромъ, небольшимъ кордебалетомъ, декораціями, костюмами и услугою; 3) спектакли могутъ быть по три раза въ недѣлю на Маломъ или Большомъ театрахъ, смотря по удобности; въ субботніе же дни преимущественно на Большомъ театрѣ; 4) въ вознагражденіе же вояжа ихъ дать при прибытіи въ Москву первое представленіе въ ихъ пользу, а равно и въ случаѣ отъѣзда оной труппы послѣднее представленіе— на вознагражденіе издержекъ для обратнаго вояжа; сверхъ того, для награды достойнѣйшихъ артистовъ, въ зимнее время ежегодно давать труппѣ въ пользу ея одинъ спектакль; 5) Срокъ пребыванія нѣмецкой труппы полагается 3-хъ годичный, но если труппа и Дирекція Императорскихъ театровъ найдутъ и прежде истеченія срока, что пребываніе труппы въ Москвѣ не приноситъ ожидаемой выгоды, то условіе само по себѣ разрушается».

Условія эти Кокошкинъ призналъ пріемлемыми и представилъ ихъ 31 Іюля 1829 г. на утвержденіе Министра. Въ подкрѣпленіе своего ходатайства Кокошкинъ приводилъ то, «что Контора Дирекціи, изыскивая способы къ поддержанію слабыхъ средствъ Московскаго театра, тѣмъ болѣе почитаетъ выгодными сіи предложенія, что сборъ нынѣшняго лѣта, несмотря на богатый и отличный репертуаръ здѣшняго театра, былъ неимовѣрно слабъ, такъ что рѣдкій спектакль не былъ, не только безъ пользы, но даже въ убытокъ; а сверхъ того, при таковыхъ кондиціяхъ Дирекція ни чѣмъ не рискуетъ. Выгода же состоитъ въ томъ, что въ зимніе праздничные дни могутъ быть даваемы двойные спектакли, русскій и нѣмецкій, на обоихъ

театрахъ, а притомъ субботы, въ кои русскихъ спектаклей не бываетъ, могутъ представленіями нѣмецкой труппы принести доходъ почти съ 40 спектаклей болѣе».

Невыясненность въ то время вопроса объ арендѣ Малаго театра нѣсколько задержала кн. Волконскаго съ разрѣшеніемъ ангажемента нѣмецкой труппы; онъ доложилъ о немъ Государю лишь 18 Августа 1829 г. и тогда же получилъ Высочайшее соизволеніе на удовлетвореніе ходатайства Кокошкина.

Вскорѣ же былъ заключенъ контрактъ съ содержателями нѣмецкой труппы гг. Оманъ и Пивко. 11 Декабря 1829 г., въ среду, былъ данъ на Большомъ театрѣ первый нѣмецкій спектакль, въ которомъ были исполнены: 4-хъ актная комедія Гольбейна «Liebe kann alles», одноактная комедія Гелля - «Der Beruf zur Kunst» и одноактная вѣнская опера «Die Wiener in Berlin». Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1829 г. нѣмецкая труппа успѣла дать 10 спектаклей, изъ нихъ 6 на Большомъ и 4 на Маломъ театрѣ [668]).

Въ началѣ дѣло пошло хорошо, по крайней мѣрѣ для Дирекціи, которая, въ первые 2 мѣсяца выручила съ нѣмецкихъ спектаклей чистыхъ 16.000 рублей. Но для предпринимателей выгода оказалась не велика. Потеря нѣсколькихъ спектаклей, вслѣдствіе наступившихъ въ декабрѣ 1829 г. морозовъ, сдѣлала положеніе предпринимателей тяжелымъ и уже въ Мартѣ 1830 года г. Оманъ обратился къ Кокошкину съ ходатайствомъ о принятіи нѣмецкой труппы на жалованье

[668]) Нѣмецкая труппа исполнила въ 1830 г. 56 спектаклей, изъ нихъ на Большомъ театрѣ—25 и на Маломъ—31, а въ 1831 г.—9 спектаклей: 2 на Большомъ и 7 на Маломъ театрѣ.

Дирекціи. Кокошкинъ призналъ это ходатайство, «по скуднымъ средствамъ Московской Дирекціи неудобоисполнительнымъ». Тѣмъ не менѣе онъ считалъ справедливымъ просить Министра о пособіи труппѣ, указывая на приносимыя ею выгоды, на талантливый составъ артистовъ, на намѣреніе администраторовъ труппы усилить ее ангажементомъ новыхъ оперныхъ силъ и наконецъ на согласіе труппы принять участіе въ пѣтнихъ спектакляхъ на воздушной сценѣ. Послѣднее обстоятельство въ особенности было заманчиво для Кокошкина, который какъ разъ въ это время хлопоталъ объ устройствѣ театра въ Нескучномъ. Кокошкинъ рискнулъ испрашивать для нѣмецкой труппы пособія отъ казны въ размѣрѣ 30.000 р. въ годъ, по примѣру существовавшей еще тогда Карцовской труппы, которая, какъ указывалъ Кокошкинъ, будучи весьма слабой и недостойной поощренія, тѣмъ не менѣе вредила доходамъ Императорскаго театра. Резолюція Министра по этому ходатайству послѣдовала 8 Марта 1830 г. [669]) въ весьма категорической формѣ: «Нѣтъ никакого пособія!» Но Кокошкину удалось всетаки выхлопотать для нѣмецкой труппы разрѣшеніе давать, по примѣру Петербургскихъ театровъ, представленія на святой недѣлѣ, а именно одинъ спектакль въ пользу Дирекціи и 2 спектакля въ пользу труппы.

Администраторъ нѣмецкой труппы Оманъ, не добившись пособія черезъ Кокошкина, нашелъ ходы къ Генералъ-Губернатору кн. Голицыну, который взялся предстательствовать о слѣдующей Монаршей милости для нѣмецкой труппы: «1) выдать нѣмецкимъ арти-

[669]) Ibid.

стамъ единовременно 10.000 р. какъ для уплаты путевыхъ издержекъ, такъ и въ замѣну жалованья; 2) опредѣлить одно представленіе въ мѣсяцъ въ пользу нѣмецкой труппы, безъ всякаго вычета, кромѣ обыкновенныхъ издержекъ; 3) отчислять токмо третью часть изъ вечероваго сбора въ пользу Дирекціи, вмѣсто отдаваемой нынѣ половины и 4) назначить сумму для узаконеннаго взноса въ Опекунскій совѣтъ, а не платить оному 10% сполна взыскиваемыхъ». Ходатайство кн. Голицына также не имѣло успѣха: на поданной имъ Государю докладной запискѣ значится такая резолюція Министра Двора отъ 23 Марта 1830 г. «Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, ибо никто ихъ не выписывалъ, а пріѣхали сами добровольно».

Въ Февралѣ того же 1830 г. Московская Контора вошла со слѣдующимъ представленіямъ къ Министру [670]). «Контора Дирекціи Московскаго театра, изыскивая возможныя средства къ усиленію доходовъ, кои въ истекающемъ году (т. е. въ театральномъ 1829 г.) по закрытіи театра предъ Великимъ постомъ и во все время лѣтнее были весьма слабы, предполагаетъ полезнымъ, согласно прошенію нѣмецкой труппы, будущимъ Великимъ постомъ давать для Московской публики концерты, какъ то было и въ С.-Петербургѣ, вводя въ оные изъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мелодраммъ отрывки, съ аккомпанированіемъ оркестра. Когда въ оныхъ будутъ участвовать одни нѣмецкіе артисты, то сборъ и расходы, по общему условію должны дѣлиться пополамъ, а если бы дозволено было для сего употреблять русскихъ артистовъ, то Дирекція могла бы

---

[670]) Ibid. Дѣло 1830 г. 96/216.

воспользоваться и полнымъ сборомъ. Хотя въ Москвѣ были примѣры подобныхъ *декламаціонныхъ концертовъ* въ нѣмецкомъ клубѣ, даваемыхъ французскимъ актеромъ Женьезомъ, но Контора, не смѣя сама собою привести сего въ исполненіе, долгомъ считаетъ испрашивать по сему предмету начальническаго Вашего предписанія». На это послѣдовала резолюція Министра: «Высочайше позволяется, но безъ костюмовъ».

Дирекція, повидимому, не воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ. Нѣмецкіе декламаціонные концерты не состоялись и въ Великомъ постѣ 1830 г. исполнено было лишь 4 обыкновенныхъ вокально-музыкальныхъ концерта въ пользу капельмейстеровъ и солистовъ-музыкантовъ Дирекціи.

Съ теченіемъ времени сборы нѣмецкаго театра въ Москвѣ стали падать и Дирекція не имѣла уже большихъ выгодъ отъ нѣмецкой антрепризы. Въ началѣ Великаго поста 1831 г., по представленію Кокошкина, Министръ Двора разрѣшилъ уничтожить, до истеченія 3-хъ лѣтняго срока, условіе между Дирекціей и обществомъ нѣмецкихъ артистовъ, «какъ не приносившее ни той, ни другой сторонѣ выгодъ» [671]). Такъ что въ 1831 г. нѣмецкая труппа дала лишь 9 спектаклей, изъ нихъ 2 на Большомъ театрѣ и 7 на Маломъ.

Въ ряду случайныхъ обстоятельствъ, убыточныхъ для театровъ, тормозившихъ правильное теченіе Московской репертуарной жизни, слѣдуетъ указать закрытіе спектаклей по случаю траура. На долю Кокошкинскаго управленія театрами съ 1826 по 1831 г. выпало три траура по Высочайшимъ особамъ: первый

[671]) Ibid. Дѣло 1831 г. № 52/128.

трауръ послѣ смерти Императора Александра I, продолжавшійся до осени 1826 г., затѣмъ въ томъ же 1826 г. трауръ по Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и наконецъ третій—по Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, продолжавшійся съ 1 Ноября 1828 г. по 1 Января 1829 г.

Наиболѣе тяжелымъ въ финансовомъ отношеніи оказался конечно продолжительный трауръ по Императорѣ Александрѣ Павловичѣ. Какъ мы уже упомянули въ 5 главѣ, въ возмѣщеніе сборовъ, потерянныхъ за время этого траура, Московскимъ театрамъ было назначено пособіе въ 19.000 р. въ мѣсяцъ, составившее въ общемъ, за все время закрытія театровъ, сумму—150.733 р. 33 к. [672]). Но этимъ пособіемъ убытки Дирекціи не были погашены, такъ какъ на ней лежала обязанность возмѣстить потери артистовъ за неисполненные по случаю закрытія театровъ бенефисы. Еще 4 Мая 1826 г. [673]) Московская Контора представляла тогдашнему высшему своему начальству, Московскому Генералъ-Губернатору, о необходимости вознаградить артистовъ за потерянные бенефисы, которыхъ насчитывалось за сезонъ 1825—1826 г. до 25-ти, между прочимъ: актерамъ Мочалову, Щепкину, Воеводину, Максину и Булахову, актрисамъ: Лисицыной, Синецкой, Борисовой, Сабуровой, Филлисъ и Вѣтроцинской, танцовщикамъ Урбани и Глушковскому, танцовщицамъ: Глушковской и Гюллень-Соръ и капельмейстеру Шольцу. Бенефисы расцѣнивались Конторою по тремъ категоріямъ: зимніе—по 2.500 р., осенніе—

[672]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1827 г. № 67/254.

[673]) Ibid. Дѣло 1830 г. № 107/246.

по 1.500 р., и лѣтніе—по 1.200 р. Въ общемъ, исчисленное вознагражденіе составило сумму 46.900 р. Ходатайство Конторы было представлено кн. Голицынымъ въ Комитетъ Министровъ, который журналомъ 31 Августа 1826 г. отказалъ въ выдачѣ суммы на вознагражденіе артистовъ за бенефисы, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что «на сей предметъ и по С.-Петербургскимъ театрамъ не назначено никакой особенной суммы, а предоставлено Дирекціи вознаграждать артистовъ собственными ея способами». Изобрѣтательнымъ Кокошкинымъ найденъ былъ, съ разрѣшенія кн. Голицына, такой выходъ изъ затруднительнаго положенія: «дабы наблюсти должное равенство и справедливость въ вознагражденіи за бенефисы, положено было: въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ 1826 г. давать каждую недѣлю по одному представленію не въ счетъ абонемента, въ тѣ дни, кои были бы назначены для бенефисныхъ представленій». Такихъ спектаклей дано было въ 1826 г. всего 9, а именно въ октябрѣ 4, въ ноябрѣ—3 и въ Декабрѣ—2, съ общимъ сборомъ 17.966 р. 25 к. Но этой суммы не хватило на удовлетвореніе всѣхъ бенефиціантовъ, приходилось дополнять ее остатками по бюджету 1826 г. (около 20.000 р.), что въ свою очередь было рисковано.

Дирекція долго колебалась въ выборѣ пути удовлетворенія артистовъ. Наконецъ экономическія соображенія взяли верхъ и Кокошкинъ 15 Марта 1827 г. [674]) такъ рапортовалъ новому своему начальству, кн. Волконскому: «По представленію Конторы касательно артистовъ Московскаго театра, за потерянные ими бене-

[674]) Ibid.

фисы, по случаю траура, честь имѣю представить Вашему Сіятельству мое мнѣніе: какъ бенефисы сіи раздѣляются на 3 разряда, изъ коихъ въ 1-мъ 15, во 2-мъ 4 и въ 3-мъ 6 бенефисовъ, то къ суммѣ собранной со спектаклей, бывшихъ не въ счетъ абонемента,— 17.966 р. 25 к. я полагаю, прибавя изъ остаточной суммы, показанной по отчету за прошлый 1826 г.— 2.833 р. 35 к., раздѣлить артистовъ слѣдующимъ образомъ: состоящимъ въ 1-мъ разрядѣ 15 человѣкамъ дать по 1.000 р., во 2-мъ разрядѣ, 4 чел.—по 700 р. и въ послѣднемъ, 6 человѣкамъ,—по 500 р. Что же касается до танцовщицы Гюллень-Соръ, пожертвовавшей въ пользу Дирекціи сдѣланнымъ ею для своего бенефиса балетомъ, подъ заглавіемъ «Геркулесъ и Омфала» и чрезъ то доставившей Дирекціи значительныя выгоды, то опредѣлить, согласно прежнему письменному предназначенію Его Сіятельства Г. Московскаго Генералъ-Губернатора, бывшаго Главнаго Начальника Дирекціи, кн. Дмитрія Владиміровича Голицына — 2 500 р. Симъ образомъ, удовлетворяя артистовъ, Дирекція израсходуетъ изъ собственныхъ своихъ суммъ только 5.333 р. 75 к., а достальную остаточную сумму 14.905 р. 37½ к. сохранитъ на случай могущихъ встрѣтиться надобностей, по теченію репертуара, на монтированіе нѣсколькихъ новыхъ спектаклей, для привлеченія многолюдной публики и тѣмъ умноженія сборовъ, тѣмъ болѣе что нынѣ текущаго года карнавалъ будетъ весьма кратокъ, а при томъ, какъ мнѣ по опытамъ извѣстно, что доходы и двухъ равныхъ годовъ не могутъ быть одинаковы, почему сумма сія весьма можетъ быть полезна въ случаѣ недостатка на удовлетвореніе нашихъ расхо-

довъ, кои по мѣстному управленію признаются для пользы театра необходимыми и на кои долгомъ почитаю испрашивать начальническаго Вашего распоряженія». Мѣра эта была одобрена Министромъ и потерпѣвшимъ бенефиціантамъ пришлось удовольствоваться вознагражденіемъ въ 40% причитавшихся суммъ.

Трауръ по Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ частью совпалъ съ трауромъ по Императорѣ Александрѣ I и не имѣлъ серьезнаго вліянія на теченіе репертуара. Только 4 Ноября 1826 г., въ день исполненія полугодія отъ кончины Императрицы, было Высочайше повелѣно закрыть спектакли. Такъ какъ повелѣніе это было сообщено въ Петербургѣ старшему члену Комитета кн. Долгорукову лишь 3 Ноября 1827 г. [675]), т. е. наканунѣ полугодовщины, то надо думать, что закрытіе это не относилось до Московскихъ театровъ, ибо не могло поспѣть туда къ сроку.

По случаю кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны, послѣдовавшей 28 Октября 1828 г., трауръ былъ наложенъ съ 1 Ноября. Но уже во время болѣзни Императрицы спектакли въ Императорскихъ театрахъ были, по особому распоряженію, закрыты съ 24 Октября 1828 г. «впредь до особаго приказанія» [676]). За время этого траура Московская Дирекція опять получила пособіе изъ Государственнаго Казначейства по 19.000 р. въ мѣсяцъ [677]). Потерпѣвшая же отъ траура французская антрепренерша въ Москвѣ г-жа Карцова, какъ

[675]) Арх. СПБ. Конторы И. Т. Сб. Выс. Пов. кн. II стр. 71.
[676]) Общ. Арх. М. И. Д. Дир. И. Т. Дѣло 1828 г. № 256.
[677]) Ibid. Канц. М-ва. Дѣло 1830 г. № 107/246.

мы упомянули уже въ своемъ мѣстѣ, послѣ ряда ходатайствъ также получила субсидію за задержку на 2½ мѣсяца открытія спектаклей французской труппы въ Москвѣ. Открытіе всѣхъ театровъ послѣ кончины Императрицы Маріи Ѳеодоровны послѣдовало 1 Января 1829 года.

Помѣхой правильному теченію репертуара въ Москвѣ явились въ 1829 г. морозы. Мы уже упомянули ранѣе (см. стр. 137) объ отмѣнѣ по распоряженію Московскаго Коменданта бенефиса актрисы Сабуровой 8 Января 1829 г. [678]). Стужа зимы 1829—1830 г. оказалась еще болѣе жестокой. Кокошкину пришлось, за сильными морозами, отмѣнить три спектакля подъ рядъ: 13, 14 и 15 Декабря 1829 г., какъ разъ въ то время, когда открылись въ Москвѣ представленія нѣмецкой труппы Омана и Пивко. Вотъ какъ писалъ по этому поводу Кокошкинъ въ своемъ рапортѣ Министру отъ 15 Декабря 1829 г. [679]): «Сія столь выгодно сдѣланная мною операція, по предмету нѣмецкаго въ Москвѣ спектакля, уже и пріяла было самое благое начало, и я надѣялся, что въ теченіе карнавала сборы съ нихъ если не совершенно пополнятъ большіе недостатки сборовъ сего года, то по крайности будутъ значительнымъ пособіемъ; но наставшіе сильные морозы съ пятницы 13 числа, въ которое бенефисъ актера Булахова необходимо былъ отмѣненъ, а за оный Дирекція обязана дать день бенефиціанту на будущей недѣлѣ, для казеннаго спектакля назначенный; въ субботу же 14-го числа второе нѣмецкое представленіе, долженствовавшее принесть

[678]) Ibid. Канц. М-ва. Дѣло 1829 г. № 73/214.
[679]) Ibid. Дѣло 1829 г. № 85/234.

значительный приходъ, а равно и вчера, то есть въ воскресенье 15 числа извѣстная мелодрамма «Игрокъ», давно не игранная по болѣзни нѣкоторыхъ артистовъ, тоже навѣрно обѣщавшая значительный доходъ, по сильному морозу отмѣнены, а посему я полагаю, что въ сіи три дня Дирекція лишилась по крайней мѣрѣ отъ 8-ми до 9-ти тысячъ рублей».

Всѣ описанныя нами невзгоды репертуарной жизни Московскихъ театровъ блѣднѣютъ передъ послѣдствіемъ общегосударственнаго бѣдствія, надвинувшагося на Россію съ холерой 1830—1831 г.

Первыя тревожныя вѣсти о холерѣ Москва начала получать къ началу Сентября 1830 г. Въ Московскихъ вѣдомостяхъ отъ 13 Сентября 1830 г. [680]) читаемъ: «Будетъ ли холера у насъ? а если будетъ, то что намъ частнымъ людямъ дѣлать? Вотъ вопросы, которые повторяются вездѣ, гдѣ нѣтъ еще холеры, и вблизи отъ нея и въ отдаленныхъ мѣстахъ, даже въ Москвѣ. Дѣльнаго отвѣта нигдѣ не слышно,—а у страха глаза велики. Воображеніе мучитъ и мнительныхъ и не мнительныхъ. Описанія холеры приводятъ въ уныніе и робкихъ и самыхъ смѣлыхъ. Каждый читаетъ и перечитываетъ съ ужасомъ припадки, считаетъ часы, мѣряетъ разстоянія и спрашиваетъ у всякаго: будетъ ли холера у насъ?—а если будетъ, то что дѣлать?»

Тревоги и унынія было много, а предохранительныя мѣры, повидимому, отсутствовали. Въ Сентябрѣ уже появились заболѣванія. Нравственное состояніе Москвичей отразилось, конечно, на посѣщаемости театровъ, сборы стали сильно падать и Дирекція

---

[680]) Московскія Вѣдомости 1830 г. № 74.

вынуждена была отмѣнять спектакли. 27 Сентября 1830 г. [681]). Кокошкинъ рапортовалъ Министру: «Честь имѣю донести, что хотя 22 числа и назначенъ былъ нѣмецкій спектакль, но почти до времени спектакля ни одного билета не было взято, а какъ половина расходовъ при сихъ спектакляхъ, по условію, падаетъ на сихъ артистовъ и безъ того нужду терпяшихъ, то спектакль сей и былъ мною отмѣненъ. 25 числа хотя и объявленъ былъ, по условію съ нѣмецкою труппою, сентябрьскій ихъ бенефисъ, но какъ они, опасаясь также болѣе убытка, нежели выгодъ, отъ онаго отказались, то вмѣсто онаго объявленъ былъ русскій спектакль, который по утру того 25 числа былъ также мною отмѣненъ, по волѣ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, по случаю въ сей день повсемѣстнаго молебствія и крестнаго хода по всѣмъ приходамъ въ Москвѣ. Поводомъ сего — оказавшаяся (какъ удостовѣряютъ вседневные отъ полиціи бюллетени) въ столицѣ болѣзнь холера, но, какъ изъ оныхъ видно, весьма изрѣдка, такъ что общая смертность въ Москвѣ, благодаря Бога! гораздо менѣе, нежели бываетъ въ здоровомъ состояніи города. Между тѣмъ изъ Москвы много выѣхало семействъ и выбыло большое число рабочихъ и фабричныхъ. Естественно отъ сего произошла въ городѣ всеобщая унылость, и вотъ отъ сего, какъ изволите усмотрѣть изъ приложенныхъ у сего записокъ, сборы не только ослабѣли чрезмѣрно, но иногда спектакли бываютъ и въ нѣкоторый убытокъ. Я не перестаю однако оные по по-

---

[681]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1830 г. № 105/242.

рядку продолжать, ибо это осталось теперь единственнымъ развлеченіемъ здѣшнихъ болѣе твердодушныхъ жителей и дабы закрытіемъ театра еще большей не навести въ городѣ унылости, тѣмъ болѣе, что на сіе нѣтъ никакого ко мнѣ отношенія отъ здѣшняго начальства и не имѣю на то разрѣшенія отъ Вашего Сіятельства».

29 Сентября 1830 г. [682]) въ Москву пріѣхалъ Императоръ Николай Павловичъ, а потому кн. Волконскій на приведенномъ рапортѣ Кокошкина положилъ рѳзолюцію: «Писать, чтобы разрѣшеніе на закрытіе театровъ, буде нужно будетъ, испросилъ у Московскаго Генералъ-Губернатора, по нахожденію нынѣ Его Величества въ Москвѣ и мнѣ бы донесъ о послѣдствіи».

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ число холерныхъ больныхъ въ Москвѣ опредѣлялось уже сотнями. Въ первомъ напечатанномъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ бюллетенѣ о движеніи эпидеміи въ столицѣ отъ пятницы 3 Октября 1830 г. [683]), читаемъ: «1 Октября во всѣхъ казенныхъ заведеніяхъ и городскихъ больницахъ умерло больныхъ долговременными и наружными болѣзнями—3, острыми—16, на своихъ квартирахъ долговременными—1, острыми—3. Занемогшихъ холерой въ послѣдніе дни къ 1 Октября состояло 212, изъ нихъ 1 Октября умерло 13 мужск. и 8 женск. пола, вновь занемогло 39, выздоровѣло 6, затѣмъ ко 2-му числу состоитъ 224». Затѣмъ эпидемія быстро усилилась, потери въ служащихъ и артистахъ понесла сама Дирекція. Встревоженный Кокошкинъ чрезъ каждые три

[682]) Московскія вѣдомости 4 Октября 1830 г. № 80.
[683]) Ibid. 8 Октября 1830 г. № 81.

дня увѣдомлялъ Министра о положеніи Дирекціи и о своихъ затрудненіяхъ вѣ виду эпидеміи. 4 Октября 1830 г. [684]) онъ писалъ: «Честь имѣю при семъ представить Вашему Сіятельству афиши и записки о приходѣ и расходѣ денегъ при русскихъ спектакляхъ, бывшихъ 28 и 29 минувшаго Сентября и 1 и 2-го числа сего Октября мѣсяца Третье же число хотя и объявленъ былъ спектакль, и съ утра только 2 билета въ кресла были взяты, но не только въ назначенные 6½ часовъ, но и почти въ 7 часовъ никто въ театръ изъ посѣтителей не являлся, то я и нашелся въ необходимости спектакль отказать. Что же касается до нѣмецкихъ спектаклей, то по просьбѣ ихъ труппы оные на время прекратить, я тѣмъ болѣе согласился на ихъ просьбу, что и русскіе спектакли, какъ изволите усмотрѣть изъ записокъ, вообще всѣ въ убытокъ, нѣмецкіе же артисты, не получая жалованья, приведены бы были въ скуднѣйшее положеніе, бывъ принуждены приплачивать убытокъ каждаго спектакля. А при томъ обязанностію почитаю донести, что продолженіе въ Москвѣ русскихъ спектаклей (оставя уже то, что нынѣ Дирекція въ каждый спектакль не токмо никакихъ сборовъ не имѣетъ, но и всякій разъ приплачиваетъ) приводитъ меня въ крайнее опасеніе, чтобы свозомъ для репетицій и для представленій въ театры, школы и труппъ не подвергнуть оныхъ доселѣ сильно продолжающейся эпидеміи, хотя впрочемъ всѣ мѣры предосторожности и предохранительныя средства мною приняты. Почему и рѣшился сегодня представить о семъ здѣшнему начальству, которое, какъ

[684]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва. Дѣло 1830 г. № 105/242.

имѣлъ честь уже доносить, что тогда какъ въ Москвѣ было молебствіе и крестные ходы, отнеслось ко мнѣ объ отмѣнѣ въ тотъ день спектакля, но послѣ уже никакого по сему предмету отношенія отъ онаго не имѣю, изъ чего по всей справедливости заключаю, что продолженіе спектаклей по господствующей унылости въ городѣ считается необходимымъ развлеченіемъ. Тѣмъ болѣе я рѣшился представить мои справедливыя опасенія здѣшнему начальству, что вчера въ ночь умеръ отъ холеры регентъ пѣвчихъ, бывшій за день до того въ должности на сценѣ; а сегодня въ ночь отъ той же болѣзни умеръ смотритель Большого театра Горчаковъ, которому вчера въ Конторѣ, почти въ 3 часа пополудни, я лично отдавалъ приказанія, а въ 11 часовъ вечера его уже не было на свѣтѣ. Не жалѣя себя я беру всевозможныя предосторожности, но съ продолженіемъ спектаклей необходимо нужно ежедневно свозить въ театръ и труппы и воспитанниковъ для репетицій и представленій, при коихъ неминуемо требуются и посторонніе, какъ то пѣвчіе, статисты и рабочіе; все сіе справедливо меня ужасаетъ на счетъ всѣхъ подъ вѣдѣніемъ Дирекціи состоящихъ, а паче школы театра, и я надѣюсь, что по отношенію моему къ Г. Московскому Генералъ-Губернатору справедливыя мои по долгу моему опасенія доведены будутъ до свѣдѣнія Государя Императора и спектакли, какъ уже вовсе, по безпрестанно уменьшающемуся числу посѣтителей, безполезные будутъ прекращены».

Такимъ образомъ, несмотря на присутствіе въ Москвѣ Государя, спектакли фактически перестали исполняться съ 3 Октября; послѣднее русское пред-

ставленіе дано было 2 Октября, офиціальнаго же объявленія о закрытіи спектаклей не было. Генералъ-Губернаторъ, на запросъ Кокошкина отвѣтилъ 5 Октября [685]) такъ: «На отношеніе Вашего Превосходительства отъ 4 Октября, коимъ Вы испрашиваете разрѣшенія, слѣдуетъ ли по настоящему положенію столицы прекратить спектакли, увѣдомляю Васъ что Вы можете всѣ репетиціи и представленія на театрѣ на нѣкоторое время оставить, но не объявляя оффиціально о томъ публикѣ». Къ слову «оставить» кн. Голицынъ сдѣлалъ собственноручную приписку: «имѣвъ на сіе довольно причины, ибо публика не посѣщаетъ театръ».

Отвѣтъ кн. Голицына не развязалъ рукъ Кокошкину, а поставилъ его въ необходимость продолжать объявленіе хотя бы и не исполняемыхъ спектаклей, т. е. все таки держать билетную кассу открытой и готовиться къ спектаклямъ, такъ какъ случайное скопленіе зрителей на которое нибудь изъ объявленныхъ представленій могло привести къ фактическому его выполненію. Положеніе Кокошкина было весьма тяжелое, тѣмъ болѣе, что непосредственный его помощникъ, управляющій Конторой Загоскинъ, повидимому, не обладавшій избыткомъ мужества, укрылся отъ участія въ дѣлахъ, подъ предлогомъ болѣзни и наконецъ самъ Кокошкинъ заболѣлъ желчной лихорадкой. Тѣмъ не менѣе онъ не складывалъ рукъ и всячески изыскивалъ средства оберегать служащихъ и школу отъ эпидеміи, а Дирекцію отъ убытковъ. 8 Октября 1830 г., тотчасъ по полученіи отъ князя

---

[685]) Ibid.

Голицына приведенной бумаги, онъ рапортовалъ Министру: «Въ слѣдствіе оной (бумаги) я нынѣ хотя и объявляю спектакли, но поелику въ оные доселѣ никто за билетами не является, то я и назначаю самыя малыя представленія и на Маломъ театрѣ. Симъ способомъ, избѣгая излишнихъ репетицій и не только безполезныхъ расходовъ, но и прежняго приплачиванія къ каждому спектаклю, я почитаю сію мѣру тѣмъ спасительнѣе, что еще вчера актеръ Андрей Лобановъ, жившій на квартирѣ у родныхъ, подвергся заразѣ и тотчасъ былъ отправленъ въ частную больницу. Нѣкоторые же, у коихъ оказывались признаки холеры, благовременною помощью были спасены и выздоровѣли. Я самъ, не оправясь еще отъ сильной желчной лихорадки, не престаю ежедневно быть лично въ школѣ театра и въ Конторѣ, тѣмъ болѣе что г. Управляющій Конторою рапортовался [686]) нездоровымъ съ 4 сего мѣсяца, должность коего я на время поручилъ инспектору репертуарной части г. Верстовскому, касательно общаго конторскаго порядка, въ важнѣйшихъ же случаяхъ самъ завѣдываю оною. Въ школѣ театра доселѣ Богомъ хранимо; на мѣсто уволеннаго въ Смоленскъ на 28 дней въ отпускъ для женитьбы Штабъ-лекаря Острогожскаго, еще въ прошломъ мѣсяцѣ, прикомандированъ лекарь Смѣльскій, ибо по карантинному нынѣ состоянію Москвы нѣтъ надежды, чтобы Острогожскій могъ скоро возвратиться, а потому нынѣ

---

[688]) Въ выраженіи Кокошкина «рапортовался», а не «заболѣлъ» можно усмотрѣть скептическій взглядъ на дѣйствительность нездоровья Загоскина, почему мы и позволили себѣ нѣсколькими строками ранѣе высказать нелестное для Загоскина предположеніе.

лекарь Смѣльскій, обще съ штабъ-лекаремъ Леонтовичемъ, общими трудами имѣютъ надзоръ надъ труппами и школою театра, въ коей сверхъ того, находится живущій тамъ подлекарь. На случай же, сохрани Богъ! заразы отведена особая комната для совершеннаго отдѣленія отъ прочихъ».

Перечисленными въ этомъ рапортѣ мѣрами, повидимому, исчерпываются всѣ архивныя свѣдѣнія о предосторожностяхъ, принятыхъ Московскою Дирекціею въ 1830 г., для огражденія персонала ея служащихъ, артистовъ и школы отъ холеры.

Дирекція продолжала объявлять о спектакляхъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, но спектакли не исполнялись, за отсутствіемъ спроса на билеты. Такое положеніе дѣла обезпокоило непосредственно самого кн. Волконскаго и онъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ: «не приказано ли будетъ закрыть совсѣмъ Московскіе театры, дабы напрасныхъ расходовъ не дѣлать?» Въ критическомъ положеніи столицы, при охватившей ее эпидеміи, Императоръ Николай I призналъ нужнымъ считаться преимущественно съ мнѣніемъ ея хозяина и 4 Ноября 1830 г. [687]) приказалъ Министру Двора «снестись съ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ, не лучше ли закрыть театръ во избѣжаніе расходовъ»?

Кн. Голицынъ съ своей стороны упорно держался прежней уклончивой политики и 12 Ноября 1830 г. отвѣтилъ кн. Волконскому: «Имѣю честь Васъ Милостивый Государь увѣдомить, что уже болѣе мѣсяца, какъ никакихъ не должно быть издержекъ для пред-

[687]) Ibid. Дѣло 1830 г. № 107/246.

полагаемыхъ спектаклей, поелику еще 5 Октября писалъ я къ Г. Директору театровъ Кокошкину, что онъ можетъ всѣ репетиціи и представленія на нѣкоторое время оставить. Ежели же напрасныя издержки и были, то навѣрное при самомъ началѣ появленія болѣзни холеры въ здѣшней столицѣ и то не болѣе трехъ или четырехъ разъ».

Распоряженія кн. Голицына по этому поводу остаются, какъ увидимъ ниже, малопонятными, граничащими даже съ самодурствомъ. Въ концѣ Октября одна изъ афишъ о спектаклѣ была возвращена Кокошкину съ помѣткою Московскаго Оберъ-полиціймейстера Муханова: «По приказанію Его Сіятельства Московскаго Генералъ - Губернатора воспрещается». Оставшись въ недоумѣніи отъ такой резолюціи, Кокошкинъ спросилъ Муханова: «касается ли сія резолюція до одной представленной, или до послѣдующихъ афишъ и не должно ли оффиціально объявить о закрытіи театра?» На это Мухановъ 29 Октября 1830 г. [658]) отвѣтилъ, что «Его Сіятельство не находитъ нужнымъ дѣлать представленія въ театрѣ, а еще менѣе объявлять о закрытіи театра, потому что и безъ того никто не ходитъ».

Такимъ образомъ и объявленія о спектакляхъ совсѣмъ прекратились, несмотря на то, что эпидемія въ Москвѣ съ Ноября мѣсяца начала постепенно ослабѣвать. Кокошкинъ началъ даже надѣяться на открытіе спектаклей въ Декабрѣ мѣсяцѣ, но вскорѣ же, благодаря явному равнодушію кн. Голицына къ интересамъ Дирекціи, надежды его ослабѣли. «Не

[658]) Ibid.

знаю даже, писалъ Кокошкинъ Министру 29 Декабря 1830 г., откроются ли представленія въ предстоящіе два лучшіе мѣсяца? а это, по видимой нынѣ живости въ столицѣ, могло бы быть полезно для сборовъ театра. Я не смѣю мѣшаться въ распоряженія здѣшняго начальства, но если еще есть кой кто больные въ столицѣ, то оные тотчасъ оцѣпляются, а при томъ я на дняхъ самъ былъ въ кинетозографическомъ представленіи, открытомъ на всѣ святки въ весьма не пространномъ залѣ».

Регулярная дѣятельность Московскихъ театровъ возобновилась лишь въ Февралѣ 1831 г. 24 и 31 Января исполнены были въ Большомъ театрѣ концерты г-жи Бертранъ, первой арфистки Его Величества короля французскаго, а 8 Февраля, въ воскресенье, данъ былъ 1-й спектакль на Московскомъ Большомъ театрѣ. Въ Маломъ театрѣ начались 11 Февраля нѣмецкіе спектакли, а 1 Марта исполненъ былъ на этомъ театрѣ первый, послѣ холеры, русскій спектакль.

Съ весны 1831 г. холера опять возобновилась въ Москвѣ и задержала, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, открытіе лѣтняго сезона въ Нескучномъ саду. Но эпидемія 1831 г. была не такъ губительна, какъ въ 1830 г., и прошла въ Москвѣ сравнительно благополучнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

Съ ослабленіемъ эпидеміи и съ уменьшеніемъ тревоги о здоровьѣ служебнаго персонала и Школы, Кокошкину пришлось заняться подведеніемъ итоговъ тому раззоренію, которое холера принесла Дирекціи. 2 Ноября 1830 г. [689]) Кокошкинъ рапортовалъ Министру:

---

[689]) Ibid.

«Состояніе здоровья жителей Москвы, примѣтно, Богу благодареніе, улучшается. Трудно угадать, но можно кажется надѣяться, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ или къ Новому году театръ Московскій можетъ быть вновь открытъ. Не могу однако не донести Вашему Сіятельству о моемъ опасеніи, что ожидаемая зима будетъ неминуемо весьма скудна въ театральныхъ сборахъ, во 1-хъ потому, что вѣроятно не скоро уничтожится страхъ, столь сильно поразившій здѣшнихъ обывателей и слѣдовательно продолжится опасеніе собираться въ толпы; во 2-хъ, что число жителей Москвы много уменьшилось во всѣхъ сословіяхъ — не столько по смертности, сколько по выѣзду изъ нея большей части благородныхъ фамилій, которыя, должно думать, и не возвратятся нынѣшней зимою; въ 3-хъ потому, что во всѣхъ сословіяхъ не мало въ городѣ огорченныхъ семействъ потерею родныхъ. Все сіе повергаетъ меня въ отношеніи къ содержанію Московскаго театра въ крайнее затрудненіе. Я справедливо питалъ себя надеждою, что нынѣшній годъ будетъ весьма изобиленъ въ доходахъ, тѣмъ болѣе, что уже лѣтніе сборы много усилены были зрѣлищами въ саду Нескучномъ. По открытіи же театра въ Августѣ мѣсяцѣ и въ началѣ Сентября доходы театра также приняли было начало весьма надежное,—но, вслѣдствіе внезапно поразившаго столицу бѣдствія въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, вся надежда совершенно рушилась. Спектакли, хотя и давались, но уже въ убытокъ Дирекціи. Въ Октябрѣ дѣлались только объявленія, за которыя Дирекція, равно какъ и за прочіе мелочные расходы, платила, не получая никакого дохода. Между тѣмъ, я не имѣю нынѣ никакой возможности выдать жалованье арти-

стамъ и прочимъ служащимъ при Московскомъ театрѣ, ни за истекшій Октябрь, ни за Ноябрь и Декабрь мѣсяцы, ибо третныя суммы изъ Казначейства и Думы Городской не прежде могутъ быть получены какъ въ Январѣ мѣсяцѣ и не иначе, какъ около 10-го числа Января, какъ то всегда бываетъ. Хотя нынѣ въ остаткѣ остается еще сумма около 20.000 руб., изъ коей и нынѣ расходуется по разнымъ частямъ театра, но изъ оной жалованье, простиравшееся ежемѣсячно до 30 тысячъ рублей, выдаваемо быть не можетъ, ибо сумма сія необходимо нужна на содержаніе школы, командъ, портныхъ, столяровъ и прочихъ и также неминуемо для приготовленія къ открытію театра спектаклей, которыхъ репертуаръ необходимо долженъ быть еще болѣе нынѣ, для пополненія кассы театра, усиленъ, слѣдовательно это потребуетъ и излишнихъ расходовъ».

«Въ семъ крайнемъ положеніи Московскаго театра, долгомъ почитаю представить оное Вашему Сіятельству; оно тѣмъ уважительнѣе, что большая часть артистовъ, а паче изъ получающихъ весьма малые оклады терпятъ нынѣ крайнюю нужду и болѣе потому еще, что въ бѣдственномъ состояніи города, иные принуждены были перемѣнить квартиры свои, по случаю зараженія на тѣхъ дворахъ, и вообще, всякій долженъ былъ дѣлать излишнія противъ прежняго издержки на содержаніе свое. Не осмѣливаясь назначать самъ необходимой мѣры пособія по сему предмету, я честь имѣю у сего представить Вашему Сіятельству таблицу доходовъ театровъ съ 1827 по 1830 г., въ теченіе Сентября, Октября, Ноября и Декабря мѣсяцевъ, — убѣдительнѣйше испрашиваю начальниче-

скаго ходатайства Вашего о неотлагаемой помощи Московскому театру, уже много разстроенному потерею изъ числа умершихъ нѣкоторыхъ существенно нужныхъ артистовъ».

Рапортъ Кокошкина былъ достаточно убѣдителенъ и имѣлъ послѣдствіемъ Высочайшее повелѣніе Министру Финансовъ отъ 15 Ноября 1830 г. «объ отпускѣ помѣсячно, съ закрытія театра до открытія, по 19.000 р.» Но это пособіе оказалось каплей въ морѣ понесенныхъ Дирекціей убытковъ, — его хватило лишь на уплату жалованья служебному персоналу за Октябрь мѣсяцъ.

Пособіе въ 19.000 р. въ мѣсяцъ выданное за время траура 1826 г. имѣло серьезное значеніе, такъ какъ періодъ выдачи его былъ весьма продолжителенъ и захватилъ, между прочимъ, глухое, въ смыслѣ расходовъ, время Великаго поста и лѣта. Назначенное же пособіе въ 1830 г., за потерянные въ холеру спектакли, не могло конечно наверстать сборовъ за самые доходные зимніе мѣсяцы. Въ ожиданіи усиленія пособія, Кокошкину пришлось прибѣгнуть къ ампутаціи нѣкоторой части артистическаго состава и онъ предполагалъ въ первую очередь отпустить съ 1 Іюня 1831 г. танцовщика Ришарда 2-го, получавшаго жалованья 12.000 р. въ годъ и замѣстить его «наиболѣе успѣшнымъ ученикомъ школы».

«Паки взываю къ Вашему Сіятельству, да не подвергнусь невинной впредь какой-либо отвѣтственности по всегда усердной моей службѣ», писалъ Министру Кокошкинъ, какъ бы предчувствуя въ финансовыхъ невзгодахъ послѣ холеры—конецъ своей театральной карьеры.

Слабая надежда Кокошкина на дополнительное снабженіе деньгами быстро рухнула. 16 Декабря 1830 г. [690]), Директоръ Канцеляріи Министерства Двора д. с. с. Ситниковъ писалъ Кокошкину: «Его Сіятельство князь Петръ Михайловичъ Волконскій поручилъ мнѣ сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что по нынѣшнему состоянію Государственныхъ финансовъ, нѣтъ никакой возможности назначить пособіе Московской Театральной Дирекціи, болѣе того, что ей уже ассигновано, т. е. по 19.000 р. въ мѣсяцъ до открытія театровъ. Если же Дирекція не можетъ изворотиться получаемыми ею суммами безъ дефицита, то въ такомъ случаѣ должно Вашему Превосходительству сдѣлать строгій разборъ всѣмъ артистамъ Московскаго театра и тѣхъ изъ нихъ, кои окажутся безполезными или ненужными для театра, уволить отъ онаго немедленно, а вмѣстѣ съ тѣмъ постараться составить репертуаръ къ открытію театра сколь возможно лучше прежняго, для привлеченія публики».

Ампутація оказалась серьезнѣе, чѣмъ предполагалъ Кокошкинъ: совершилось небывалое въ лѣтописяхъ Императорскаго театра увольненіе сразу цѣлой группы артистовъ, безъ всякаго предупрежденія, въ самое горячее сезонное время—съ 1 Января 1831 г. Задача Кокошкину была дана трудная и жестокая; у него не хватило мужества на протестъ и волей-неволей онъ принялся за ея выполненіе. Намѣчено было къ увольненію 13 артистовъ: 2 актера, 2 актрисы, 1 танцовщикъ, 3 фигуранта, 2 музыканта, 1 помощникъ суфлера и 1 плюмажникъ, что давало сокраще-

---

[690]) Ibid.

нія расходовъ всего на 13.489 р. 60 к. въ годъ. Въ изысканіи способовъ наверстать убытки Дирекціи вслѣдствіе холеры, Кокошкинъ, очевидно выведенный изъ равновѣсія, пошелъ далѣе первоначальнаго предположенія и самъ предложилъ такія мѣры повышенія сборовъ, за счетъ интересовъ артистовъ и авторовъ, которыя нельзя признать отвѣчающими административной этикѣ. Представляя списокъ увольняемымъ артистамъ, о прекращеніи содержанія которымъ съ 1 Января 1831 г. уже дано было Конторою распоряженіе, Кокошкинъ, въ пространномъ письмѣ къ д. с. с. Ситникову, 29 Декабря 1830 г. [691]) объяснялъ такъ: «Хотя изъ обозначенныхъ въ спискѣ артистовъ, трехъ или четырехъ я имѣлъ намѣреніе при будущемъ годовомъ отчетѣ исключить изъ списковъ, но въ благопріятнѣйшемъ положеніи Дирекціи не могъ бы остальныхъ поставить въ число не нужныхъ и безполезныхъ, ибо всѣ они употреблялись или въ дублированіи ролей, или къ помпѣ и для двойныхъ въ одинъ день спектаклей... но необходимость сего требуетъ и я буду стараться по возможности обходиться безъ нихъ, лишь бы только способъ сей былъ достаточенъ поправить крайне трудное положеніе Московской Дирекціи и безъ того разстроенной потерями многихъ необходимыхъ людей, коихъ замѣнить Дирекція нынѣ никакъ не можетъ. Что касается до репертуара Московскаго театра, то всякое безпристрастное сравненіе онаго съ Петербургскимъ (независимо отъ иностранныхъ) было бы, конечно, всегда въ пользу Московскихъ, ибо всегда отличался и выборомъ пьесъ и великолѣпіемъ балетовъ... И до-

[691]) Ibid.

селѣ театръ Московскій еще не открытъ и когда можетъ быть открытъ — не знаю. Если бы по крайней мѣрѣ спектакли открылись нынѣ на праздникахъ, то можно бы бенефисы тѣхъ, кои имѣютъ ихъ полные, согласить взять оные пополамъ съ Дирекціей и пустить по возможности въ ходъ по открытіи. Симъ средствомъ Дирекція, пріобрѣтая *безденежно* новыя пьесы, кои бенефиціанты или просили переводить для себя, или получили отъ переводчиковъ въ даръ, не мало симъ не потеряла бы дней своихъ, но какъ въ бенефисы всегда зрителей, по знакомству съ артистами, бываетъ много, то и $^1/_2$ сбора была бы въ совершенную выгоду Дирекціи... [692]). Коль скоро заразитель-

[692]) Надо замѣтить вообще, что бенефисы артистовъ, явившіеся впослѣдствіи источникомъ серьезныхъ затрудненій для Дирекціи, въ тѣ времена, то есть въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, на оборотъ, признавались Дирекціей Театровъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выгодными. 28 Мая 1827 г. на разсмотрѣніе Комитета Главной Дирекціи присланъ былъ княземъ Волконскимъ рапортъ Московскаго Директора Кокошкина, которымъ онъ испрашивалъ разрѣшеніе Министра Двора, «на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 1809 г. Постановленія Дирекціи, *во первыхъ*, переставлять ежегодно бенефисы такимъ образомъ, чтобы артистъ, получившій въ одинъ годъ въ лучшее, получилъ бы бенефисъ свой наслѣдующій годъ въ худшее время; *во-вторыхъ*, не давать вовсе бенефисовъ въ теченіе святокъ и масленицы, за недѣлю, передъ закрытіемъ театра въ Рождественскій постъ и въ недѣлю, какъ предъ масленицей, такъ и по открытіи театра послѣ Пасхи и, наконецъ, *въ-третьихъ*, какія издержки должна производить Дирекція для мотивированія бенефисныхъ представленій?»

По этому вопросу Комитетъ высказался такъ: «Здѣшняя Дирекція, руководствуясь Высочайше утвержденнымъ въ 1825 г. постановленіемъ, дѣйствуетъ также по оному и въ вышеизложенномъ случаѣ, а именно: по первому случаю назначаетъ

ность болѣзни стала столько уменьшаться, что можно было безъ опасности собирать труппы для репетицій, то я тотчасъ сталъ ставить нѣкоторыя пьесы вновь, а другія возобновлять, избѣгая впрочемъ тѣхъ, кои потребовали бы невозможныхъ нынѣ расходовъ; а въ школѣ, въ которую еще и понынѣ не впускаются ни

въ лучшее или худшее время бенефисы, смотря по усердію артистовъ и соображаясь съ контрактами, съ ними заключенными, по второму случаю не назначаетъ въ теченіи святокъ и масленицы и въ первую недѣлю по открытіи театровъ послѣ Пасхи бенефисныхъ спектаклей и наконецъ по третьему случаю—монтируетъ бенефисные спектакли, сообразуясь съ издержками, которыя Дирекція сдѣлала, или предполагаетъ сдѣлать, на годовое монтированіе всѣхъ вообще спектаклей, и если при томъ бенефисныя пьесы не затрудняютъ хода репертуара, то монтировка оныхъ производится на счетъ Дирекціи; для ограниченія же отъ значительныхъ издержекъ, въ бенефисы даются тѣ только большіе сиектакли, которые должны принесть несомнѣннымъ достоинствомъ пользу театру, или могутъ быть даны въ приличномъ видѣ съ готовыми уже средствами, или же съ неважными издержками, а постановленія въ бенефисы новыхъ балетовъ, вводящихъ Дирекцію въ значительные расходы, вовсе не даются, но дабы не лишить и дансеровъ хорошихъ сборовъ, позволяется имъ возобновлять, или вновь постановлять демикарактерные балеты и дивертисменты».

Комитетъ добавлялъ при этомъ, «что дознанныя опытомъ неудобства были причиною послѣдовавшаго измѣненія изложенныхъ въ рапортѣ томъ случаевъ, и что здѣшняя Дирекція, дѣйствуя въ оныхъ по существующему Постановленію, имѣетъ средства, не стѣсняя внутреннихъ своихъ распоряженій, только по мѣрѣ усердія, награждать артистовъ, но даже избавляетъ Дирекцію отъ значительныхъ прибавокъ къ жалованью лучшихъ артистовъ, назначая бенефисы ихъ въ болѣе выгодное для нихъ время.» (Общ. Арх. М. И. Д. Дирекція И. Т. Журналъ Комитета 1827 г. № 11/б.)

родители, ни родственники, кромѣ учителей, дѣлаю репетиціи особо. Вотъ нынѣшняя картина Московскаго театра. Буду всемѣрно стараться по возможности давать репертуаръ занимательнымъ оставшимъ (sic!) числомъ артистовъ. Уменьшая нынѣ расходы на жалованье, съ представленнымъ прежде мною танцовщикомъ Ришардомъ 2, почти до 27.000 р., я все однако долженъ буду платить жалованья ежемѣсячно до 27.000 р., между тѣмъ какъ касса театра истощается. Если я получу къ 1 Января 19.000 р., то въ состояніи буду только выдать жалованье за истекшій Ноябрь мѣсяцъ. Сверхъ того, выбывшихъ холерою также нужно будетъ замѣнить, а паче всего капельмейстера Шольца, на мѣсто коего теперь я пріучаю молодого человѣка Кубишту. Всѣмъ извѣстно, какъ превосходенъ былъ здѣсь театральный хоръ пѣвчихъ, но регентъ онаго (получая только 400 р. въ годъ) умеръ холерою и всѣ пѣвчіе, привыкшіе къ его управленію въ теченіи болѣе 15 лѣтъ, разошлись. Теперь даю одному изъ нихъ 700 р. въ годъ, чтобы опять устроилъ хоръ, какъ было, но доселѣ еще не могъ его согласить, а безъ пѣвчихъ нѣтъ и оперы, тѣмъ болѣе дорожатся, что хоръ сей одинъ въ Москвѣ, кромѣ духовныхъ».

«Представляя списокъ исключенныхъ нынѣ, я долгомъ поставляю ходатайствовать о назначеніи слѣдующихъ пенсіоновъ [693]) тѣмъ, кои если не вполнѣ, то слѣдующія части оныхъ заслужили, въ уваженіе того, что отставка ихъ не есть добровольная и не предувѣдомленная по правиламъ за 6 мѣсяцевъ, или если угодно будетъ исходатайствовать какое-либо на первый

[693]) Общ. Арх. М. И. Д. Канц. М-ва Дѣло 1830 г № 107/246.

случай пособіе тѣмъ, кои не имѣютъ права на части пенсіоновъ, тѣхъ же, кои не дослужили только нѣсколько мѣсяцевъ не лишить слѣдующихъ имъ частей».

Между прочимъ, въ оправданіе обширности своего письма къ Ситникову, Кокошкинъ довольно наивно объяснялъ: «Самое, можетъ излишнее, многословіе сего моего отношенія да будетъ доказательствомъ предъ начальствомъ моимъ моей заботливости о пользѣ театра».

Такимъ образомъ, Московская Дирекція, послѣ холеры 1830 г., примѣнила сразу двѣ мѣры къ сокращенію своихъ расходовъ по артистическому персоналу—увольненіе излишнихъ артистовъ и переводъ полныхъ бенефисовъ на половинные. Послѣдняя мѣра была одобрена кн. Волконскимъ 28 Января 1831 г. [694]). Въ концѣ Января 1831 г. Кокошкинъ дополнилъ списокъ увольняемыхъ артистовъ еще тремя: актеромъ Зубовымъ и актрисами Кураевой и Потанчиковой. Жестокость этого пріема внезапнаго лишенія артистовъ службы была значительно смягчена, во 1-хъ, назначеніемъ нѣкоторымъ изъ уволенныхъ пенсіоновъ, всего на сумму 1384 руб. въ годъ, [695]) во 2-хъ, уплатой тѣмъ изъ уволенныхъ артистовъ, которые еще не выслужили пансіоновъ, единовременно, полугодового содержанія, какъ то слѣдовало по принятому тогда въ обычай предупрежденію артистовъ объ увольненіи, за 6 мѣсяцевъ до таковаго.

Однако, всѣми принятыми экономическими мѣрами, какъ показали послѣдствія, не спасены были ни равновѣсіе въ финансовомъ бюджетѣ Московской Дирекціи, на служебное положеніе Ѳ. Ѳ. Кокошкина.

[694]) Ibid.
[695]) Ibid.

Административныя и репертуарныя заботы Кокошкина, тревога за собственное положеніе при новомъ начальствѣ и наконецъ борьба съ надвигавшимися извнѣ невзгодами отвлекали вниманіе Кокошкина отъ хозяйственной части театровъ. Все хозяйство велось въ рамкахъ рутины 1822—1825 г.г., до нѣкоторой лишь степени, измѣнившейся предоставленіемъ въ распоряженіе Дирекціи двухъ собственныхъ театральныхъ зданій. Объ усовершенствованіи хозяйственныхъ порядковъ не поднималось и вопроса.

Монтировочная часть распредѣлялась въ двухъ отдѣлахъ: гардеробномъ и декораціонномъ. Во главѣ гардеробной части, къ которой относилась также вся бутафорія и парикмахерская часть, стоялъ инспекторъ гардероба кол. рег. Локуэсъ, получавшій 3000 р. жалованья въ годъ. У Локуэса были три помощника и въ вѣдѣніи его состояли бутафоры съ помощниками, плюмажникъ, два парикмахера съ помощниками, чулочница, жестянникъ для производства бутафорскихъ вещей и закройщикъ съ портными. Расходы по гардеробу были весьма скромные и не превышали 41.000 р. въ годъ, при чемъ изъ этой суммы выплачивалось 6.200 р. гардеробныхъ денегъ артистамъ, а именно: актеру Щепкину и актрисѣ Львовой-Синецкой по 1.000 р., 6 артистамъ по 500 р. и 4 артистамъ по 300 р. въ годъ. Весь расходъ на бутафорію ограничивался 800 рублями въ годъ. Декораціонная часть обходилась около 47.000 р. въ годъ. Главнымъ декораторомъ состоялъ губ. секр. Карлъ Браунъ, съ окладомъ, по контракту, 4.000 р.; ему помогали въ работахъ четыре живописца. Машинистомъ по обоимъ театрамъ состоялъ Петръ Шрей-

деръ, получавшій жалованье 2.000 р. въ годъ. При немъ состоялъ одинъ помощникъ—ученикъ и комплектъ плотниковъ и столяровъ на мѣсячномъ содержаніи, пополнявшійся при усиленныхъ работахъ наймомъ временныхъ рабочихъ. Мѣсячнымъ плотникамъ платилось до 8.000 р., а временнымъ до 2.500 р. въ годъ.

Освѣщеніе театровъ, ламповое, сдавалось, по контракту, подрядчику, которымъ состоялъ колл. секр. Степановъ, получавшій около 34.000 р. въ годъ. Кромѣ того, тратилось свыше 1.000 р. въ годъ на покупку свѣчей и на плошки и скипидаръ для иллюминаціи.

Отопленіе всѣхъ зданій производилось хозяйственнымъ способомъ и заготовлялось ежегодно до 1.500 сажень осиновыхъ дровъ по 9 р. за сажень, на сумму около 14.000 р., но дровяной расходъ достигалъ цифры 18.000 р. въ годъ, благодаря выдачѣ дровяныхъ денегъ по Конторѣ, по труппамъ и оркестру и по монтировочной части. Размѣръ этой выдачи колебался отъ 3-хъ до 10-ти сажень на человѣка въ годъ.

Экипажная часть Московскихъ театровъ вызывала двоякій расходъ: уплату 3-й гильдіи купцу Егору Яковлеву, поставщику экипажей и лошадей для развозки артистовъ и школы,—15.257 р. въ годъ и выдачу экипажныхъ денегъ нѣкоторымъ чиновникамъ Конторы, режиссерамъ труппъ, капельмейстеру Шольцу, а также инспектору гардероба и машинисту, всего на сумму до 5.000 р. въ годъ.

Виды вознагражденія чиновниковъ и артистовъ: жалованье, дровяныя и экипажныя деньги разнообразились, кромѣ того, выдачей квартирныхъ денегъ, составлявшей солидную статью расхода, до 32.000 р. въ годъ. По одной только Конторѣ выдача этихъ

денегъ чиновникамъ, капельдинерамъ и присяжнымъ (въ кассахъ) простиралась до 5.000 р. въ годъ. Получали квартирныя деньги почти всѣ артисты, а именно: по русской труппѣ 30 актеровъ и 21 актриса, по балету 14 дансеровъ и 37 дансерокъ и по оркестру 50 музыкантовъ. Кромѣ того, получали квартирныя деньги служащіе по гардеробу 15 человѣкъ и по декораціонной части—5 человѣкъ. Оклады квартирныхъ денегъ были весьма разнообразны: какъ исключеніе, актеръ Щепкинъ получалъ 2.000 руб. въ годъ, вообще же высшій окладъ назначался въ 500 р., а низшій—въ 100 р. въ годъ.

Ремонтъ и содержаніе въ порядкѣ и чистотѣ собственныхъ и наемныхъ зданій обходились Московской Дирекціи около 14.000 р. въ годъ.

Вечеровые расходы по спектаклямъ, благодаря, какъ мы упомянули выше, найму пѣвчихъ для оперы на поспектакльномъ вознагражденіи, обходились до 34.000 р. въ годъ. Расходы эти относились къ категоріи экстренныхъ, куда входила также плата военному караулу, регенту пѣвчихъ Семенову и расходы по типографіи, содержателемъ которой состоялъ до 1827 г. тит. сов. Покорскій, а съ 1827 г. колл секр. Степановъ, бывшій въ то же время поставщикомъ освѣщенія театровъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о такъ называемыхъ «чрезвычайныхъ» расходахъ, [696]) не имѣвшихъ оправ-

---

[696]) По опредѣленію Контроля Министерства Двора отъ 16 Августа 1827 г. «чрезвычайные расходы должны заключать въ себѣ такія издержки, кои по годовому росписанію не были опредѣлены, а послѣдовали по особымъ Высочайшимъ указамъ или распоряженіямъ высшаго начальства. (Арх. М. И. Д. Контроль М-ва, Дѣло 1827 г., № 756/419).

данія въ штатныхъ росписаніяхъ; сюда относились: авторское вознагражденіе и расходы на выписку пьесъ, покупку струнъ, а также прогоны при командировкахъ, все вмѣстѣ до 4.000 р. въ годъ, [697]) выдача денегъ на первое обзаведеніе выпущенныхъ изъ школы артистовъ—до 1.800 р. въ годъ, обмундированіе капельдинеровъ и выдача аммуничныхъ денегъ инвалидной командѣ—до 1.200 р., публикаціи въ Московскихъ вѣдомостяхъ—до 300 р. въ годъ и разные расходы совершенно случайнаго характера.

Самымъ больнымъ мѣстомъ въ тогдашнемъ хозяйствѣ Московскихъ театровъ являлся вопросъ о зданіяхъ. Имѣя съ 1825 г. свой собственный Большой театръ и нанимая Малый, Дирекція, тѣмъ не менѣе, была стѣснена въ помѣщеніи Школы, квартиръ для служащихъ, мастерскихъ, складовъ и прочихъ хозяйственныхъ службъ своихъ. Въ 1827 г. Московская Контора нанимала: 1) домъ купца 1-й гильдіи Василія Васильевича Варгина, для помѣщенія Малаго театра, по контракту съ 14 Октября 1824 г. на 5 лѣтъ, съ платой по 15.000 р. въ годъ; 2) домъ Генерала отъ Инфантеріи Александра Дмитріевича Балашева, для помѣщенія Школы, по контракту съ 1 Апрѣля 1823 г. на 4 года, съ платой по 10.000 р. въ годъ; 3) въ домѣ Генерала отъ Кавалеріи Степана Степановича Апраксина, залу для писанія декорацій, по условію съ 1 Августа 1825 года на 3 года, съ платой по 300 р. въ годъ; 4) въ домѣ г. Хомякова — квартиру для помѣщенія швальни, съ платой по 652 р. въ годъ. Кромѣ того, за страхованіе въ 160.000 рубляхъ дома Бала-

[697]) Ibid Контроль М-ва, Дѣло 1828 г., № 760/80.

шева, гдѣ помѣщалась Школа, Дирекція платила 869 р. въ годъ.

Домъ этотъ не былъ вполнѣ удобенъ для Школы; при ремонтѣ его въ 1827 году приходилось выселять изъ него Школу и нанимать для нея, на время съ 23 Іюня по 8 Августа, помѣщеніе въ домѣ Апраксина и платить за него 750 р. въ мѣсяцъ. Несмотряна всѣ неудобства, Дирекціи пришлось возобновить контрактъ по найму дома Балашева съ 22 Сентября 1827 г. еще на 3 года, съ прежней платой по 10.000 р. въ годъ.

Лучшимъ рѣшеніемъ вопроса о помѣщеніи Школы являлась покупка особаго для нея дома, о чемъ въ свое время, управляя Московскими театрами, помышлялъ и кн. Голицынъ. Первый толчекъ къ осуществленію этой мысли далъ кн. Юсуповъ, который 10 Апрѣля 1828 г. [698]) такъ писалъ Министру Двора: «Въ Москвѣ на Никитской улицѣ имѣю я домъ съ театромъ, извѣстный Вашему Сіятельству, по случаю бывшаго въ ономъ бала, во время Высочайшаго Коронованія. Помянутый домъ не занимаю потому, что въ немъ службы недостаточны, но, впрочемъ, все сдѣлано красиво, прочно и можно сказать заново. Желая извлечь изъ онаго какую-нибудь пользу, предпринимаю обратиться къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, не сочтете ли удобнымъ приказать купить тотъ домъ для Театральной Школы, которая по сіе время помѣщается въ домахъ наемныхъ, перемѣщается изъ мѣста въ мѣсто и Дирекція на наемъ употребляетъ значительный капиталъ, посредствомъ котораго могла бы давно имѣть прочную

[698]) Ibid. Канц. М-ва, Дѣло 1828 г., № 76/172.

собственность. Сверхъ того, имѣя театръ въ домѣ, воспитанники могутъ, не употребляя экипажей, имѣть свои репетиціи и даже давать небольшіе спектакли, концерты, а въ залахъ и маскарады. Никитскій домъ стоитъ мнѣ 200 тысячъ рублей. Въ прошломъ 1822 г. во время завѣдыванія Театральною Дирекціею Московскимъ военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, предлагали мнѣ за тотъ домъ, найдя его удобнымъ и выгоднымъ для помѣщенія Школы, 180 тыс. рублей, нынѣ я намѣреваюсь продать его за сію цѣну. Препровождая у сего фасадъ и планъ, я весьма обязанъ буду Вашему Сіятельству, ежели угодно будетъ Вамъ принять мое предложеніе».

Письмо кн. Юсупова было препровождено на заключеніе Кокошкина, который 27 Апрѣля 1828 г. [699]) отозвался, что домъ князя Юсупова «по видимому своему устройству не только не удобенъ для помѣщенія Театральнаго Училища, но и цѣна, назначенная за оный, по упадку цѣнъ на всѣ здѣшніе дома, чрезмѣрно велика, — сверхъ того, способъ уплаты, предложенный дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Юсуповымъ, ни мало не соотвѣтствуетъ возможности Дирекціи, которая, не имѣя значительныхъ остатковъ, не можетъ, не приведя всѣ дѣла свои въ конечное разстройство, выплатить въ теченіе трехъ лѣтъ требуемыхъ ста восьмидесяти тысячъ рублей. Пріобрѣтеніе казеннаго дома для помѣщенія Школы было бы весьма полезно для здѣшняго театра. Но такъ какъ Дирекція не имѣетъ для сего достаточныхъ способовъ, то испрошеніе заимообразной выдачи значи-

[699]) Ibid.

тельной суммы, съ уплатой оной въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, есть единственное средство для достиженія сей цѣли. Если бы Ваше Сіятельство благоволили испросить у Государя Императора сію милость, то я смѣлъ бы утвердительно донести Вамъ, что Дирекція, за сумму гораздо менѣе 180 тыс. рублей, могла бы пріобрѣсти домъ, несравненно обширнѣе, съ садомъ и во всѣхъ частяхъ удобнѣе для Школы, чѣмъ домъ г. д. т. сов. кн. Юсупова, при коемъ, по тѣснотѣ двора, нельзя даже и завести сада, который для учебнаго заведенія совершенно необходимъ». Само собою разумѣется, что послѣ такого отзыва, предложеніе кн. Юсупова было отклонено.

Черезъ годъ, т. е. въ началѣ 1829 г., тайный совѣтникъ графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой предложилъ князю Волконскому пріобрѣсти за 200.000 р. его домъ на Большой Дмитровкѣ, съ уплатой этой суммы на условіяхъ 24-лѣтняго займа по 16.000 р. [700]) въ годъ (изъ 8% капитала, считая въ нихъ погашеніе и проценты). По порученію Министра Кокошкинъ, съ членами Конторы Арсеньевымъ и Загоскинымъ и съ Архитекторомъ Бове 1, двукратно осматривалъ домъ гр. Толстого и нашелъ его вполнѣ пригоднымъ для помѣщенія Школы. 26 Марта 1829 г. [701]) онъ рапортовалъ Министру о желательныхъ условіяхъ по-

[700]) Эти 16.000 р. въ годъ графъ Толстой предлагалъ, между прочимъ, Дирекціи вносить въ Государственный заемный банкъ, въ погашеніе долга его дочери Аграфены Ѳедоровны, супруги Генералъ-Адъютанта Арсенія Андреевича Закревскаго, по займу, сдѣланному ею въ 1825 г. подъ залогъ ея имѣнія въ Нижегородской губерніи.

[701]) Общ. Арх. Мин-ва Канцел. М-ва. Дѣло 1829 г. № 76/217.

купки Дирекціей этого дома и въ тотъ же день писалъ Директору Канцеляріи Министерства Двора Ситникову такъ: «Никто ничѣмъ такъ не могъ быть оправданъ, какъ я предписаніемъ его Сіятельства отъ 3-го сего мѣсяца объ осмотрѣ дома графа Ѳ. А. Толстого для Школы Московскаго театра. Пора бѣдной Школѣ нашей получить осѣдлость и не быть принужденной перемѣнять нерѣдко худую на худшую квартиру. Съ сею почтою я отвѣтствую рапортомъ Господину Министру, и донесеніе мое, конечно, Вамъ будетъ извѣстно. Въ ономъ я излагаю только, что платежъ 16.000 р. въ годъ будетъ слишкомъ отяготителенъ по средствамъ здѣшней Дирекціи; но этому помочь такъ легко, назначивъ только въ теченіе 24 лѣтъ ежегоднаго пособія отъ правительства по 4.000 р., въ прибавку къ предполагаемой мною уплатѣ капитала съ процентами по 12.000 р. въ годъ, если продавецъ на предложенія, мною изложенныя, не согласится. Домъ хорошъ, помѣстителенъ и близокъ отъ театра и пріобрѣтеніе онаго много обезпечитъ на будущее время Дирекцію. Я изъяснилъ въ донесеніи моемъ, что домъ пріобрѣтается со всею вообще мебелью и зеркалами, кромѣ настоящихъ бронзъ, картинъ и всего, что есть въ кладовыхъ и погребахъ. Управляющій, г. Каризно, не хочетъ, однако, полагать въ продажу нѣкоторыхъ зеркалъ изъ цѣльнаго стекла, безъ коихъ домъ, безъ сомнѣнія, потеряетъ много во внутреннемъ видѣ своемъ и что значатъ уже сіе предметы, когда домъ пріобрѣтается на выгодныхъ для продавца кондиціяхъ. Все это между тѣмъ послужитъ къ украшенію школьнаго заведенія, которое я желалъ бы сдѣлать достопримѣчательнымъ и по виду и по чистотѣ, тѣмъ бо-

лѣе, что ввутреннее устройство оной ежегодно совершенствуется и изъ оной вышли и выходятъ ежегодно истинные таланты. Да если бы что и нашлось лишнее, то можетъ быть промѣнено на вещи полезныя, или продажею облегчить много значительные расходы при отдѣлкѣ, исправленіи дома и перемѣщеніи въ оный школы, а потому покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство довести до свѣдѣнія Его Сіятельства о всепокорнѣйшей моей просьбѣ настоять о неисключеніи изъ продажи вышеозначенныхъ предметовъ. Ничто другое не заставляетъ меня о семъ просить, какъ желаніе устроить сіе заведеніе въ такомъ видѣ, въ какомъ и начальству пріятно будетъ оное увидѣть,—да я увѣренъ, что почтенный продавецъ не погонится уже за сими маловажными предметами. Вотъ въ чемъ состоитъ моя всепокорнѣйшая просьба; она простительна Директору, который о томъ лишь печется, чтобъ возвысить Московскій театръ на возможно высокую степень во всѣхъ частяхъ онаго».

Эта мелочность въ заботахъ о внѣшней представительности, желаніе всячески украсить свое возлюбленное дѣтище-Школу, вполнѣ естественны и извинительны для Директора, съ такою любовью и увлеченіемъ относившагося къ Театральному Училищу, какъ Кокошкинъ. Отвлекаясь въ письмѣ къ Ситникову второстепенными предметами, Кокошкинъ, въ рапортѣ своемъ Министру, обстоятельно указывалъ на болѣе серьезные вопросы, а именно на расходы, сопряженные съ приспособленіемъ дома гр. Толстого къ помѣщенію училища и на затрудненія Дирекціи въ финансовомъ отношеніи при покупкѣ дома. По подробному осмотру архитектора «оказалось, что необхо-

димо въ ономъ произвести нѣкоторыя починки въ печахъ и крышѣ, на что онъ полагаетъ до 4.930 руб.». Кромѣ того, «пріобрѣтеніе сего дома сопряжено также и съ значительными издержками. По мнѣнію Архитектора, около 5.000 р. будетъ стоить исправленіе видимыхъ неточностей, могутъ встрѣтиться и такія, которыя нынѣ непредвидимы; устройство необходимыхъ мѣстъ, нынѣ всюду заводимыхъ по Клевертовой методѣ, также будетъ стоить около 5.000 руб. Сверхъ того невозможно, чтобы при помѣщеніи школы не потребовалось многихъ мелочныхъ устройствъ, какъ-то: передѣлки половъ, устройство перегородокъ и пр. что также составитъ предметъ немаловажный. А сверхъ того и сумма застрахованія сего дома будетъ гораздо значительнѣе, равно и повинности полицейскія».

Кн. Волконскій предложилъ гр. Толстому продать домъ за 150.000 р., но хозяинъ соглашался уступить лишь 25.000 р. и получить за домъ 175.000 р. съ выплатой по 14.000 р. въ годъ въ теченіи 24-хъ лѣтъ. При этомъ гр. Толстой настаивалъ на изъятіи изъ продажи тѣхъ 4-хъ зеркалъ, о которыхъ такъ хлопоталъ Кокошкинъ. Министръ Двора вошелъ съ соотвѣтствующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ о разрѣшеніи на покупку дома гр. Толстого за 175.000 руб. и о назначеніи Дирекціи единовременнаго пособія изъ Кабинета Е. В. въ 20.000 р. на ремонтъ поку паемаго дома. 11 Августа 1829 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе по этому докладу, но позднѣе, способъ расплаты Дирекціи непосредственно съ гр. Толстымъ былъ измѣненъ и кредиторомъ ея сдѣлался Опекунскій совѣтъ.

23 Ноября 1829 г. состоялся слѣдующій Высочайшій Указъ Министру Императорскаго Двора: «Утвер-

дивъ покупку дома у тайнаго совѣтника графа Толстого въ Москвѣ [702]) для тамошняго Театральнаго Училища за 175 тыс. руб., на основаніи учиненныхъ Вами съ нимъ условій, Я повелѣваю Вамъ для платежа сихъ денегъ сдѣлать заемъ изъ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта на имя Московской Театральной Дирекціи 175 т. рублей на правилахъ 24-хъ лѣтнихъ займовъ съ тѣмъ: 1-е, чтобы оный Совѣтъ удержалъ изъ сей суммы слѣдующіе ему по двумъ займамъ графа Толстого и дочери его, супруги Генерала отъ Инфантеріи Закревскаго 139.512 р. 86 к. съ слѣдующими на нихъ процентами, а также проценты, сколько причтется, со дня назначенія въ ссуду означенныхъ 175 тыс. руб. по 11 Августа 1830 г. и преміи по одному проценту; 2-е, чтобы остальную за тѣмъ сумму Опекунскій Совѣтъ выдалъ ему, графу Толстому и разрѣшилъ состоящее по вышеупомянутымъ займамъ въ залогѣ имѣніе его и 3-е, уплату тѣхъ 175 тыс. руб. отъ Московской Театральной Дирекціи начать съ 11 Августа 1830 г., внося ежегодно по 14 тыс. руб. въ Московскій Опекунскій Совѣтъ». Нѣсколько позднѣе, въ 1830 г. послѣдовалъ отпускъ Московской Дирекціи тѣхъ 20.000 руб., которыя она испрашивала на ремонтъ купленнаго у гр. Толстого дома на Б. Дмитровкѣ [703]).

---

[702]) Домъ этотъ, находящійся на углу Б. Дмитровки и Кузнецкаго переулка и въ настоящее время принадлежитъ Дирекціи; въ немъ помѣщается Контора Императорскихъ Московскихъ театровъ.

[703]) Общ. Арх. М. И. Д. Контроль М-ва. Дѣло 1830 г. № 767/430.

Свои неудобства имѣло также отсутствіе собственнаго зданія Дирекціи для помѣщенія Малаго театра. Срокъ контракта Дирекціи съ купцомъ Варгинымъ на наемъ Малаго театра истекалъ 14 Октября 1829 г., между тѣмъ все имущество Варгина, за неисправностью его въ разныхъ казенныхъ поставкахъ, находилось въ опекѣ въ казнѣ. Это заставило Кокошкина 9 Мая 1829 г. [704]) войти съ представленіемъ къ Министру о необходимости выяснить вопросъ о дальнѣйшемъ наймѣ дома Варгина, такъ какъ «нѣтъ возможности обойтись безъ Малаго театра, ибо симъ только средствомъ уменьшаются вечеровые расходы при спектакляхъ, а притомъ комедія, которая всегда по отличнымъ талантамъ въ семъ родѣ привлекаетъ здѣсь публику, не можетъ быть даваема на большой сценѣ, по пространству оной, а посему Малый театръ есть одна изъ важнѣйшихъ необходимостей Московской Дирекціи».

Мечтой Кокошкина было полученіе этого дома въ собственность Дирекціи. «Нынѣ сей домъ, писалъ Кокошкинъ, по случаю неисправности казенной поставки купца Варгина, взятъ въ казенное вѣдѣніе, слѣдовательно отъ воли высшаго начальства зависитъ отдать его вовсе безъ платы Дирекціи Императорскаго Московскаго театра, или по крайности, уменьшить платежъ за оный».

Опеку по имуществу купца Варгина составляли четыре лица, купцы: Краузе, Лефортъ, Попекушевъ и Мордашевъ, при чемъ дѣйствительными распорядителями были первые два, а Попекушевъ и Мордашевъ

[704]) Ibid. Канц. М-ва Дѣло 1829 г. № 82/226.

относились къ дѣлу безучастно, иногда по три мѣсяца подрядъ не являясь въ опеку. По приказанію Министра, Дирекціи удалось войти въ соглашеніе съ опекунами и склонить ихъ къ сдачѣ Малаго театра впредь еще на 4 года, съ платою лишь 11 т. руб., вмѣсто прежнихъ 15 т. руб. Сиротскій Судъ также выразилъ согласіе на эти условія и для соблюденія формальности объявилъ уже въ Московскихъ вѣдомостяхъ торги на сдачу дома Варгина, желающимъ платить за него болѣе 11 т. р. въ годъ. Купецъ Варгинъ опротестовалъ такое дѣйствіе опеки, призналъ сдѣланную публикацію причиною пониженія доходности своего имущества и, возбудивъ вопросъ о преслѣдованіи опекуновъ, въ особенности купца Краузе, поставилъ условіемъ сдачи Малаго театра годовую плату не менѣе 40 т. р.

Указывая на свои затраты, понесенныя въ 1824 г., при сдачѣ Дирекціи Малаго театра, по отдѣлкѣ одной лишь внутренности котораго онъ употребилъ «не одну сотню тысячъ рублей (?)», Варгинъ объяснялъ, что «сіи издержки понесъ онъ, во 1-хъ, собственно для того, чтобы отдавъ домъ въ наемъ Императорской Театральной Дирекціи, впередъ на 5 лѣтъ, съ платой 15.000 руб. въ годъ,—сдѣлать тѣмъ угодное мѣстному начальству (читай: Генералъ-Губернатору князю Голицыну), которое его убѣждало къ тому своими просьбами», во 2-хъ, «имѣлъ въ виду выгоды, тѣмъ же начальникомъ ему предложенныя и заключающіяся въ ссудѣ его деньгами 150.000 рублей», которой впрочемъ, онъ, не воспользовался и, наконецъ, въ 3-хъ—разсчитывалъ по истеченіи срока перваго контракта сдавать Дирекціи тотъ же домъ, за плату уже по 40.000 руб-

лей въ годъ. Варгинъ, въ поданномъ имъ отзывѣ Московскому Сиротскому Суду, категорически требовалъ, чтобы судъ, остановя дѣйствія опекуновъ, благоволилъ бы къ соблюденію пользы имѣнія, домъ, занимаемый Малымъ театромъ, ниже предполагаемой имъ цѣны не отдавать, а обратить на другія болѣе полезныя и выгодныя помѣщенія». Это заявленіе, конечно, задержало заключеніе контракта, согласно соглащенію Дирекціи съ опекунами на наемъ театра за 11 т. р. въ годъ и вопросъ о Маломъ театрѣ затянулся.

29 Октября 1829 г. [705]) кн. Волконскій писалъ Кокошкину: «прочитавъ рапортъ Конторы Дирекціи отъ 20 сего Декабря объ уклоненіи опекуновъ надъ имѣніемъ купца Варгина отъ заключенія контракта на отдачу Дирекціи въ наемъ дома его, въ коемъ помѣщается Малый театръ, я предписываю Вашему Превосходительству употребить всевозможныя со стороны Вашей настоянія въ Московскомъ Сиротскомъ судѣ къ опроверженію затѣйливой и неосновательной просьбы купца Варгина и къ скорѣйшему окончанію сего дѣла; буде же Сиротскій Судъ сдѣлаетъ какое-либо постановленіе, вопреки прежнему его опредѣленію, разрѣшающему опекуновъ отдать Дирекціи въ наемъ домъ Варгина на 4 года, съ платежомъ за каждый по 11 т. руб., то немедля мнѣ о томъ донести для доклада Государю Императору». Но ни эти запугивающія мѣры, ни просьба кн. Волконскаго, въ Февралѣ 1830 г., къ Генералъ-Губернатору «предписать кому слѣдуетъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла по найму Дирекціей дома Варгина», не дали желаемыхъ результатовъ. Сирот-

---

[705]) Ibid.

скій судъ затянулъ дѣло до 1832 г., когда, въ управленіи театрами уже Загоскина, состоялось заключеніе новаго контракта на наемъ того же зданія Малаго театра, съ нѣкоторыми добавочными квартирами, за 20.000 р. въ годъ. Надо, впрочемъ, сказать, что всѣ перипетіи переговоровъ и хлопотъ съ наймомъ дома Варгина не принесли Дирекціи финансоваго ущерба, такъ какъ за все это время Дирекція платила Сиротскому Суду лишь по 11.000 р. въ годъ, но они доставили много безпокойства Кокошкину.

Невыясненность вопроса о пользованіи Малымъ театромъ, послѣ 1829 г., путала всѣ репертуарные разсчеты Дирекціи, какъ разъ въ то время озабоченной заведеніемъ собственной французской труппы, которое безъ наличности Малаго театра было немыслимо. Кокошкинъ писалъ по этому поводу Министру 22 Ноября 1830 г. [706]) такъ: «Обязанностью поставляю донести Вашему Сіятельству, что на Малый театръ въ домѣ купца Варгина, о коемъ условленъ наемъ въ присутствіи Конторы съ опекунами надъ имѣніемъ его,— по упорству перемѣненныхъ впослѣдствіи опекуновъ Сиротскаго Суда, контрактъ еще и доселѣ не заключенъ съ Дирекціей, а оный при устройствѣ французскаго спектакля будетъ сугубо необходимъ, ибо предполагаю спектакли ихъ дѣлать на ономъ, а развѣ тогда на Большомъ, когда потребуетъ сего великолѣпное какое представленіе, или къ сему побудитъ польза и выгода Московскаго театра».

Переходя въ заключеніе настоящей главы къ очерку финансоваго положенія Московской Дирекціи

---

[706]) Ibid.

въ послѣдніе годы управленія Кокошкина, съ 1826 г., мы должны сдѣлать общее замѣчаніе о разницѣ масштаба, который прикладывался въ то время къ оцѣнкѣ денежнаго хозяйства Петербургскихъ и Московскихъ театровъ. Долгъ въ 18.000 р. по отчету Московской Дирекціи за 1830 г., въ связи, впрочемъ, съ неудовольствіемъ кн. Волконскаго за медленность Кокошкина въ устройствѣ французскаго театра въ Москвѣ, послужилъ причиной замѣны Кокошкина въ управленіи Московскими театрами Загоскинымъ. Въ то же время долги и передержки сотенъ тысячъ рублей по Петербургскимъ театрамъ, въ большинствѣ случаевъ, влекли для лицъ, стоявшихъ во главѣ ихъ, лишь замѣчанія и платоническія пожеланія болѣе экономнаго веденія дѣла, на усовершенствованіе котораго, помимо того, тратились въ Петербургѣ такія суммы, какія и не снились Московскимъ Директорамъ.

Чтобы не быть голословными, приводимъ слѣдующій хронологическій перечень экстренныхъ затратъ на Петербургскіе театры въ эпоху до 1840 г. Передъ упраздненіемъ въ 1829 г. Комитета Управленія Петербургскими театрами, Министръ Двора, 5 Апрѣля 1829 г., по Высочайшему повелѣнію, препроводилъ непосредственно въ этотъ Комитетъ 526.000 р., «на платежъ всѣхъ долговъ по С.-Петербургскимъ театрамъ, до того времени накопившихся» [707]). 9 Мая 1830 г. [708]) отпущено С.-Петербургскимъ театрамъ изъ Кабинета Е. В. 24.000 р. на покупку Афросимовскихъ музыкантовъ. Въ 1831 г. затрачено на постройку Михайловскаго театра

[707]) В. П. Погожевъ Историческіе очерки III, стр. 331.
[708]) Ibid. стр. 333.

729.438 р. [709]), а въ 1832 г. отпущены деньги на постройку Александринскаго театра. Въ 1833 г. съ оставленіемъ Дирекціи кн. Гагаринымъ, покрытъ долгъ С.-Петербургскихъ театровъ въ 155.000 р. [710]), займомъ этихъ денегъ Дирекціей изъ Государственнаго Заемнаго банка. Въ 1834 г., по Высочайшему повелѣнію отъ 2 Мая [711]), назначена ежегодная прибавка къ бюджету Дирекціи С.-Петербургскихъ театровъ изъ Государственнаго Казначейства по 230.000 р., а образовавшійся за 1833 г. долгъ уплаченъ изъ суммъ Департамента Удѣловъ. Въ 1835 г. отпущены суммы на перестройку Большого театра въ Петербургѣ [712]), съ повышеніемъ стѣнъ его на 1 сажень. Въ 1836 г. назначенъ отпускъ изъ Кабинета Е. В. за Императорскую ложу во французскихъ спектакляхъ 30.000 р. [713]). Въ 1837 г. на покупку дома для театральнаго экипажнаго заведенія въ Петербургѣ отпущено изъ Департамента Удѣловъ заимообразно 245.000 р. [714]). Дефицитъ Петербургскихъ театровъ за 1839 г. покрытъ займомъ изъ Департамента Удѣловъ [715]) въ 288.575 р. серебромъ, т. е. слишкомъ милліонъ рублей ассигнаціями.

Совершенно понятно, что Петербургскій театръ, по преимуществу въ тѣ времена придворный, съ бо́льшимъ противъ Московскаго кругомъ дѣятельности, и по репер-

---

[709]) Ibid. стр. 335.
[710]) Ibid. стр. 352.
[711]) Ibid. стр. 353.
[712]) Ibid. стр. 356.
[713]) Ibid. стр. 353.
[714]) Ibid. стр. 354.
[715]) Ibid. стр. 355.

туару и по числу театральныхъ зданій, театръ находившійся въ центрѣ административной и умственной жизни Россіи, въ резиденціи Императорскаго Дома, вызывалъ особыя попеченія и требовалъ значительныхъ затратъ, тѣмъ не менѣе разница въ отпускѣ средствъ на Петербургскую Дирекцію и на пасынка ея—Московскій театръ—слишкомъ значительна, чтобы быть оправданной сколько-нибудь логичными соображеніями. И вотъ при такихъ то, сравнительно скудныхъ, матеріальныхъ условіяхъ, въ силу счастливаго подбора талантовъ, каковы Мочаловъ, Щепкинъ, Львовъ, Синецкая и другіе, а главнымъ образомъ, благодаря способностямъ, трудамъ и энергіи Ѳ. Ѳ. Кокошкина и его заботамъ о Школѣ, были заложены прочныя традиціи и фундаментъ Московской русской драматической труппы, бывшей тогда и остающейся и въ настоящее время счастливой соперницей Петербургской.

Глубокое противорѣчіе этого явленія скудному денежному отпуску на Московскій театръ не могло, конечно, вызвать усиленія этого отпуска, но страннымъ представляется то, что это самое противорѣчіе не возбудило вопроса обратнаго—о соотвѣтствіи громадныхъ затратъ того времени на Петербургскій театръ, съ художественными результатами его дѣятельности. Скромность расходовъ бюджета Московскихъ театровъ конца 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ настоящее время представляется изумительной. Стоимость содержанія двухъ труппъ: русской оперно-драматической и балетной, солиднаго оркестра, школы съ 90 воспитанниками, при наличности двухъ театральныхъ зданій и при веденіи репертуара круглый годъ, съ большимъ числомъ сложныхъ балет-

ныхъ, оперныхъ и мелодраматическихъ постановокъ, при оплатѣ содержанія одного лишь административнаго персонала 50.000 р. — обходилась въ годъ не болѣе 700.000 р. ассигнаціями, т. е. при переводѣ на серебро (по тогдашнему курсу 4 ассигнаціонныхъ рубля за одинъ серебряный) — всего 170.000 р.

При такихъ ограниченныхъ рамкахъ бюджета каждая лишняя тысяча рублей въ расходѣ, или въ недоборѣ со спектаклей, грозила благополучному существованію всего дѣла. Первый, послѣ 1812 г., долгъ Московской Дирекціи въ 275.000 р., сдѣланный при покупкѣ дома гр. Толстого, уже пошатнулъ ея положеніе: къ 10.000 р., уплачиваемымъ до того за наемъ дома Балашова, приходилось приплачивать еще 4,000 р., для погашенія долга и, кромѣ того, нести нѣкоторые лишніе расходы по страховкѣ, ремонту и содержанію новаго помѣщенія Школы. Недоборы за время холеры 1830 г. еще болѣе запутали дѣла и къ 1831 г. поставили Московскую Дирекцію въ такое крайнее положеніе, изъ котораго ей пришлось выходить путемъ жестокой мѣры — сокращенія личнаго состава артистовъ. Между тѣмъ, весь дефицитъ 1830 г. выражался цифрой 19.000 р.

Положеніе Московской Дирекціи къ 1 Марта 1831 г. и путь, которымъ она пришла къ нему, обстоятельно обрисовывается запиской Ѳ. Ѳ. Кокошкина о долгахъ Дирекціи, представленной имъ 18 Марта 1831 г., при краткомъ денежномъ отчетѣ за 1830 театральный годъ. Весь долгъ, по исчисленію Кокошкина, опредѣлился суммой 19.558 р. 25 к. [716]),

[716]) Обш. Арх. М. И. Д. Контроль М-ва. Дѣло 1831 г. № 375.

а, за наличнымъ остаткомъ въ 10.677 р. 56½ к., не доставало на уплату долговъ за 1829 г. 4.186 р. 11 к. и за 1830 г.—4.694 р. 65½ к., т. е. всего 8.830 р. 68½ к. Позднѣе, по болѣе обстоятельному подсчету Загоскина, въ Іюнѣ 1831 г. [717]) картина задолженности Московской Дирекціи нѣсколько измѣнилась, а именно: къ упомянутому долгу въ 8.880 р. 68½ к. слѣдовало прибавить неуплаченные % по долгу въ 175.000 р. Опекунскому Совѣту съ 11 Августа 1830 г. по 1 Марта 1831 г. 7.777 р. 78 к. и за разные матеріалы, купленные въ 1831 г. на сумму 1.809 р. 17 к., а всего 9.586 95 к. Такимъ образомъ, дѣйствительная сумма долга выражалась цифрой 18.467 р. 63½ к.

Объясненія Кокошкина были таковы: «Долгъ сей составился на Дирекціи Императорскихъ Московскихъ театровъ, какъ и въ предыдущемъ 1829 г., не отъ несоразмѣрности издержекъ противъ доходовъ, какъ то ясно видно изъ краткаго отчета за 1830 г. [718]), ибо издержано менѣе противъ штатовъ 184.558 р. 09 к., а противъ расхода 1829 г.—71.350 р. 10½ к., напротивъ, Дирекція всемѣрно старается не токмо избѣгать излишнихъ расходовъ, но даже и необходимо потребные уменьшаетъ по возможности, что могутъ подтвердить отчеты за прошедшіе годы; и сдѣланный въ семъ году долгъ есть слѣдствіе нижеслѣдующихъ обстоятельствъ:

1. По открытіи двухъ новыхъ театровъ въ 1824 г. предположено было, по примѣру одного только года, имѣть сборовъ отъ спектаклей, маскарадовъ и дру-

[717]) Ibid. Канц. М-ва. Дѣло 1831 г. № 56/137.
[718]) Ibid. Контроль М-ва. Дѣло 1831 г. № 375.

гого рода представленій 300.000 р., послѣдующіе же годы доказали невѣрность сего предположенія и вмѣсто означенныхъ 300.000 р. поступило въ доходы Дирекціи: въ 1825 г., по день прекращенія спектаклей по случаю Высочайше установленнаго траура въ память Государя Императора Александра Павловича, по 28 Ноября,—166.090 р. 50 к.; въ 1827 г. собрано только 275.203 р. 37½ к., въ 1828 г., по 29 Декабря, по день закрытія театра по случаю кончины Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и со времени открытія театра по прекращенію траура, съ 1 Января до конца карнавала,—229.581 р.; въ 1829 г. поступило сборовъ 229.927 р. 27 к. Что же касается до сборовъ отъ спектаклей въ 1826 г., кои простирались до 319.675 р. 50 к., то оные не могутъ служить образцомъ для другихъ годовъ, ибо, хотя спектакли начались съ 28 Іюля, но необыкновенное стеченіе вообще всѣхъ сословій, по случаю Высочайшей Коронаціи, вознаградило съ избыткомъ потерянное время. Въ прошедшемъ же 1830 г. поступило доходовъ со спектаклей данныхъ на городскихъ театрахъ и въ театрѣ Нескучнаго сада, только 120,234 р. 65 к., несмотря на то, что бывшіе на семъ послѣднемъ театрѣ сборы весьма много помогали лѣтнимъ доходамъ отъ спектаклей и хотя въ замѣнъ оныхъ Всемилостивѣйше даровано за время существованія въ Москвѣ эпидеміи по 19.000 р. въ мѣсяцъ, всего же вообще съ 16 Сентября 1830 г. по день открытія театровъ, т. е. по 8 Февраля сего 1831 г. 89,993 р. 33 к., но сіе пособіе не могло замѣнить собою сборовъ, обыкновенно бывающихъ въ тѣ мѣсяцы, кои по доходамъ признаются наивыгоднѣйшими въ году.

2. Вмѣсто 10.000 р. въ годъ, предположенныхъ въ доходы Дирекціи Императорскихъ Московскихъ театровъ за буфетъ и кафе, за прошлый 1830 г. поступило только 4.991 р. 67 к., слѣдовательно менѣе 5.008 р. 33 к. Сіе послѣдовало отъ того, что срокъ прежняго контракта кончился по 1 Октября, новый же заключенъ только съ 7 числа истекшаго Февраля, да въ предъидущихъ 1828 и 1829 годахъ доходы съ буфета и кафе простирались не свыше 7.700 р.

3. Въ число 500 р. ежегодно платимыхъ содержателемъ театральной типографіи внесено имъ только 250 р., остальную же сумму онъ проситъ сложить съ него, по той причинѣ, что въ заведеніи его не было никакого производства во все время существованія въ Москвѣ повальной болѣзни.

Изъ всего вышеприведеннаго очевидно, что причиною послѣдовавшаго долга было постигшее столицу, съ половины прошедшаго театральнаго 1830 г., бѣдствіе и что Московская Дирекція, при умѣренности расходовъ своихъ, не токмо не сдѣлала бы дефицита, если бы спектакли открылись хотя недѣлею ранѣе, какъ сіе и предполагалось, но даже сохранила бы нѣкоторый остатокъ. Сверхъ того послѣдній день карнавала, т. е. 1 числа Марта 1831 г., далъ сборами болѣе 8.700 р. и если бы сумма сія могла быть причислена къ доходамъ прошедшаго театральнаго года, то и никакого даже долга (считая и оставшійся отъ прошедшаго 1829 г.) на Дирекціи не было. Если же бы по крайней мѣрѣ доходы, означенные во 2 и 3 статьяхъ, поступили на приходъ сполна, то и въ семъ случаѣ нынѣ дефицита быть не могло.

Въ заключеніе сего присовокупить должно, что всѣ вообще служащіе при Дирекціи Императорскихъ Московскихъ театровъ по 1 Марта 1831 г. жалованьемъ и всѣми окладами вполнѣ удовлетворены, а также за Мартъ и Апрѣль мѣсяцы сего года, по наличности нынѣ театральной кассы, никакого затрудненія въ отношеніи слѣдуемаго жалованья произойти не можетъ».

Приведенная записка есть послѣдній документъ, за подписью Кокошкина, встрѣчающійся въ Архивѣ Министерства Двора. Это—лебединая пѣснь Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина, жалобно звучащая оправдываніемъ въ дефицитѣ, за который, по справедливости, онъ не долженъ былъ считаться отвѣтственнымъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь справедливаго соображенія Кокошкина, что болѣе раннее открытіе театровъ, по прекращеніи эпидеміи, дало бы Дирекціи возможность избѣжать долга. Необъяснимое упорство Московскаго Генералъ-Губернатора кн. Голицына въ задержкѣ открытія спектаклей послѣ холеры являлось съ его стороны прямымъ капризомъ, такъ какъ фактически онъ не отрицалъ допустимость сбора публики въ театрѣ и разрѣшилъ концерты г-жи Бертранъ въ томъ же большомъ театрѣ на 24 и 31 Января 1831 г., т. е. ранѣе чѣмъ за недѣлю до Февраля, когда данъ былъ первый спектакль въ томъ же театрѣ. Другое соображеніе Кокошкина, о справедливости зачета 8.700 р, собранныхъ на спектакляхъ 1 Марта 1831 г., было уважено Контролемъ Министерства. Такимъ образомъ 1831 г. принялъ долгъ всего въ 9.767 р. 63½ к. и эта незначительная цифра послужила поводомъ къ потерѣ Московскимъ

театромъ 15 артистовъ (за сокращеніемъ труппъ) и талантливаго руководителя Московской Дирекціи Ѳ. Ѳ. Кокошкина.

Для большаго освѣщенія финансовыхъ затрудненій Московской Дирекціи того времени слѣдуетъ упомянуть еще о паденіи курса ассигнаціоннаго рубля. Въ 1824 г., какъ мы видѣли (см. кн. 1 глава 5 стр. 303) курсъ серебрянаго рубля стоялъ 3 р. $7^1/_2$ к., а въ 1827 г. онъ повысился до 4 рублей и лажъ на серебро доходилъ до 300%. Иначе говоря, ассигнаціонный рубль, стоившій въ 1824 г. 28 к., въ 1827 г. цѣнился лишь въ 25 к. Это пониженіе стоимости ассигнаціоннаго рубля почти на 11% не отражалась на вознагражденіи личнаго состава, получавшаго вознагражденіе ассигнаціями, но, при соотвѣтствующемъ повышеніи цѣны товаровъ, увеличивало расходъ по всей матеріальной части на тѣ же 11% [719]),

---

[719]) 16 Сент. 1827 г. Московская Контора, препровождая въ Контроль Министерства счетъ движенія серебряной монеты въ кассѣ театра, объясняла, «что монета сія до сего времени принималась въ доходы театра, по примѣру прежнихъ лѣтъ, при спектакляхъ по курсамъ, въ Московскихъ вѣдомостяхъ объявленнымъ; по другимъ же предметамъ, какъ то: при маскарадахъ, бенефисахъ артистовъ театра—пополамъ съ Дирекціей, при отдачѣ залъ для концертовъ и другихъ представленій, при продажѣ масокъ и пр.—по курсу въ 4 рубля. Употребляется въ расходъ означенная монета при закупкахъ, когда дѣлаются онѣ на ассигнаціи, вообще по курсу въ 4 рубля, выдача же вообще всего жалованья производится ассигнаціями, а всѣ прочія окладныя и контрактныя статьи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ, уплачиваются серебромъ или ассигнаціями съ лажемъ». (Ibid. Дѣло 1827 г. № 756/419).

что при общей годовой суммѣ этихъ расходовъ Дирекціи до 300000 р. составляло разницу слишкомъ въ 30000 р. въ годъ, съ избыткомъ оправдывавшую обнаруживавшійся къ 1831 г. дефицитъ.

Измѣненіе курса ассигнацій, кромѣ того, неблагопріятно отражалось на усложненіи работы ограниченнаго состава чиновниковъ Московской Дирекціи, главнымъ образомъ въ учетѣ курсовой разницы при продажѣ билетовъ на спектакли и въ счетоводствѣ по учету лажа на серебро. Только что учрежденный Контроль Министерства Двора ревниво охранялъ единообразіе бухгалтерскихъ порядковъ во всѣхъ учрежденіяхъ Министерства. 19 Августа 1827 г. [720]), въ замѣчаніяхъ своихъ по расходнымъ вѣдомостямъ Московскихъ театровъ, онъ писалъ Московской Конторѣ такъ: «въ наличномъ остаткѣ отъ Февраля къ Марту серебро 526 р. 40 к. принято съ лажемъ въ 300%, въ послѣдующихъ же за тѣмъ мѣсяцахъ, по вѣдомостямъ на вступившее серебро, данъ лажъ по разнымъ курсамъ. Въ расходахъ выводится серебро вездѣ съ одинаковымъ лажемъ по 300%. Таковое разнообразіе лажныхъ денегъ влечетъ по счетамъ одно затрудненіе, во избѣжаніе чего, должна Контора Московскаго театра, принимая отъ вносителей серебро по курсу, существующему въ народномъ обращеніи, въ день полученія онаго, или на основаніи правилъ, имѣющихся по сему случаю, записывать по вѣдомостямъ своимъ въ приходъ и расходъ съ одинаковымъ лажемъ по 300%, а если бы произошла отъ сего

---

[720]) Общ. Арх. М. И. Д. Контроль М-ва. Дѣло 1827 г. № 756/419.

прибыль или убыль, то показывать оныя по вѣдомостямъ особыми статьями».

Идя на встрѣчу желанію Контроля упорядочить счетоводство и во избѣжаніе сложнаго учета курсовой разницы, Кокошкинъ 20 Сентября 1827 г. [721]) сдѣлалъ такое представленіе Министру: «Вашему Сіятельству не безъизвѣстно, что всѣ мѣста безъ исключенія въ спектакляхъ Московскаго театра продаются на ассигнаціи и мѣдную монету — до сихъ поръ принимается также и серебро, но не иначе, какъ по курсу, объявляемому въ Московскихъ вѣдомостяхъ. Контора Дирекціи, по малому числу канцелярскихъ чиновниковъ и по увеличенію занятій по счетоводству вновь установленному Контролемъ Министерства Императорскаго Двора, едва имѣя время заниматься текущимъ своимъ дѣломъ, находитъ одно средство облегчить чрезмѣрно сложное свое счетоводство; средство сіе состоитъ въ слѣдующемъ:— такъ какъ серебро поступаетъ доселѣ отъ однихъ посѣтителей театра, и то въ весьма маломъ количествѣ, то Контора можетъ распорядиться, дабы всѣ сборныя деньги поступали въ кассу казначея ассигнаціями и мѣдною монетою и тогда всѣ мелочные разсчеты часто мѣняющагося курса на серебро не будутъ болѣе затруднять счетоводство Конторы и повѣрку Контроля. Отъ сей перемѣны казна не потерпитъ ничего и сумма за проданныя мѣста будетъ совершенно одна и таже, а сверхъ того отвратятся и другія неудобства, ибо иногда и самая маловажная перемѣна въ курсѣ производитъ при продажѣ биле-

[721]) Ibid. Дѣло 1827 г. № 750/422.

товъ на серебро, величайшія затрудненія. Если Контора, по примѣру вообще всѣхъ казенныхъ мѣстъ, получитъ позволеніе распоряжаться въ семъ случаѣ вышесказаннымъ образомъ и принимать въ кассу казначея одни ассигнаціи и мѣдную монету, то всѣ сіи неудобства уничтожатся сами собою». Повидимому Кокошкинъ предполагалъ закрыть публикѣ возможность расплачиваться за театральные билеты серебромъ и устранить совсѣмъ вопросъ о лажѣ, но не ясно выразилъ мысль, обобщивъ понятія о билетной кассѣ и о кассѣ казначея, т. е. Конторы Театровъ. Контроль одобрилъ предложеніе Кокошкина и Министръ его утвердилъ 26 Сентября 1827 г., сдѣлавъ такую оговорку: «съ тѣмъ однако же, чтобы серебро принимаемо было отъ приносителей, какъ доселѣ дѣлалось, съ лажемъ, какой въ день поступленія состоять будетъ въ народномъ обращеніи». Очевидно кн. Волконскій не понялъ существа дѣла и этой оговоркой свелъ всю затѣю Кокошкина на нѣтъ.

Коснувшись дѣятельности Контроля Министерства за первое время его существованія, мы должны упомянуть, что, по отношенію къ Московской Дирекціи, дѣятельность эта отмѣчена корректностью и имѣла положительное вліяніе на упорядоченіе хозяйственнаго дѣлопроизводства Московскихъ театровъ, начавшееся установленіемъ формъ счетоводства, одинаковыхъ для всѣхъ учрежденій Министерства Двора.

Въ ревизіонной дѣятельности Контроля за эпоху до 1831 г. можно отмѣтить три болѣе или менѣе интересныя замѣчанія его, открывшія собою походъ на рутину театральныхъ порядковъ, которые покоились до того времени на недомолвкахъ положенія

1809 г. и на произволѣ Генералъ-Губернатора кн. Голицына. Дальнѣйшая ломка этихъ порядковъ захватила уже эпоху управленія Московскими театрами Загоскинымъ и описаніе ея войдетъ въ слѣдующую главу.

Всѣ три упомянутыя замѣчанія относятся къ ревизіи отчетности Московскихъ театровъ за 1830 г. Мы выписываемъ ихъ послѣдовательно изъ текста Журналовъ постановленій Контроля, утвержденныхъ Министромъ въ 1831 г. [722]).

Первое постановленіе относилось къ порядку уплаты содержанія чиновникамъ Дирекціи; оно гласило такъ: «Г.г. Директору театровъ, Управляющему Театральною Конторою, начальнику репертуарной части, секретарю, смотрителямъ театровъ и за сборами отпускалось жалованье ежемѣсячно, Указомъ же 1805 г. Марта 8-го разрѣшенъ отпускъ ежемѣсячнаго жалованья однимъ только канцелярскимъ чинамъ и служителямъ, а прочіе чины должны довольствоваться на основаніи общихъ узаконеній по третямъ года». Это замѣчаніе заканчивается резолюціей: «поставить въ обязанность: таковое отступленіе отмѣнить, впредь вышепрописаннымъ чинамъ производить жалованье по третямъ».

Второе замѣчаніе касалось вопроса о гербовомъ сборѣ съ контрактовъ, заключаемыхъ съ артистами: «Изъ ревизіи, говорило постановленіе, оказывается, что заключенные съ артистами контракты писаны на 50-ти копѣечныхъ листахъ гербовой бумаги, а въ законѣ сказано, что всѣ контракты, условія и дого-

[722]) Ibid. Дѣло 1831 г. № 375.

воры, какого бы оные рода не были, писать на крѣпостной бумагѣ; а на семъ основаніи, за крѣпостную бумагу съ разныхъ артистовъ причитается къ взысканію 1.225 р. 50 к., то о взысканіи сихъ денегъ и объ отсылкѣ куда слѣдуетъ также предоставить Дирекціи распорядиться немедленно». Повидимому въ тѣ времена еще не додумались до признанія въ подобныхъ случаяхъ отвѣтственной за недоборы—администраціи театра и, безъ всякихъ колебаній, возложили взысканіе на ничѣмъ неповинныхъ артистовъ. При дальнѣйшей повѣркѣ, сумма причитавшагося крѣпостного сбора оказалась значительно больше и Московской Конторѣ пришлось взыскать съ артистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже оставили службу, въ общемъ 2.317 р. 50 к.

Третье постановленіе Контроля касалось весьма существеннаго дефекта въ хозяйственной отчетности Московскихъ театровъ — отсутствія матеріальныхъ книгъ. По этому поводу Контроль высказался такъ: «Что касается открывшагося обстоятельства, что при Дирекціи Московскихъ театровъ нѣтъ вовсе шнуровыхъ книгъ на записку въ приходъ и расходъ разныхъ матеріаловъ и другихъ вещей, хотя Контора Дирекціи отозвалась, что въ Высочайше конфирмованномъ 1809 г. постановленіи о управленіи Московскихъ театровъ имѣть матеріальныхъ книгъ не назначено, но таковой отзывъ нельзя почесть извинительнымъ: во первыхъ потому, что о веденіи матеріальныхъ книгъ казенному имуществу, которое есть тотъ же капиталъ, существуетъ общій законъ съ 1724 г., а во вторыхъ, что и въ самомъ положеніи 1809 г., на которое Контора указываетъ, имѣть таковыя

книги именно опредѣлено. Для того поставить Театральную Дирекцію въ обязанность завести немедленно шнуровыя книги для записки прихода и расхода матеріаловъ, припасовъ и сдѣланныхъ изъ оныхъ вещей, или готово купленныхъ и всѣ оные туда вписать».

Всего лишь девять лѣтъ руководилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ Московскими театрами, но эпоха его управленія является въ высшей степени интересной для исторіи театральнаго дѣла. Эпоха эта представляетъ собою полную картину жизни большаго театральнаго учрежденія, отражая въ ней всѣ тѣ темныя мѣста и подводные камни, съ которыми, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, приходится театральнымъ дѣятелямъ считаться и теперь. Въ кокошкинской эпохѣ какъ бы сосредоточились всѣ крупныя явленія, имѣющія особое значеніе въ театрально-административной машинѣ. Тутъ и перемѣщенія правящихъ центровъ и перемѣны въ составѣ лицъ, вершащихъ судьбы театра, здѣсь же капризы и прихоти вліятельныхъ классовъ, столкновеніе самолюбій высокихъ сановниковъ, интриги артистическаго состава и, наконецъ, своекорыстные происки разнаго рода дѣльцовъ, ищущихъ возможности поживиться за счетъ богато обставленнаго казеннаго учрежденія. Не смотря на слабое развитіе въ кокошкинскую эпоху театральной столичной антрепризы и на младенческое состояніе сценической критики, Директору Московскихъ театровъ приходилось считаться и съ конкуренціей Московскаго театра въ Москвѣ и со сманиваніемъ артистовъ Петербургскими театрами и въ то же время выносить нападки пристрастной прессы. Ко всему этому, какъ мы ви-

дѣли, тяжелымъ бременемъ легли на кокошкинскую эпоху разнаго рода стихійныя невзгоды.

Человѣку, матеріально обезпеченному, коренному Московскому барину, Кокошкину, нужно было носить въ себѣ много любви къ дѣлу, энергіи и даже фанатизма, чтобы продержаться хотя бы эти девять лѣтъ на отвѣтственномъ и безпокойномъ посту Директора Московскихъ театровъ. И дѣйствительно Кокошкинъ былъ фанатикъ. Вся жизнь, всѣ помыслы его были въ театрѣ. Лавируя между преобладающими теченіями въ Москвѣ и Петербургѣ, твердо держа въ въ рукахъ возжи сложнаго управленія театрами, Кокошкинъ не гнушался черной работой смазки и починки грузнаго сценическаго экипажа, по ночамъ пригонялъ монтировку пьесъ, самъ проходилъ роли съ артистами, добросовѣстно вникалъ въ мелочи дѣтской жизни училища, выкраивалъ гроши въ скромномъ театральномъ бюджетѣ и въ то же время добросовѣстно изучалъ современную драматическую литературу, успѣвалъ самъ писать пьесы и даже составлялъ грандіозные проекты народнаго театра. Энергія по истинѣ изумительная!

Принявъ отъ Майкова наслѣдство въ только что возрожденномъ изъ пепла двѣнадцаго года наемномъ зданіи театра, Кокошкинъ сдалъ своему преемнику два тетральныхъ зданія и цѣльную полную театральную машину съ укомплектованными труппами, съ оркестромъ и со школой въ тѣхъ рамкахъ репертуарной дѣятельности, которыя существуютъ и до сего времени.

Слѣдуетъ отмѣтить еще и то, что кокошкинская эпоха стоитъ на гребнѣ того перевала въ исторіи

Московскихъ театровъ, по ту сторону котораго остались осколки взрощеннаго Московской интеллигенціей, быстро поднявшагося по крутизнѣ, Медоксова театра, а по сю сторону открылась наклонная плоскость, по которой долгіе годы скользилъ заброшенный Петербургскимъ управленіемъ Московскій театръ.

На этомъ то гребнѣ и балансировалъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, оставаясь всегда защитникомъ не своихъ личныхъ интересовъ, а интересовъ своего театра. Безкорыстіе Кокошкина исключительное, онъ не строилъ на театрѣ ни карьеры, ни личнаго своего благополучія; при недостаткѣ театральныхъ денежныхъ средствъ, какъ мы видѣли, онъ первымъ обдѣлялъ самаго себя. На своихъ собственныхъ плечахъ стремился онъ поднять репутацію излюбленнаго имъ Московскаго театра и достигъ этой цѣли.

Современная литературная критика съ улыбкой прочтетъ теперь перечень пьесъ репертуара Кокошкинской эпохи, но, для своего времени, это былъ лучшій репертуаръ и въ выборѣ его, также, какъ и въ исполненіи, Московскій театръ шелъ впереди Петербургскаго.

Во всякомъ случаѣ такихъ безкорыстныхъ, какъ Кокошкинъ, кладущихъ въ дѣло всю душу свою, театральныхъ администраторовъ немного насчитаетъ безпристрастная театральная исторія и москвичи имѣютъ полное основаніе съ почтеніемъ и признательно, добрымъ словомъ, поминать своего Ѳедора Ѳедоровича.

В. Погожевъ.

КОНЕЦЪ III КНИГИ.